

СКАГАРАН

**НЕВИДИМОЕ
СОЛНЦЕ**

КОНСТАНТИН КОСТИН

Человечество прожило на новой планете 117 лет. Люди не только выжили, но и распространились по всему миру, смогли восстановить весь научный потенциал, бывший когда-то на Старой Земле. Однако чертям, коренным жителям, показалось, что на этой планете слишком много приезжих. Землянам предстоит еще одна битва за место под солнцем. И для кого-то она станет последней.

Константин Костин

Невидимое Солнце

Те, кто сражается на войне, — самые замечательные люди, и чем ближе к передовой, тем более замечательных людей там встретишь;

зато те, кто затевает, разжигает и ведет войну, — свиньи, думающие только об экономической конкуренции и о том, что на этом можно нажиться.

Я считаю, что всех, кто наживается на войне и кто способствует ее разжиганию, следует расстрелять в первый же день военных действий доверенными представителями честных граждан своей страны, которых они посылают сражаться.

Э. Хемингуэй

Глава 1

Тилис!

Говорят, это не наша родная планета. Хотя, почему это «говорят»? Новая Земля... кто ее сейчас так называет — «Новая Земля»? Давно уже просто «Земля». А ту, старую Землю, с которой человечество 117 лет (по староземным меркам — около 150 лет) назад закинуло сюда, давно называют «Старая Земля».

Как, почему, и зачем мы оказались на этом куске камня, бесцельно блуждающего на орбите Солнца, никто до сих пор не знает. Мы даже не знаем, жива ли та, Старая Земля, наша большая Родина. Сгорела в пламени Третьей Мировой Войны, разлетелась по бескрайним просторам вселенной мелкими кусочками, столкнувшись с очередным метеоритом, одному из которых и приписывают наше появление здесь, или человечество достигло высшего уровня развития, когда может существовать без войн, пищи и денег.

Мы не можем. Ни без войн. Ни без пищи. Ни, тем более, без денег. Но несмотря на это, несмотря на Первую Чертову Войну, Пограничную войну, Вторую Чертову Войну, а между ними — еще пару репрессий, связанных с разоблачением культа личности Грачева, а потом — его реабилитацией, человечество с жалкой горстки выросло до 25 000 000! С копейками.

Конечно, в первую очередь в этом — заслуга Совета и его Генерального Председателя. Всех Председателей Совета...

— Папшган! — кулак Виталика врезался в плиту броника. — О чем задумался?

— О великом будущем нашей Великой страны! — брякнул я первое, что пришло в голову.

Если с остальными этот фокус у Лопатина прокатывал, и собеседник что-то невнятно лепетал, а лейтенант, со смехом, отвечал «думать надо о защите!», то со мной — никогда! Милиционеру вообще стоит думать только о великом будущем, патриотизме, героизме и т. д. А то мало ли чего...

— Гы... э-э... правильно, — ответил напарник. — Дай рубль займы, а то жарко, как в печке. Пойду, водички куплю. Холодненькой.

— Ты и так мне уже полтинник торчишь, — возразил я. — Куда ты только деньги деешь?

— С зарплаты отдам, — клятвенно заверил Виталик.

— С какой?

— С какой-нибудь!

Прав он был в одном. Солнце в самом деле жарило непомерно. Но это еще с полмесяца. Потом Арес закроет его собой, и на пару недель вся планета погрузится в темноту. Наступит Невидимое Солнце. Даже здесь, в Грачевске, температура опустится до нуля градусов. А в горах — все минус тридцать. Хорошо еще, что это явление случается раз в три года, можно потерпеть. Вон, на старой Земле одно полушарие на полгода вообще снегом покрывалось, и ничего, жили как-то люди. И мы выживем.

— Так рубль дашь?

Здесь, в тени высоты, где стоял джип, было еще терпимо. Жарко, но не так, чтобы совсем. Будет совсем — можно включить кондей, но это перерасход топлива. А за экономию топлива — премии. Потому патрули, обычно, и не ездили по своим районам, как должны, а стояли себе где-нибудь в теничке, где никогда ничего не происходит, чтобы не приходилось

выходить на пекло, проводить аресты, писать бумаги, заполнять журналы и т. д.

Да и водичка у меня была — бутылка «Верхнезаводской» под сиденьем. Но от чего бы я не отказался — это немного перекусить. Так что я дал Лопатину не рубль, как он просил, а целую трешку.

Впустив на несколько секунд в салон автомобиля звуки города, приглушенные до этого броней, офицер, обвешанный снаряжением, как новогодняя елка игрушками, вышел из джипа, еще немного подумал, оставил внутри автомат, и только после этого закрыл дверку. Правильно. Недавно он забыл оружие в шашлычной и хватился только в конце смены. Пришлось потом возвращаться, искать скага, успевшего закрыть свое заведение... целая история! Виталика вообще хлебом не корми — дай в историю вляпаться.

В ожидании напарника, я разглядывал город. Несмотря на то, что броневик стоял мордой к центральной площади города, с памятником Борису Грачеву в центре, видел я немного. Полдень. Жара. Вечером будет прохладнее, вылезут влюбленные парочки и те, кто ищет вторую половину, чтобы стать влюбленной парочкой. Да пенсионеры.

Один скаг неспешно подметал мостовую, больше поднимая пыль, чем избавляя улицу от сора. Еще несколько инопланетян красили фасад здания неподалеку. Куда-то спешил мужчина в костюме с портфелем. Вот он остановился, поднял глаза на часы на башне, посмотрел на свои часы на руке, выругался, и почти побежал дальше. Мамочка с коляской сидела на лавочке, уткнувшись в телефон, и, скорее — автоматически, качала ребенка. Кстати, ничего себе такая мамочка. И юбка, похоже, гораздо выше, чем положенные десять сантиметров от колена. Можно бы выйти, составить протокол, выписать штраф, заодно познакомиться. Но жарко...

Промчались два мальчугана на велосипедах, неспешно проехал почтовый фургон. Хорошее, тихое, спокойное дежурство. Чтобы каждый раз такое было.

— Чертов Шолош! — выругался, вернувшись, Виталик. — Говорю: у тебя шашлык из чего? Оказывается — из свинины. А как же так, спрашиваю, вам же Тилис, Единый В Трех Ликах, запрещает человеческую пищу есть. И, знаешь, что он мне отвечает? Я, говорит, сам это не ем, я только готовлю и вам продаю! Кстати, у него лицензия через месяц заканчивается. Хоть на день просрочит — сдам его в ОДИ.

Мне эта идея решительно не понравилась. Такой шашлык: идеально прожаренный, но сочный, с луковыми кольцами, сбрызнутыми уксусом, тоненькими, почти прозрачными кругляшами помидор и нарезанным спиралью огурчиком, во всем городе больше никто не готовил. И мне, признаться, было абсолютно до Тилиса, Единого В Трех Ликах, чем он сам питается, равно как и наличие или отсутствие рогов у него на голове, как и цвет его кожи. И регистрации.

Черти... готовят они нереально восхитительно! Умудряясь при этом держать приемлемые цены. В любом городе найдется добрая сотня шашлычных, кафе и прочих заведений общепита с названиями «Конош», «Скагаран», «Великий Хан» или с вовсе труднопроизносимым «Дашичухашау», что в переводе означает просто «человеческая еда».

Да, черти. Нет, это не толерастно. Надо говорить «скагаране». Ну или «скаги» — тоже нормально. Когда-то, когда мы еще только обживались на этой планете, лет 100 назад, американцы провели исследования, и оказалось, что скаги — они не люди. Ну да, по тем временам, оказавшись на чужой планете, конечно, людей-то мы встретить и ожидали. В общем, они не люди. Но инопланетяне. Хотя для них инопланетяне — мы.

Из истории я знаю, что первый контакт был не совсем мирным. Потом с красными

скагами мы жили вполне дружно, а с коричневыми — нет. Так случилась Первая Чертова Война. Впрочем, принимая во внимание, что земли коричневых скагов от нас отделяли Новые Американские Штаты, это была, главным образом их головная боль. И, победив в войне (не без нашей помощи), янкели эту проблему решили. По-своему. Выжгли напалмом леса, где прятались скаги, загнали их в горы, и когда коренное население, ошалевшее от холода и голода, доведенное до того, что жрали друг друга, еще и причмокивая, было готово на любые условия, лишь бы не передохнуть совсем, переместили чертей в резервации.

Слухи это или правда, тут уже сказать не могу, но говорят, что даже за колючей проволокой наши партнеры не оставили чертей в покое. Собирали со всех больниц, преимущественно с инфекционных отделений, постельное белье и щедро снабжали им скагаран. В итоге коричневые скаги сегодня встречаются реже, чем триппер в детском саду.

С красными все случилось наоборот. Мы даже помогли отстроить им настоящий город — Скагаранский Халифат. Так его называли мы, люди. Не знаю уж что, но что-то в этом городе напоминало нашим предкам нечто с их родной планеты. Сами скаги называли его Шачашижихатау — Пещеры, построенные руками или Машишожихалаконош — Благо, дарованное Коношем, Великим Ханом. Парень, видать, в самом деле был не промах — в Верхнезаводске ему даже памятник отгрохали. Правда, во время Второй Чертовой Войны егс снесли ко всем чертям, но это уже к его заслугам не относится.

Короче, жили мы с инопланетянами вполне дружно, люди жили у скагов, учили их многому, что сами умели и знали, а рогатые жили у нас. Построили еще несколько городов. Как мы, так и они. Причем, поскольку людей тогда еще было не особо много, строили в основном черти. Благо, стоила их работа недорого: десяток ящиков автоматов очередному Великому Хану, или броневичок, а самим строителям — миску похлебки за смену. После — золото. Черти, познакомившись с благородным металлом, просто потеряли голову. Несмотря на крепкие родовые связи, заветы Тилиса, Единого В Трех Ликах и так далее, за золото скаги были готовы продать родного отца! По-моему, любой инопланетянин, заработав чуть больше, чтобы не помереть с голоду, начинал скупать золото в невероятных количествах, причем — отвратительные, кричащие, вычурные изделия, и старался напялить на себя одновременно все, что возможно. Некоторые дельцы пытались впарить им липу, но каким-то чудом (по запаху, что ли?) скаги всегда определяли подделки и смерть мошенника была страшной... правда и резали чертей за их золото в подворотнях пачками. И люди, и соплеменники.

Неудивительно, что человеческие города вырастали на чужой планете, как грибы, а подрядчики, со стороны людей, вмиг стали самыми богатыми и уважаемыми людьми.

Поднимались и сами ханы. Кстати, на счет Великих Ханов я слегка соврал, таким званием был удостоен один лишь Конош. Остальные — просто Ханы. Если до этого благосостояние одного скага от другого отличалось тем, что у первого в колчане было десять стрел, а у другого — одиннадцать, то теперь одни, приобщившись к благам цивилизации в виде рыночной экономики, ходили в штанах и рубашках, ездили в автомобилях и жили во дворцах, то другие... самым существенным отличием, пожалуй, стало то, что их набедренные повязки стали не плетеными из травы, а из ткани. И работать стали больше.

Винили во всем, конечно, людей. И, когда грянула Пограничная война, зачинщиками которой стали мы с американцами, тысячи скагов с огромным удовольствием встали под знамена обеих сторон конфликта, дабы убивать людей. Ну и себе подобных, куда без этого?

Удивительно то, что выиграли от этого, в большей степени, именно черти. Для людей, и там, и тут, война закончилась вообще непонятно. Мы убеждены, что победили мы, американцы убеждены, что победили они. Хотя покрошили друг друга примерно поровну. Даже границы остались прежние.

Тысячи рядовых скагов остались лежать в земле, а ханы, которые, естественно, посылали своих подданных на убой далеко не безвозмездно, поднялись еще больше. То было время, когда Скагаранский Халифат утопал в роскоши, и уже не мы платили ханам, а ханы платили нам. За автоматы, инкрустированные золотом и драгоценными камнями, за автомобили, которые ханы покупали потому что... ну на старом он уже три раза прокатился, надоело. Хочу новый. И за мраморные бассейны. И много еще за что, про что сказать стыдно.

Ясен палец, что долго так продолжаться не могло. Многие скаги, которые в Пограничной войне убивали как людей, так и скагов, решительно не понимали, какого черта они проливали чертову кровь в чужой войне? Вот сто пудов не для того, чтобы ханы хапали себе еще больше.

И в один день гроыхнуло. Вооруженные, чем Тилис послал, они устроили революцию. Ночь Калашматов. Ведь Тилис послал им именно старые добрые автоматы Калашникова, изобретенные еще на той, Старой Земле, но настолько простые в производстве и неприхотливые, что и здесь, на Новой Земле мы продолжали их клепать десятками и сотнями тысяч штук. Если раньше это оружие было самым распространенным на нашей родной планете, то после Пограничной войны оно стало самым распространенным и здесь. Я даже скажу больше: если когда-нибудь на нас посыплются с неба трехголовые шестирукие пришельцы, и вооружены они будут автоматами Калашникова — я ничуть не удивлюсь. Без преувеличения творения земного инженера, чье имя история не сохранила, только фамилию, можно назвать самым распространенным во вселенной оружием.

Такой резни планета не знала за две предыдущие войны. За одну ночь популяция скагов, живших на материке, сократилась в два раза — и это еще по скромным подсчетам! Хань, кто успели — бежали. И бежать, кроме как к нам, им было некуда. Вот тут мы отыгрались по полной. За эвакуацию в Город Башен мы обобрали ханов для нитки. Тех, кто бежал к нам. Тех, кто в Пограничной войне помогал амерам и бежал к ним, обобрали до нитки наши вчерашние враги, сегодняшние партнеры. В итоге ханы, поддерживавшие в недавнем конфликте разные стороны, оказались в одном месте. И как они уже там ужились — Тилис, Единый В Трех Лицах ведает. Мне до лампочки.

Но и Ночь Калашматов не принесла скагам долгожданного счастья. Если до революции Скагаранский Халифат просто кипел неудовольствием пролетариата, то теперь к этому добавилось еще и отсутствие денег. Хань, что могли — забрали с собой, что не забрали — то борцы за справедливость в запале кровопускания разрушили, сожгли или попросту растащили. Лидеры революции сами были на волоске от удобрения собой полей, на которых нихрена не росло, потому как не было посеяно. Все были слишком заняты войной. И виноватых во всех злоключениях скагов нашли моментально. Конечно — люди!

Так началась Вторая Чертова Война. Уже очень быстрая. С Калашматом против РСЗО авиации и броневиков много не навоюешь. А этого добра во время войны настряпали столько, что девать было некуда. За месяц количество скагов уменьшилось еще в два раза. Наши потери составили менее 20 человек, из них 18 — не боевые. Из всех чертовых городов относительно уцелел лишь Скагаранский Халифат, остальные лежали в руинах. Мы

лишились только памятника Великого Хана Коноша в Верхнезаводске. Потому что как-то оно не патриотично, чтобы в человеческом городе стоял памятник скагаранскому хану. Еще и Великому.

По итогу рогатые оказались в еще большей заднице, чем даже были после того, как оказались в заднице после Ночи Калашматов, хотя представить такое сложно. Ханов нет. Городов нет. Воинов нет. Жрать тоже нет. Ничего нет. Да еще и многороги и саблезубы, почти истребленные сперва санитарным отстрелом, потом — войной и охотой, повылезали из своих нор, и начали жрать самих чертей. Единственным положительным моментом можно считать полнейшую невозможность помереть инопланетянам с голоду до того, как их слопают голодные хищники.

Чтобы хоть как-то прожить, скаги ломанулись в наши, человеческие города, готовые работать за еду. Т. е. со времен ханов ничего не поменялось, разве что их работа стала еще дешевле, поскольку надобности платить ханам теперь не было. Чертей на наши земли хлынула такая уйма, что работы, самой черной и грязной, на них не хватало! Они готовы были убивать друг друга уже за кусок хлеба, и с готовностью это делали. Благо, опыта в убийстве своих сородичей у скагов накоплено было достаточно.

Пока черти пускали кровь чертям, скрипя зубами, мы терпели. Смотрели сквозь пальцы даже на их обычай украшать свои жилища головами врагов, насаженными на колья. Но очень скоро инопланетяне догадались, что убивая людей, можно разжиться не только куском хлеба, но и маслом и колбасой. И даже золотом! Конечно, скаги понимали, что безнаказанным это не останется. Но им было похрену. Смерть от пули расстрельной команды им представлялась гораздо меньшим злом, нежели от голода. Но убийство с голодухи, ради пожрать, еще можно было понять. Страшнее было другое. Среди тех, кто мигрировал, чтобы работать, было немало и других — тех, кто приехал в наши города целенаправленно — убивать людей. Или грабить и убивать. Или насиловать, грабить и убивать, и совсем не обязательно именно в таком порядке.

Естественно, во всех своих бедах черти винили нас, землян, считая, что на их родной планете стало слишком много приезжих. Были и откровенные фанатики, которые, нацепив пояс с взрывчаткой, начиненной болтами и гайками, взрывали себя там, где людей побольше. Террористы. Мы видели в этом руку наших партнеров, но доказать не получалось. В конце концов, убивать инопланетян учили обе стороны Пограничной войны, и учили хорошо. И мы, и американцы.

Скаги стали опасны. Их начали бояться и ненавидеть. И, чего больше — неизвестно. На скагов ввели жесткие квоты. Проверка биографии, лицензирование пребывания на территории людей и депортация тех чертей, кто находился у нас незаконно. Хотя, какая, к черту, проверка биографии? Что, остались какие-то записи, кто из скагаран участвовал в Пограничной войне, Ночи Калашматов и Второй Чертовой Войне? Конечно — нет! Вся проверка сводилась к телесному осмотру — есть боевые шрамы или нет. И стопроцентной гарантии благонадежности скага это не давало. Первые годы Отдел Депортации Инопланетян работал круглосуточно — вылавливая нелегалов и депортируя их. Фактически — довели до демилитаризованной зоны и дали под зад коленом. А завтра этот же черт резал плотку кому-нибудь в подворотне нашего города или, начиненный взрывчаткой, разлетался на куски, захватив с собой несколько человек.

Мы уже были готовы сравнить Скагаранский Халифат с землей, как и любое поселение инопланетян, хоть палатку в чистом поле. Мысль эта не нравилась многим. Одно дело —

поставить к стенке черта, который совершил покушение на человеческую жизнь. И, совсем другое — вывести в расход всех без разбору: детей, женщин, стариков. Это уже как-то совсем не по-людски. Хотя американцы поступили так с коричневыми скагами без зазрения совести.

Спасли ситуацию краснокожие из Города Башен. В Скагаранский Халифат прибыла целая делегация старейшин, которые промывали чертям мозги несколько лет, убеждая их, что Тилис, Единый В Трех Ликах, не поддерживает использование скагаранами человеческих вещей, технологий и т. д. Учили их смирению и терпению. Удивительно, но это помогло! Правда, к нашим технологиям инопланетяне отнеслись весьма избирательно. От лекарств, водопровода, электричества и прочего отказались, а от оружия — нет. Мол, это необходимое зло. Тилис, Единый В Трех Ликах, простит. Так скаги избежали полного уничтожения на материковой части планеты, а мы... мы спасли себя от тяжелого груза на совести в виде уничтожения целого вида разумных существ. По-ученому говоря — геноцида. Хотя до греха оставался только шаг.

Около двадцати лет люди и скаги жили в относительном мире. Мы без острой нужды не совались к ним, они — к нам. Только если чертям наше присутствие было до чертиков, то мы уже не могли жить без дешевой рабочей силы, пусть и низко квалифицированной. Инопланетян побаивались, сторонились, но все дворники, уборщики, без исключения, были скагами. И две трети строителей — тоже. Не говоря уже про поваров. К тому же их земли еще век назад стали своеобразной буферной зоной, перекрывая больше половины границы с американцами, которые, хоть и были нашими братьями и партнерами, но уроков Пограничной войны никто не забыл. Обстановку старались не накалять.

— Сдачу гони, — потребовал я у Виталика.

Скотина! Только что ругал Шолоша, а сам уплетает его шашлык, только шум стоит. Не выпуская из зубов кусок мяса, лейтенант забренчал мелочью в кармане, и высыпал на торпеду несколько монет.

— Маловато как-то... — покачал я головой.

— Да? — Лопатин пересчитал деньги. — Вот же сволочь! Обсчитал меня на двадцать копеек! Хотя постой...

Лейтенант потряс штаниной, и на пол выкатилась еще одна монета.

— Все забываю, что у меня дырка в кармане. А заштопать некому... жениться, что ли?

— Вот видишь, — с укором произнес я. — Оказывается, не обсчитал. А ты наговариваешь.

— Какая разница? Ну не обсчитал. Но неприятный осадок остался. Вымести бы их всех поганой метлой...

— А что ты тогда делать будешь? усмехнулся я в ответ.

Жили в относительном мире. Полного, стопроцентного мира со скагами не было. Иначе мы не катались бы на казенном автомобиле по городу. В нас попросту не было бы необходимости! Те инопланетяне, что находились на человеческих территориях, в целом, ребятами были миролюбивыми. Периодически, бывало, учиняли какой-нибудь разбой или грабеж. Но, преимущественно, без кровопускания. Именно им были обязаны работой мы, ОДИ, пограничники и еще несколько тысяч людей. Бывало еще, что какой-нибудь террорист бахал себя. Но это уже в самом деле редко. В Грачевске последний такой случай был... лет пять назад. Ближе к границе — чаще. Но если судить о всех рогатых по этим единичным случаям... Был и Максим-Потрошитель, который выпускал чертям кишки, откровенно

наслаждаясь процессом, был Томми-пулемет, который сколотил целую банду и вырезал инопланетян сотнями. Нельзя же судить по ним о всем человечестве! Надо как-то отделять одних от других. Котлеты отдельно — мухи отдельно. Тех, кто приехал к нам за лучшей жизнью, чтобы честно трудиться, от тех, кто видит смысл жизни в том, чтобы очистить планету от «понаехваших». Т. е. от нас.

— Хочешь, расскажу анекдот про скага и автомат? — предложил Виталик.

— Ну давай...

— Нашел скаг Калашмат. Через некоторое время у него другие скаги спрашивают:

— Ну что, как Калашмат?

Он отвечает:

— Замечательная штука! Штык-ножом можно резать врагов, ремнем можно душить врагов, прикладом можно разбивать головы врагов...

— Подожди! А как он стреляет? Осечек нет?

— У, Тилис, Единый В Трех Ликах, так это чудо еще и стреляет!

— Смешно, — согласился я.

Мы ненадолго замолчали, перемалывая зубами шашлык. Замечательный шашлык!

— Ха! — воскликнул напарник. — Смотри, какой смешной черт!

— Скаг, — поправил его я. — Говорить «черт» — это преступление...

— А преступниками могут быть только черти!

Я не успел возразить. Я даже не успел посмотреть в сторону, куда показывал офицер. Раздался пронзительный вопль, громкий даже здесь, за броней машины.

— Тилис!

Я уже знал, что будет дальше. Не надеясь на прочность стеклопакета, я нырнул вниз. В композите брони я был уверен больше. Спереди еще и двигатель — два метра жизни. На теле — бронезилет. Есть. На голове — шлем. Должен быть. Но он валялся на заднем сиденье.

Почему именно сегодня, почему в мою смену, почему в Грачевске? Это писанины теперь — не оберешься. И недели две без выходных — выковыривать нелегалов из всех щелей.

Тяжелая бронированная машина подпрыгнула от взрыва. По корпусу застучали осколки. Кто-то кричал. Лопатин отчаянно матерился.

Выждав пару секунд, я выскочил из джипа, вода по сторонам стволом автомата. Стекло, вопреки опасениям, выдержало. Лишь трещина появилась. Больше я пока ничего не мог рассмотреть — из-за пыли, поднятой взрывом. Видимость такая, что я даже ДТК собственного автомата различал с трудом.

— Командир, что делать-то? — взревел Виталик.

Вот как! Уже не Пашган, а командир!

— Радируй в штаб! — приказал я.

Проклиная себя за то, что очки, вместе с каской, остались в автомобиле, не отпуская автомата, я медленно двигался к месту взрыва. Пыль постепенно оседала. Чихнув, я посмотрел наверх. Даже солнца не было видно! Только светлое пятно. Очертания огромного красного шара Ареса не угадывались вовсе.

Глава 2

Отдел Депортации Инопланетян

Дебил! Какой же дебил этот чертов скаг! Этот чертов черт! Рванул себя посередь бела дня, в центре Грачевска, а жертв — девушка с ребенком да дворник. Красивая девушка! Да, жалко. Да, горе. Да, не досмотрели. В том числе и я, который находился именно там. Но откуда я мог предположить, что террористы пошли настолько долбанутые, что начнут жертвовать собой ради троих человек! Вернее, двоих людей, один из которых грудной ребенок, и своего же соплеменника. Смысл теракта от меня ускользал до сих пор. Ну не укладывалось у меня в голове!

Ну да, еще памятник Борису Грачеву. Остался только фундамент и каменная крошка. Но он-то кому сдался? Ночью можно было привести хоть бригаду скагов с экскаватором и выкопать его — памятника нескоро хватились бы.

Отчеты я писал два дня. Без сна и отдыха. Потом еще два дня специально созданная комиссия имела меня в хвост и в гриву, с вазелином и без. Виталика тоже. Все это время милиция в полном составе шерстила город, заглядывая в каждую щель, где прятались скаги. И стало просто не до меня...

Ушами хлопнули все. Пограничники, ОДИ, Комитет. Почти пять тысяч нелегалов! Наличие нелегалов секретом не было ни для кого, но не в таких количествах! А потом произошло нечто вообще вопиющее. Под Грачевском нашли целый подземный город скагов, утыканный кольями с головами как чертей, так и людей. Похоже, все без вести пропавшие за последние десять лет собрались в одной пещере. Ну не полностью собрались — частично. Склады с оружием возраста едва ли не эпохи Исследований, боеприпасы, взрывчатка, снаряжение. Вот если взять Скагаранский Халифат и закопать его под Грачевском — пожалуй, самое подходящее сравнение.

Уже вообще было непонятно — наказать меня, или наградить, как впоровшего наименьший косяк. Пять тысяч нелегалов! Да их содержать негде было! Обнесли колючей проволокой стадион, выставили охрану и сгоняли инопланетян пока туда. А ведь каждого еще надо допросить, узнать, откуда и для чего взрывчатка. Кормить. Охранять. Расстреливать или депортировать. Людей не хватало катастрофически. Гром не грянет — мужик не перекрестится. Рейды проходили не только в Грачевске, но и Порт-Артуре, Верхнезаводске, Святоборисовске, Архаровске и других городах. Лучше не было. Нигде. Везде тысячи нелегалов, склады с оружием и т. д. В распоряжение Отдела Депортации Инопланетян отдали всех, кого можно — пограничников, штурмовиков, даже флотских. Согнали толпу силовиков с Марининских островов — единственное место, где ситуация была не столь плачевна и то по той причине, что чертям до островов еще добраться надо, что пешком не очень получалось.

Но если б проблемы создавали только черти — еще полбеды. По улицам бродили толпы людей с лозунгами «Хороший скаг — мертвый скаг», вздергивая на суку каждого инопланетянина, который показался подозрительным. А подозрительными казались все. Заведения скагаран жгли каждый день, и жгли их именно то, кто еще вчера в этом же заведении набивал свое пузо, воздавая хвалыбы поварам. Т. е. помимо того, что приходилось отлавливать скагов, пришлось еще и защищать точно таких же скагов от народного гнева! Страдали-то не те черти, что пробрались нелегально, а потому и скрывались, а те, что жили

в наших городах на совершенно законных основаниях, а потому и не думали прятаться! На нас с Виталиком махнули рукой и отправили на патрули, обыска и задержания.

Я догадывался, что черти живут не в лучших условиях в наших городах, но такого я и представить не мог! Тридцать-сорок инопланетян в крохотном подвале, иные вообще в трассах канализации. Без малейших удобств. И это — не обязательно нелегалы, но и скаги с лицензиями! С женами, детьми. Ели по очереди из одной миски, спали по очереди в одной койке. Какой там койке! Циновке, кишущей клопами. Как же хреново им жилось там, у себя в Скагаранском Халифате, что черти предпочли такие условия?

А ведь когда-то они были безраздельными хозяевами этой планеты! И я не мог винить в таком положении вещей нас, людей. Силой инопланетян никто не тянул. Скаги приезжали сюда сами. А кого вообще винить? Ханов? Так их нет давно. Жили же черти до нас, до людей. Скакали по степям, охотились на гиппопотамов и свинорылов. С луками, стрелами, дротиками. Разделявали туши каменными ножами. Жарили их на кострах в пещерах. Порой — воевали друг с другом, не без этого. И нормально же жили!

Пришли мы. Люди. Научили строить дома. Пахать землю, сеять зерно. Дали железные ножи. Даже ружья. После — машины. Живи — не хочу! Что же произошло у скагаран в головах? Может, просто оказались не готовы? Захотели в один день получить то, на что у человечества ушли тысячи лет? И не вывезли?

Те же скаги в Городе Башен. Они-то почему-то умом не тронулись! Они как-то Живут! Именно так, с большой буквы!

Но такие вопросы я задавал себя только два-три дня. После хронический недосып и усталость сделали свое дело. Я механически выбивал ногой дверь, осматривал помещение через прицел автомата, готовый нажать на спуск, лишь что-то блеснет в руке инопланетянина — нож, граната, пистолет, розочка из бутылки. Не важно. Заламывал руки, вытаскивал упирающегося черта на улицу, засовывал в кузов грузовика, и так дальше. Следующий. Снова и снова. На исходе недели такой работы я уже подумывал, не застрелиться ли, тупо, чтобы выспаться.

Скорее всего, я бы точно застрелился. Или рехнулся. Или сначала рехнулся, а потом застрелился. Если б меня не вызвал к себе начальник штаба.

— Да, сынок, — произнес майор. — Наделал ты делов.

— Я? — удивился я.

— Нет, ну не только ты. Но отыграются на тебе. Проморгали все. И Комитет. Вместо борьбы с терроризмом они бегали с линейками по городу и юбки у девушек измеряли или в интернетах за похабные стишки наказывали. И ОДИ. Вместо того, чтобы настоящих нелегалов искать, они за просроченные лицензии драли. И погранцы. Столько инопланетян моргнуть! Но встрял ты. Потому что рванул этот чертов скаг у тебя на глазах. И потому что там — генералы и полковники. А ты — всего лишь старлей. И списать все на тебя проще. Не, расстрелять, конечно, не расстреляют. Я, если честно, даже в каторге не уверен. Но из милиции турнут — к бабке не ходи.

— А зачем вы мне все это сейчас рассказываете? — поинтересовался я. — Вариантов-то нету...

— Потому, и рассказываю, что есть. Через два дня Отдел Депортации Инопланетян повезет к границе одного скага...

— Одного? — перебил я.

— Одного, — кивнул командир. — Этот скаг — всем скагам скаг. Один из лидеров

Ночи Калашматов. Фигура легендарная. Шишка на ровном месте, охрентельных размеров. Смертный приговор ему еще лет тридцать назад вынесен. Представляешь, какого масштаба этот черт, если он тридцать лет от нас скрывался, а мы до сих пор помним?

Про себя я усмехнулся. Тридцать лет скрывается у нас под носом, а нашли мы его только сейчас, когда начали капитально шерстить город.

— Тем более! Если приговор уже вынесен — поставить его к стенке, и дело с концом!

— Нельзя. Тут уже политика. Этот чертов скаг — отец Киниша.

— Кого?

— Нынешнего хана скагаран. Хлопнуть его сегодня — смысла никакого. Столько времени прошло, какая кому сейчас разница, сколько инопланетян тогда полегло? Но его можно поменять. На... э-э... хм... геолога. Который попался скагам на горе Сигнальной.

— Геолог, наверно, в звании не ниже майора? — рассмеялся я.

— Этого тебе, старлей, знать не обязательно. Важно другое. Я могу включить тебя в группу сопровождения. Доберешься с ними до заставы Сигнальная, а ее начальник — мой однокашник. Подашь ему рапорт о переводе в погранцы. Год-два там отсидишься, потом подзабудется — снова вернешься в патрульную службу. Конечно, не в Грачевск, даже не думай. Но, городов, что ли, у нас мало? А, может, на границе понравится. Это все — при условии, что хочешь продолжать службу.

— А у меня есть выбор? — развел я руками.

В самом деле, что я еще умел делать? Строчить протоколы, отчеты, рапорты. Да лопать пашлык, сидя в служебном броневице. Кому я нужен на гражданке? Что я там делать буду? Дворы подметать? Или на стройке лопатой землю копать? Нет, спасибо. Лучше на границе, но в погонах, чем в городе, но вольным каменщиком.

— Виталика можно с собой взять? — осторожно спросил я.

— Какого Виталика?

— Лейтенанта Лопатина, напарника моего.

— Да хоть всех Виталиков собери, сколько в машину влезет.

В тот же день мы с Лопатиным напились. В зюю. Ужрались в говнище. Я вообще пью редко, а так, как в этот раз — не пил никогда. Мы прошлись по всем питейным Грачевска, не забыв подпольные стриптиз-клубы. Теперь я понял, куда у Виталика уходят деньги. Но было поздно. На границе такой культурной программы точно не будет.

А после — выспался. Впервые за последнее время. Проспал около двадцати часов. И начал сборы. Все, что может пригодиться в поездке и на заставе — упаковал в рюкзак. Особенно — медикаменты, там места дикие, змеи кишмя кишат. Все, что мне было дорого, но было сейчас бесполезно — закрыл в банковскую ячейку. Остальное бросил в квартире, которую даже не закрывал. Если я и вернуть обратно — только для того, чтобы продать ее.

В час Ч мы прибыли на место сбора. Встречал нас с Виталиком цельный полковник, вся грудь в медалях: 5, 10, 15, 20 лет безупречной службы, за участие в Параде в честь 40-летия победы в Пограничной войне, значок «Отличник строевой подготовки» и множество других, не менее значимых наград, с нашивкой «Отдел Депортации Инопланетян» на плече.

— Старший лейтенант Грачев прибыл, — отрапортовал я.

— Грачев? — улыбнулся полковник. — Родственники, что ли? Я тоже Грачев.

Шутка была абсолютно не смешной. С момента появления человечества на этой планете, количество фамилий было сильно ограничено. Некоторые ветви вообще прервались. И разнообразия в этом вопросе сильно не хватало. Да, в каком-то колене мы все

родственники. Более того — принимая во внимание, что с первых дней перепись населения велась весьма скрупулезно, то по каждому ныне живущему можно досконально установить, кому он родственник и в каком колене.

Но я не посчитал нужным портить отношения с новым командиром, пусть и временным.

— Не могу знать, товарищ полковник! — бодро ответил я.

С первых дней офицерского училища я усвоил одну простую истину — если не знаешь, что ответить, выбирай из трех фраз: «Не могу знать!», «Виноват!», «Примем меры!». Чередуя их можно продолжать диалог со старшим по званию сколь угодно долго.

Конвой состоял из четырех машин: головной и замыкающий — джипы с пулеметными турелями, второй в колонне — БТР, третий — бронированный грузовик, обычно служивший для защиты пехоты, но сегодня — для транспортировки единственного пленника. Кроме сотрудников ОДИ присутствовали полтора десятка бойцов штурмовой бригады ЦСН. В броне пятого класса, со стрелково-гранатометными комплексами Горын... я в бронежилетике, каске и Калашником выглядел голым в сравнении с ними.

— А что, мы ожидаем каких-то неприятностей? — со свойственной прямоотой поинтересовался Виталик.

— А? Не, фигня, — отмахнулся полковник. — Прогуляемся туда-обратно, поменяем черта на человека, и всех делов.

На счет «туда» я не сомневался. А по поводу «обратно» у меня возникли большие сомнения. Если наличие цельного полковника с такими выдающимися регалиями еще можно было объяснить важностью пленника и необходимостью произвести впечатление на инопланетян... медалек можно навешать вообще любых, сомневаюсь, чтобы скаги в них разбирались. Главное, что всякие блестяшки они уважают. То штурмовая бригада, БТР и крупнокалиберные пулеметы вызывали опасения уже у меня. Еще и спешность обмена, из-за которой мы окажемся на территории противника как раз к началу Невидимого Солнца. Хавала Тилису, Единому В Трех Ликах, из оружия у чертей были лишь автоматы да ружья. Остальное для них слишком сложно. Их огонь броня джипа выдержит. Должна.

Когда вывели пленника, закованного в цепи, я понял причину спешки. Древний скаг, подслеповато щурящийся в лучах двух солнц, еле передвигающий ноги. Конечно, зачем его расстреливать? Он сам, не ровен час, кони двинет.

Инопланетянина, как мешок картошки, зашвырнули в грузовик, следом забрались двое штурмовиков. Мы тоже заняли свои места в транспорте и тронулись в путь. Я, Виталик и полковник сидели в замыкающем джипе.

Оказывается, когда не управляешь автомобилем — появляется куча времени, чтобы поглазеть по сторонам! Это в районе своего патруля я очень хорошо знаю город. Могу проехать вслепую. Замечаю каждую новую трещину на фасаде, каждый камень мне знаком. Но в этой части Грачевска я бывал достаточно редко. И то — за рулем. И сейчас я не переставал удивляться, сколько успели понастроить! Вместо деревянных домов в два-три этажа, еще довоенной постройки, высились многоэтажки. Паром, перевозивших людей и машины на другой берег Урала пропал, вместо него появился гигантский подвесной мост. Да, я помню, читал что-то в газетах, что собираются строить мост, но чтобы так быстро... эгей! Так это было три года назад!

— А вы знаете, почему дома старой постройки малоэтажные? — нарушил тишину Грачев.

— Потому что высотки строить сложнее? — предположил Лопатин.

— Хм! А вот и нет! — хмыкнул офицер. — Чтобы в случае авиаудара, после обрушения зданий, по проезжей части могла пройти техника.

— Кто-то может на нас напасть? — ужаснулся лейтенант.

— Да кто на нас нападет, — отмахнулся командир. — Любого агрессора мы отбросим массированным контрударом и продолжим боевые действия на его территории. Да и нет у нас врагов в этом мире, куда ни плюнь — везде союзники. А знаете, почему Заречный район называют Могильник?

— Э-э... — тут у Виталика идей вообще не было.

— Потому что пока строили, столько костей чертей выкопали... когда-то там была настоящая бойня. Хорошая бойня, раз столько рогатых полегло...

Я обратил внимание на еще одну деталь. Скаги. В обычное время их на улицах было полно. Как я уже говорил — рабочие, дворники, строители, курьеры — и так далее. А сегодня — ни единого! Похоже, здорово их перетряхнули, раз все попрятались! Черти еще не скоро решаться высунуть нос из своих щелей.

— Товарищ полковник, — обратился я. — А какие у нас квоты на инопланетян?

— Две тысячи в год.

— Так... лицензия выдается на пять лет, то есть одновременно в Грачевске может быть не более десяти тысяч легальных скагов?

— Ну, так... — согласился полковник.

— То есть пять тысяч нелегалов, которых мы поймали — это ровно треть от всех скагов в городе?

— Получается, так, — скрипнул зубами Грачев.

— Так какого черта? Я хочу сказать — куда смотрел Отдел Депортации Инопланетян, если тридцать процентов скагаран в городе — нелегалы? Они же как-то жили, как-то ходили по улицам, где-то работали, что-то ели...

— Поговори мне тут! — огрызнулся командир. — А куда смотрела патрульная служба? Леня лишней раз выйти из машины, задницу от кресла оторвать, документики проверить? Хорошо, небось, под кондером за казенный счет? Знаю я, как вы службу несете. Патрульные, Тилис вас побери... а у некоторых...

Офицер пристально посмотрел мне в глаз.

— А у некоторых вообще перед самым носом черти разносят на маленькие кусочки ни в чем ни повинных людей — и ничего... Грачев, мне стыдно, что я тоже Грачев.

— Мы выехали из города, — заметил штурмовик за рулем.

— И что с того? — язвительно спросил полковник.

— Ничего... просто мы выехали из города, — повторил водитель.

Я мысленно поблагодарил парня за то, что переключил внимание командира на себя. И прикусил язык. Как-то я слишком расслабился. Не следовало макать Грачева и Отдел Депортации Инопланетян с головой в дерьмо. Особенно, когда за самим такой косяк.

— Хотите, анекдот расскажу? — предложил Виталик. — Про скага!

— Надеюсь, не про Калашмат? — проворчал я.

— Нет, другой, новый! Пошли два скага на охоту и заблудились. Что делать? Один другого спрашивает:

— А что люди делают, когда потеряются?

— Что-что! В воздух стреляют!

— Ну стреляй.

Скаг начал стрелять в воздух. Стреляет-стреляет, все, перестал. Снова спрашивает:

— Ты чего стрелять перестал?

— Чего-чего... стрелы кончились!

Машина содрогнулась от дружного хохота штурмовиков. Даже полковник улыбнулся.

Конвой, разгоняя фарами красные сумерки, мчался по шоссе в сторону Порт-Артура. Оттуда до Верхнезаводска — рукой подать. И вот она, граница. По трассе мы шли с хорошей скоростью. А вот Порт-Артур и Верхнезаводск пролететь так же быстро, как и Грачевск, не выйдет. Грачевск — относительно молодой город, он строился перед самой Пограничной войной, и его широкие улицы были рассчитаны на оживленный трафик. Порт-Артур — город старый, с плотной застройкой, узенькими улочками. Еще и портовый, с тех пор, как Урал обмелел, все морские суда разгружаются именно здесь. Постоянно толпы приезжих, безумные таксисты и такие же горожане. Как-то раз я выбирался из него часа два. Верхнезаводск — тем паче. Первый город, построенный нашими предками на этой планете, первая столица. Пока ее не перенесли перед Второй Чертовой Войной в Грачевск. Когда строился Верхнезаводск — автомобилей-то было полторы штуки. И те — правительственные. Из конца в конец город быстрее пересечь пешком, нежели на машине. Правда, есть там объездная, звериная тропа, но не уверен, что водитель про нее знает, и вообще поедет по ней со столь ответственным грузом.

Придя к выводу, что в ближайшее время стрелять ни в кого не потребуется, я решил немного вздремнуть. Лопатин так давно всюду храпел. Если что-то и случится, то или у самой границы, или уже после нее, в демилитаризованной полосе.

Проснулся я оттого, что автомобиль остановился. Вокруг — темно, ничерта не видно. Арес окончательно закрыл собой солнце, и такая темень продлится две недели. Крайне неудачное время для поездки.

— Приехали? — зевнул я.

— Да нет, смотри! — кивнул водитель.

Я посмотрел туда, куда он показывал. В луче фары-искателя блестели глаза скагов. Несколько десятков скагов. Нелегалы! Мужчины, женщины, дети. Они испуганно жались друг к другу в свете прожектора. Как же они дорогу находят? Не видать ни зги! Тощие, в каком-то рванье, лохмотьях. Они шли к лучшей жизни. И в итоге напоролись прямо на Отдел Депортации Инопланетян.

— Чего ждем? — буркнул я. — Поехали.

— Отставить! — гаркнул полковник.

Тьфу! Я ведь совсем забыл, что здесь не я командир. Есть офицер, количество звезд на погонах которого совпадало с моим, но размером они поболее.

— Молодцев, давай, — приказал Грачев.

Зажужжала приводом турель крупнокалиберного пулемета, наводя ствол на беженцев.

— Постойте! Вы же не собираетесь... — возмутился я.

— Это именно то, что мы собираемся.

— Но там же женщины! Дети!

— Да ну!? — протянул командир. — И что? А черт на площади кого взорвал? Женщину. И ребенка. Если они воюют с женщинами и детьми — почему мы не можем? И не забывай, любой черт когда-то был ребенком. А потом взял в руки автомат, и пошел людей стрелять. Или рванул себя. Вот скажи — встретить ты того черта, когда он был еще ребенком, ты бы не

вывел его в расход?

Именно так я вопрос не ставил. Я вообще не ставил вопрос — застрелил бы я того скага, знай, что он собирается сделать. Конечно замочил бы! Еще бы медаль за это получил. Здесь я не сомневался. Хотя я в жизни никого не убивал. Даже не стрелял в живое существо. Так, шмальнул как-то раз в воздух, и этого хватило.

Но я понимал, что готов выстрелить. И даже убить. В случае необходимости. Вот тоже забавно. Когда человек идет служить Родине, берет в руки автомат, он понимает, что рано или поздно вопрос встанет так, что придется убивать. Когда я был маленьким, родители меня учили, что целиться в людей, тогда еще из игрушечного пистолетика, нельзя. А в офицерском училище — что не только можно, но и нужно. И даже стрелять.

Я полностью разделял убеждение, что врага необходимо уничтожить. Более того — меня этому учили. Но учили механике. Вставил магазин, снял с предохранителя, передернул затвор, нажал на спуск. Но никто не говорил, как нажать на спуск, когда на тебя смотрят глаза живого человека. Или скага. Разумного существа. Да вообще любого живого существа. Хоть поросенка.

Я понимаю убийство ради того, чтобы выжить. Когда вариантов нету: или ты убьешь, или тебя. Даже понимаю убийство из-за голода. Про убийство в ходе выполнения поставленной боевой задачи и лапоть не свистел. Но убивать просто так, ради развлечения, только потому, что мы — люди, а они — скаги... я — солдат, а не палач!

— Они даже без оружия! — сделал я еще одну попытку возразить.

— Вообще не парься, — отмахнулся штурмовик. Тот самый, что перевел гнев начальства на себя, когда я, не подумав, ткнул полковника мордой в их недоработки. — Доберутся до города — достанут.

Звякнул затвор. Я не мог заставить себя смотреть на то, что сейчас произойдет. И отвернулся. Тут я бессилен. В самом деле, не буду же я убивать своих из-за того, что они убивают чужих!

У ЦСН с инопланетянами вообще отдельные счета. Всю историю своего существования штурмовые бригады только и делали, что убивали скагов. И людей, конечно, куда без этого. Но кровных врагов нашли себе именно в лице чертей. Если штурмовик попадался в плен рогатым... ох, лучше было не попадаться. Или пилот. Убивали их медленно. Очень медленно. Слишком медленно, чтобы назвать это даже зверством. Даже у среднего инопланетного палача казнь может длиться дня три. У хорошего — неделю.

Загрохотал пулемет, озаряя вспышками тьму Невидимого Солнца. Зазвенели гильзы, сыпавшиеся на броню. Заверещали скаги. Истошно завопили. Застучали по степи десятки ног инопланетян, пытавшихся спастись бегством. Но заработал пулемет второго джипа. И скорострельная пушка бронетранспортера, которая и вовсе лупила разрывными. Кончилось все меньше, чем через минуту. Нет, не кончилось. Прозвучало еще несколько коротких очередей. Теперь-то все?

— А, драпает один, чертяка! — возбужденно произнес стрелок. — Слава, дай гром-палку.

Водитель протянул солдату снайперскую винтовку с огромным телескопом ночного прицела. Одиночный выстрел хлестко ударил по ушам. Вот теперь все. Только сейчас я нашел в себе силы посмотреть на поле боя.

Степь, бывшая минуту назад зеленой, превратилась в красную. А там, где блестели глаза скагов, блестела их кровь. Одежда, ранее — непонятного грязного цвета, теперь

искромсанная пулями, окрасилась бордовым.

— И зачем? — задал я риторический вопрос.

— Старлей, ау! — похлопал меня по плечу полковник. — Они — черти. Преступники. И нелегалы. Половина из них пойдет по расстрельным статьям, вторая половина — будет депортирована, и подохнет с голодухи. Считаю, мы доброе дело сделали. Сократили их мучения. Теперь им даже идти никуда не надо.

— Виталик? — толкнул я своего напарника.

— А?

— Виски есть?

— Конечно!

Друг подал мне флягу. Деревянными, негнушимися пальцами, я отвинтил крышку и отполовинил ее. Пищевод обожгло алкоголем. Еще в несколько глотков я осушил флягу до конца. И только теперь меня начало отпускать.

Глава 3

Свои законы

Застава виднелась издалека. Сигнальная. Как гора. Она светила огнями прожекторов на вышках во все стороны, ощупывая окрестности, в поисках нарушителей. Но дорога здесь, у границы, была совсем убитая. Машины еле ползли, объезжая колдобины, в свете фар выглядящие настоящими бездонными пропастями.

Впрочем, в таких дорогах в пограничных районах был особый стратегический смысл: противник, после сигнала заставы о нападении, уничтожив пограничников, давал нам массу времени успеть подготовить контратаку, пробираясь по такому бездорожью. Погранцов, конечно, жалко, но такая у них работа. Опять же — награды посмертно, похороны с почестями и салютами, записи в книгах памяти.

Молодцев выпустил три ракеты — зеленую, зеленую, красную. Условный сигнал, обозначающий, что мы — свои. Лучи прожекторов переместились на нас, а над заставой взвились еще три ракеты: зеленая, красная, красная. Сигнал принят, на заставе тоже свои. Не то, чтобы для скагов в наши дни была какая-то проблема найти ракетницу и повторить сигнал, видный в темноте на километры вокруг. Скорее, это была дань традиции, еще с тех времен, когда радиосвязь считалась роскошью, а сами черти ничего, сложнее лука со стрелами, в руки не брали.

Конвой прошел змейкой через бетонные блоки, установленные в шахматном порядке, и въехал в ворота, сразу закрывшись за нами. Здесь, на маленьком дворе, под защитой стен, находилась самая разнообразная техника: бронебульдозер, три джипа, гусеничный бронетранспортер — это с опознавательными знаками пограничной службы. Все машины были идеально вымыты, выдраены до блеска, на колесах — и то отсутствовали даже малейшие признаки грязи. И еще три машины: два джипа на шинах повышенной проходимости и четырехосный грузовик. Эти — напротив. Пыльные, местами проржавевшие насквозь, со следами многочисленных аварий, а под катками лежали комья отвалившейся глины.

Нас встречал мужчина средних лет, с проседью, в цветастых шортах, какие любят отдыхающие на Марининских островах, и бронежилете на голое тело. Из кобуры на груди выглядывала толстая рукоять автоматического пистолета. Как пить дать — начальник заставы.

— Подполковник Белкин, — представился он, перехватив мою руку на полпути к козырьку. — Гостям мы всегда рады. Белкин Сергей Александрович, — офицер уже тряс руку лейтенанта. — Бел...

И тут, увидев Грачева, начальник заставы осекся. Полковник — единственный из нас, кто был без бронежилета, зато в мундире с кучей медалек, который в свете ламп сверкали, как гирлянда на елке. У бывалого вояки даже челюсть отпала.

— Уважаемый, вы совсем дурак? — поинтересовался пограничник у командира.

— Вы что себе позволяете, товарищ подполковник! — прорычал Грачев. — Я доложу...

— Здесь, на заставе, я — Царь, Бог и Господин. Надо будет — я тебя так закопаю, никто никогда не найдет. И тех, кто будет искать тебя — тоже закопаю. И тех, кто будет искать тех, кто... ну, в общем, ты понял. А, да. Чтобы куда-то что-то доложить, тебе нужно дожить до этого момента. А при таком параде у тебя шансов очень мало. Ты понял меня, полковник?

— Понял, — процедил сквозь зубы офицер. — А это еще кто? — он махнул рукой на три грязных автомобиля.

— Работоторговцы, — коротко ответил Белкин.

— Сам вижу. Почему посторонние на заставе?

— Как почему? — удивился начальник. — Они заплатили.

— Это же взятка! — опешил от такой наглости Грачев.

— У нас, на границе, когда дают взятку, принято говорить «спасибо». Здесь тебе не город, полковник. Здесь — граница. А на границе свои законы.

Работоторговцы, да. Бродяги. Отщепенцы. Вроде как и мы, и американцы, и остальное человечество относились к ним с презрением. Однако все пользовались их услугами. Хотя бы потому, что работать на шахтах скаги не хотели даже за деньги. Даже за хорошие, по их меркам, деньги. И не удивительно! Зачем им было вообще выбираться из пещер, чтобы возвращаться обратно, под землю? Оставался один выход — рабы. Инопланетяне подышали на шахтах пачками, но затраты вполне окупались. Экономика всего предприятия давно была посчитана: сколько руды должен добыть раб, чтобы, с учетом своей стоимости и затрат на еду, принести прибыль владельцу шахты. Хвала Тилису, Единому В Трех Лицах, и прейскурант на рабов составлялся именно с этим учетом. Раньше точки безубыточности почти никто не откидывался. Бывало охрана, переусердствовав, забивала насмерть особо упрямого, но такое случалось исключительно редко.

Кто-то может подумать, что сами скагаране работоторговцев люто ненавидели. Как бы не так! В десна, конечно, с ними не долбились, но своих соплеменников инопланетяне впаривали — только шум стоял. Если б черти рождались сразу взрослыми — работоторговлей жил бы весь Скагаранский Халифат. Но, к величайшему сожалению таких дельцов, чтобы скаг представлял ценность — он должен созреть, а это — минимум 12–15 лет. То есть — время. Опять же в ходе этого процесса кормить его чем-то надо...

Во времена жестоких ханов такого не было. Хвала Тилису, Единому В Трех лицах, Ноче Калашматов положила конец бесчинствам зажавшихся правителей. Теперь право зверствовать было у каждого черта, независимо от его положения в сложной иерархии племени.

И это — им еще повезло, что органы скагов не подходят людям. А то страшно подумать, какими темпами развивалась бы трансплантология.

— О, Отдел Депортации Инопланетян! — обрадовался крепкий бородатый работоторговец, когда мы разместились в столовой для ужина. — Я уж думал — придется по такой темени таскаться по лесам и горам, товар искать. Хорошая встреча! Есть что на продажу?

— Нет, — отрезал Грачев.

— Печально, — нахмурился коммерсант. — Не фартит нам сегодня. Все черти пропали куда-то. Давайте за встречу!

Если бы бродяга знал, что пару часов назад штурмовики превратили в начинки для гробов несколько десятков инопланетян — его б, наверно, кондрашкахватила. Такие убытки! Но работоторговцу, конечно, никто ничего не сказал. Мы чокнулись, выпили, и за столом воцарилась тишина. Мужики ели мясо. Процесс, не терпящий спешки. Конечно, на границе не было свинины, говядины, баранины и остального, «человеческого» мяса, которое я привык есть в Грачевске.

Мы ели много рога. Не могу сказать, что я был в восторге от него... обычно. Но

дежурный по кухне готовил просто потрясающе! Мясо так отлично прожарилось и протушилось, что само отходило от кости. Баланс специй соблюден настолько идеально, что хотелось есть еще, еще и еще. Не из-за голода. А для того, чтобы снова и снова ощутить вкус чудесной пищи, перемалывая ее зубами, ощущая каждой клеточкой языка.

— Мое почтение шеф-повару! — простонал Грачев, откидываясь на стуле и расстегивая ремень. — Отличное мясо! Такого я не ел в лучших ресторанах столицы!

Чувствовалось, что после такого ужина полковник многое готов был простить начальнику заставы и рапорт, уже созревший в голове офицера, сильно сократился.

— А пленника покормить не надо? — спросил я.

— Такое чудесное мясо грязному скагу! — возмутился офицер. — Ничего, потерпит. Завтра обменяем его, пусть свои кормят. Или кончают его на пустой желудок — это уже их дело. Наша задача — доставить его.

— Вот именно, — заметил я. — Доставить. Причем — живым. А он и так на лада дышит. Помрет, не ровен час... на кого мы героического геолога выменяем?

— Да? Ну ладно... Белкин, в самом деле не мешало бы покормить наш груз. Пока он из трехсотого двухсотым не стал.

— Не вопрос, — пожал плечами подполковник. — Дорош!

Кто успел захмелеть — мигом протрезвели. Зазвенела посуда, слетевшая с опрокинутого в кипеше стола. Хорошо еще, что она была военная, а значит — металлическая. Защелкали затворы пистолетов штурмовиков. И было от чего! В столовую вошел скаг! Самый настоящий скаг! Краснокожий, с рогами, желтыми глазами и острыми треугольными зубами — все как полагается. Еще белом фартуке и поварском колпаке.

— Да, хозяин? — спросил инопланетянин.

Дорош, не мигая, вытянувшись в струну, игнорируя наставленное на него оружие, смотрел на начальника заставы. Похоже, ему было не привыкать к таким шуткам.

— Тихо-тихо, — замахал руками, смеясь, подполковник. Кажется, он остался доволен произведенным эффектом. — Грачев! Ты же хотел поблагодарить шеф-повара за отличный ужин! Пожалуйста!

— Мой подарок! — похвалился работорговец.

— Тилисово отродье!

Офицер брезгливо отшвырнул от себя тарелку, резко встал и, выкрикивая проклятья, покинул зал. Штурмовики, успокоившись, убрали пистолеты в кобуры и начали наводить порядок: ставить на место стол, собирать посуду.

— Дорош, собери что-нибудь поесть этому... как его?

— Калашу, — подсказал Молодцев.

При звуке этого имени скаг на мгновение потерял каменное выражение лица, скосив глаза на сержанта, но уже через мгновение взял себя в руки и принял прежний невозмутимый вид.

— Калашу... — задумчиво повторил офицер, внезапно ставший очень серьезным.

— Я лучше сам, — поднялся штурмовик. — А то ребята у нас горячие, сначала кончают твоего Тузика, а потом разбираться будут. Тем более, пора сменить караул. Темыч, Саня, алга.

Названные бойцы поднялись с табуретов и вышли во двор. Сам Молодцев проследовал на кухню.

— Калаш... — задумчиво повторил Белкин. — Как думаешь, это на нашем, или на

ихнем? — спросил он, обращаясь ко мне.

— Скорее на нашем, — развел я руками.

Да, Калаш. Что тут такого? Калаш, Дюшес, Шалаш, Шантаж — это лишь слегка странные имена скагов. Мне встречались и Телевизор и даже Радиоизотоп. Объяснялось это легко. Еще в те времена, когда инопланетяне и земляне жили на этой планете вполне дружно, черти, стараясь подражать людям, давали своим детям имена из нашего языка. Впрочем, это были не совсем имена, а слова, которые им понравились, которые считали красивыми, которые где-то слышали. Страшно подумать, где скагаране могли услышать слово «Радиоизотоп».

— Сынок, а ты вообще знаешь, кто такой Калаш?

— Какая-то большая шишка Ночи Калашматов, — равнодушно ответил я.

— Какая-то большая шишка? Это не какая-то большая шишка! Это шишка охрентельных размеров! Тебе такие имена, как Че Гевара, Ленин, Кастро о чем-нибудь говорят?

— Да, что-то в школе по истории рассказывали.

— Так этот Калаш — фигура такого же масштаба. Он — лидер всей скагаранской революции. Личность легендарная. И, сложись история иначе, сейчас он бы был Великим Ханом. За него американцы предлагали награду в миллион долларов! Миллион! Долларов Ты себе вообще представляешь, что такое — миллион долларов?

— Я себе очень хорошо представляю, что такое — миллион долларов, — вмешался в разговор работороговец. — А сейчас их получить можно?

— Через тридцать лет? — усмехнулся подполковник. — Попробуй.

— Ну да, — огорченно вздохнул делец.

— И вы его везете в сопровождении всего двадцати человек? В дни Невидимого Солнца? Черти не перед чем не остановятся, чтобы вернуть его.

— Так мы, вроде как, и едем, чтобы вернуть его... — неуверенно произнес я.

— Ребята, да вы — самоубийцы!

Виталик, с интересом слушавший нашу беседу, нервно икнул и выронил вилку. Штурмовики хмуро переглядывались. Умирать никому не хотелось. И мне в том числе. Не для того я сюда приехал! Все же должно было случиться наоборот!

— Да, кстати, Сергей Александрович, — вспомнил я. — Мы с лейтенантом Лопатиным хотели бы подать рапорта о переводе в погранвойска.

— Я уж рапорта подготовил, вам только подписать осталось, — махнул рукой Белкин. — Но только когда вернетесь. Если вернетесь. Я вам даже дам еще одну машину и двоих человек.

— Типа они такие крутые? — оскалился один из штурмовиков.

— Они — нет. А я — да. Увидев машину с заставы, черти миллион раз подумают, прежде чем что-нибудь учудить. Они знают — со мной разговор короткий. Вызову вертушки и раскатаю их по степи.

Проснулся я в премерзком настроении. Второй день Невидимого Солнца. А его, солнечного света, уже очень сильно не хватало. Температура пока опустилась совсем незначительно, но дня через три будет в самом деле холодно. А дальше — холоднее.

Конечно, не тьма меня беспокоила. И не погода. А сказанное, вчера подполковником. Все эта затея разонравилась мне окончательно. Я чисто механически пихал патроны в магазины, стирая пальцы в кровь, чтобы отвлечься от тяжелых мыслей. Не помогало.

— Папшган, куда тебе столько? — спросил Виталик.

Очнувшись от транса, я посмотрел на тумбочку. Двадцать полных магазинов! В самом деле, куда мне столько? У меня и карманов столько нету!

— Папшган... — нерешительно произнес напарник. — Ты это...

— Чего?

— Если мы вернемся живыми — я тебе полтинник верну. Клянусь!

— Если мы вернемся живыми — я тебе полтинник прощу, — ответил я. — Обещаю.

Я еще раз проверил снаряжение. Надел бронежилет. Напихал магазины в подсумки, лишние — в рюкзак. Засунул пистолет в кобуру. Перецепил ремень автомата с антабки на цевье за антабку на прикладе. Все, как учили. Повесил его на плечо. Попрыгал. Кажется, ничего не звенит. Наконец, напялил шлем и даже застегнул ремень на подбородке, впервые в жизни. Уж очень неприятно было чувствовать себя одноразовым солдатом.

Во дворе царила суматоха. Больше всех суетились работорговцы. За ночь кто-то порезал все шины на их машинах. Даже запасные. Они метались в поисках заплат, Белкин им обещал помочь, но потом, когда проводит нас. Ежу понятно, что колеса бродягам порезали специально. Скорее, даже, по приказу начальника заставы. Уж слишком лакомым куском для торговцев красным деревом был Калаш, чтобы позволить им уйти до нас и подготовить какую-нибудь неприятность.

Штурмовики тоже не сидели без дела. Они укладывали на броню БТРа мешки с песком и закрепляли их сеткой и тросами. Солдаты пытались шутить, кто-то даже смеялся, но смех был совершенно невеселым, каким-то нервным, вымученным.

Единственным, кто по-прежнему не желал одевать броню, оставался полковник. Он драл горло, призывая покончить страдать фигней, но его никто не слушал. Прогулка «туда-обратно» имела реальные шансы закончиться ровно на полпути.

Теперь во главе колонны шел джип с Сигнальной. Кроме того, что бойцы с заставы несомненно лучше знали окрестности, так на нем еще и закрепили флаг с эмблемой погранвойск, чтобы оповестить скагов: этот конвой лучше не трогать. Машины, подпрыгивая на ухабах, освещая двухнедельную ночь светом фар, пересекли невидимую линию границы и вошли в демилитаризованную зону. По идее, в этой полосе, шириной десять километров, нахождение боевой техники и ношение оружия не допускалось. Но еще со времен Пограничной войны на это ограничение забили болт. В первую очередь — потому, что без оружия за пределами территории землян выжить было практически невозможно. И невозможно именно оттого, что на запрет ношения оружия все забили болт. Каждый знал, что у любого человека или скага в демилитаризованной зоне есть оружие. И это, при желании, давало повод прицепиться к любому. Конечно, если у тебя еще больше оружия.

Ориентиром служила гора Сигнальная — даже в крошечной тьме она выделялась еще более черным силуэтом, усеянным точками костров. Там, у ее подножья, лежал самый большой город инопланетян — Скагаранский Халифат. Днем с того места, где должен произойти обмен пленными, при хорошей погоде, он даже был бы виден. Но во время Невидимого Солнца... вряд ли.

Я видел фотографии города скагов. Видел и кадры документальной съемки. Но этим материалам было лет 40–50. И тогда это был город, мало отличающийся от наших. Фонтаны, автомобили, закусочные. Даже рестораны и боулинг. Но это было тогда. Наверно, мало что от того осталось.

С момента Ночи Калашматов нога человека не ступала в Скагаранский Халифат. Во

всяком случае — добровольно.

Еще одно направление бизнеса чертей — похищения. Гораздо более прибыльное, чем работоторговля, но и гораздо более опасное. Этим уже занимались очень немногие, а профессионалов, доживших в этой сфере услуг до пенсии — вовсе единицы.

Формула старт-апа проста. Похищают человека. Или даже группу людей. В основном, конечно, фермеров, геологов, лесорубов, пограничников, шахтеров. Словом — тех, кто имел несчастье работать вблизи границы. И требуют выкуп. В половине случаев родственники заложников наскребали какую-то сумму, которая вообще не оправдывала трудовозатрат скагов. Такие пленники чаще всего погибали, за редким исключением, когда чертям уж очень сильно были нужны деньги. Еще в половине случаев инопланетяне умудрялись похитить какого-нибудь военного, за которого уже впрягался Комитет Народной Обороны, и вот тогда подключались штурмовые бригады ЦСН.

Комитетчики понимали, что платить нельзя. Стоит заплатить один раз — скагаране целенаправленно начнут охотиться за военными, которых на границе — пруд пруди, и тогда никакой казны не хватит, чтобы их выкупать. Игнорировать тоже нельзя — кто пойдет служить, если будет точно знать, что в случае плена штабные крысы его просто вычеркнут из штатного расписания и закопают в землю пустой гроб с медалькой на атласной подушечке? Иногда такую жертву предприимчивости чертей удавалось спасти, иногда — нет. Но банду похитителей штурмовики вырезали подчистую при любом исходе операции.

Оставалась последняя категория лиц... как бы их так назвать? Разведчики. Шпионы. Вообще, доблестный разведчик от коварного шпиона отличается тем, что разведчики действуют в тылу противника, а шпионы — в собственном тылу. Сюда же можно отнести различных офицеров и чиновников, которые по какой-то причине оказались на границе. За них платили почти всегда. И платили очень хорошо. Потому что сильно хотели вернуть. И сильно не хотели, чтобы они откровенничали со скагами. Как в нашем случае — за одного «геолога» мы отдаем целого Калаша!

Т.е. редкие везунчики с одной кампании обеспечивали себя на всю оставшуюся жизнь. Во второй раз такая удача редко кому улыбалась. По части оружия скаги весьма слабоваты. Даже наш, казалось бы, небольшой конвой, представлял для инопланетян, вооруженных одними Калашматами, серьезного противника. Автоматы и взрывные устройства — вот все, на что хватало их интеллекта. Так что даже за противоположной броней джипа, несмотря ни на что, мы чувствовали себя почти в полной безопасности.

— Тихо как... — задумчиво произнес Виталик.

— Что? — переспросил Слава.

— Птички не поют, — пояснил Лопатин. — Я вырос на ферме у деда, недалеко отсюда.

По ночам от серых холхаток покоя нет, до утра щебечут...

И в этот момент громыхнул взрыв невероятной силы. Подорвался головной джип. Кто бы не минировал дорогу, взрывчатка он не пожалел. Положил, как себе. Машину, превратившуюся в огненный шар, подбросило в воздух на добрый десяток метров. Даже нас, на противоположном конце колонны, ощутимо потряхнуло. Со всех сторон заработали автоматы, украшая темноту пунктирами трассеров.

— Засада! — закричал водитель. — Молодцев, дым!

Хлопнули пиропатроны дымовых гранат. Пока серые клубы не заволокли джип, я успел увидеть две огненные стрелы, ударивших в борта БТРа. Штурмовики как раз за мгновение до этого успели спешиться и занять позицию в кустах.

— У них гранатометы! — завопил лейтенант.

Пули изредка шелкали по броне, находя наш джип в клубах дыма. Над головой долбил крупнокалиберный пулемет.

— Как же их дохрена! — прорычал стрелок.

— Чего ждем? — повернулся Слава. — Из машины, быстро!

Наружу вообще не хотелось. Там свистят пули, а здесь относительно безопасно. Сомнения развеял разрыв гранаты в считанных мерах от автомобиля. К дыму добавилась пыль, на металл посыпались камни. Рано или поздно, даже в таком месиве, гранаты нащупают броневик, и тогда нам всем хана.

Я выскочил из джипа, сразу упал на землю, и перекатился поближе к грузовику. По нему долбить из гранатометов точно не будут, побоятся зацепить Калаша. Недалеко грохотала автоматическая пушка БТРа, посылая в противника осколочно-фугасные. Значит, вояки потрудились не зря, усилив его броню мешками с песком!

Противник в кромешной темноте угадывался только по вспышкам автоматного огня. Сняв Калашмат с предохранителя, загнав патрон в патронник, я застрочил в ответ короткими очередями.

— Получите, твари! — заорал штурмовик, высунувшись из двери грузовика.

Вскинув Горына, он разрядил надствольный гранатомет, выпустив все пять гранат. В кого-то попал. После серии взрывов несколько точек погасло. В эффективности своего огня я вообще не был уверен. Противник занял слишком хорошую позицию: на склонах двух холмов, что позволяло ему расстреливать нас, как в тире. Несвойственная для чертей изобретательность. Пока нам фартило, видимо, стрелки они были аховые. Но и патронов они не жалели. Как и гранат. Не говоря о численном превосходстве. Только с одной стороны долбили не менее сотни... человек? Скагов?

— Они все тут, что ли, собрались? — проворчал полковник.

Прячась за массивным колесом грузовика, он постреливал из пистолетика в сторону неприятеля. На такой дистанции — занятие совершенно бесполезное.

Джип, маскируясь в дымовой завесе, огрызаясь пулеметом, карабкался по склону, намереваясь зайти с фланга. В черноте Невидимого Солнца нарисовалось сразу несколько белых стрел. Прогремел сильный взрыв и пушка бронетранспортера захлебнулась.

— Полковник! Грачев! — прокричал штурмовик, перекрывая голосом канонаду. — Их слишком много! Надо уходить!

— Тащи сюда этого выродка, — приказал офицер.

Солдат пинком выбросил из кузова машины Калаша. Схватив пленника за шиворот, прикрываясь им, как щитом, командир встал во весь рост и сделал три выстрела в воздух, привлекая внимание. После — приставил пистолет к голове скага.

— Не стрелять! — гаркнул полковник. — Не стрелять, чертово отродье, а то я этому чертовому черту его чертову башку снесу ко всем чертям!

На высотах кто-то выкрикивал команды на языке скагов. Автоматы, один за другим, замолкали. На поле боя воцарилась звенящая тишина. Только тихо урчал дизель грузовика. Легкий ветерок рассеивал дым и пыль. Там, в черноте, на холме, чудилось движение. Кажется, пронесло...

Однако штурмовики не расслаблялись. Они воспользовались паузой, чтобы перезарядить оружие. Джип, единственный уцелевший, остановился на склоне холма, не сводя с позиций инопланетян ствола пулемета.

— Отец? — раздался из темноты окрик на скагаранском.

— Сын? — ответил наш пленник. — Киниш? Да пребудет с тобой Тилис, Единый В Трех Ликах...

Глухо бахнул гранатомет. Они выстрелили! В Калаша! Я просто не мог в это поверить! Но еще хуже, что этот самый Калаш находился в считанных метрах от меня!

Взрыва я не слышал. Голова внезапно стала невероятно легкой. Все тело стало невесомым, как перышко. И я взлетел... я летел, летел и летел куда-то...

Глава 4

Скагаранский Халифат

Очнулся я на холодном земляном полу в полной темноте. Башка звенела и раскалывалась. Бронежилет и каска куда-то исчезли. Так же пропал автомат, пистолет и нож.

— Очухался? — спросил незнакомый голос.

— Кто здесь?

Чиркнула спичка. В ее тусклом свете я разглядел лицо незнакомого человека. Небритое, загорелое, обветренное лицо. Еще я успел заметить Виталика, Грачева и двоих штурмовиков. Одного, насколько я помнил, звали Саня, имени второго я не знал.

— Кровищи на тебе... — заметил Лопатин.

И спичка погасла.

— Целый? — поинтересовался тот же голос.

Я осторожно ощупал себя. Кажется, руки-ноги целы. Даже все пальцы на месте. Получается, кровь не моя...

— Чего молчишь? Язык проглотил?

— Да целый-целый, — заверил я. — А ты кто?

— Ха! Кто я! Я — самый настоящий майор Разведывательного Управления Центра Специального Назначения, фамилия моя Семенов! Из-за меня вы все здесь и собрались...

Я усмехнулся. Значит, я был прав! Геолог в звании майора!

— Ну не так, чтобы все... — произнес штурмовик.

— Больше никого не осталось? — дошло до меня.

— Никого, — подтвердил полковник.

Двадцать два человека! Плюс двое с Сигнальной. Итого — двадцать четыре. И в живых осталось — всего четверо! Одна шестая! Нихрена себе прогулка «туда-обратно»!

— А все почему? — задал вопрос разведчик. — Потому что вы — дебилы. Придурки. Кретины конченые! Додуматься поменять меня на Калаша! Вы вообще представляете, что теперь будет?

— Мы, так-то, просто приказ выполняли, — ответил я.

— Итак понятно, что будет, — тихо сказал Грачев. — Кончают нас.

— Это тоже сомнений не вызывает. Я про другое. Что всему человечеству хана!

— Как так? — удивился Виталик.

— Вот-вот, — подтвердил я. — Мне тоже нихрена непонятно. Если ты здесь, живой и здоровый... ну, я в темноте не вижу, но вроде как здоровый. Только слегка тронутый. Какого черта черти завалили Калаша вместо того, чтобы обменять его на тебя, как договаривались?

— Потому что живой он им не нужен! Вернее, нужен, но все равно — живой или мертвый.

— А смысл?

— Так, понятно. Объясняю по порядку. Какой сегодня день?

— Одиннадцатое... а, может, уже двенадцатое... — подсказал Виталик.

— Сегодня — день Невидимого Солнца! Этот Киниш — не мелкий жулик, как кому-то могло показаться. Он замахнулся на большее. Он захотел стать Великим Ханом, как Конош. И из всех ныне живущих скагов был лишь один, кого старейшины племен в самом деле

могли назвать Великим Ханом — это Калаш. А теперь следи за мыслью: если Калаш погибает, то кто становится его преемником? Правильно, его сын — Киниш!

— Так объявили бы Калаша мертвым — и всех делов! — удивился я.

— А вот тут не все так просто. Объявить мертвым Калаша, которого искали лет тридцать, конечно можно было. И не раз. Но, чтобы стать Великим Ханом, необходимое условие — чтобы все старейшины племен присутствовали на совете. Все! Это принципиально. Единственная уважительная причина, по которой старейшина не может присутствовать на совете — это смерть. Иначе — неуважение к кандидатуре Великого Хана. А какой он, к черту, Великий Хан, если не пользуется уважением старейшин?

Но кто бы подтвердил, что Калаш в самом деле мертв? Никто из скагов не пошел бы на такое богохульство. Был бы он не Калаш, а любой другой старейшина — легко. Но не Калаш! Это же... это икона Ночи Калашматов! Живая легенда! Единственная причина, почему черти еще барахтаются — это Калаш. Вера в то, что Калаш вернется и с неба посыплется золотой дождь. Можно хоть на каждом заборе писать, что Калаш мертв, через минуту рядом бы написали «Калаш жив». Чтобы объявить умершим такого великого скага, я не побоюсь этого слова — величайшего из ныне живущих, необходимо предоставить его тело. *Nabeas corpus!* Иначе все это — пустой звук.

— Постой, — начал понимать я. — А если б он пропал без вести?

— Для нас, для землян, это был бы идеальный вариант! Прошел бы не один десяток лет, прежде чем его имя забыли бы. А там, если б что-то подобное и случилось бы — проблема уже не наша, а наших потомков. А теперь все старейшины в сборе, кто не в сборе — тот мертв. Значит, можно выбрать Великого Хана. И Киниш станет Великим Ханом. Вторым после Коноша, за последние сто лет. И первым, после Тилиса, Единому В Трех Ликах, для всех скагов Терры. То есть если он прикажет своим соплеменникам пойти и утопиться в море — они сделают это без малейшего колебания. Но он отдаст другой приказ.

— Напасть на нас! — воскликнул я.

— Ты абсолютно прав, мой туповатый друг.

— А при чем здесь число? — удивился лейтенант.

— Какое число? Я разве про число спросил? Я спросил: какой сегодня день. День Невидимого Солнца. Именно в дни Невидимого Солнца скаги и собираются на совет.

— Почему так?

— Традиция. Ну сам посуди. Темно, не видно ни зги. Что им еще делать? На охоту ведь в такую темень не пойдешь. Вот и собирались, советовались...

Майор замолчал. Я пытался сложить в голове, где же мама с папой совершили ошибку, что я получаюсь причастным к концу человечества на этой планете! Тишину нарушил Виталик:

— Хотите, анекдот расскажу?

— Ну да, сейчас самое время, — произнес Грачев.

— Увидели два человека объявление «покупаем рога скагов по 100 рублей», — начал Лопатин, похоже, не уловив иронии в голосе полковника. — Сели в джип, поехали в степь. Весь день гоняли по степи, никого не нашли, только под вечер — старого, дряхлого черта. Убили его, отпилили рога и отправились на ночлег. Утром один просыпается, выходит из палатки, а там — тысяча чертей, на конях, с луками. Он бегом обратно в палатку: «Джонни, вставай, мы сказочно богаты!».

Засмеялись все, даже я. До слез, истерически смехом.

— Очень жизненно, — заметил Семенов.

Веселье прервали шаги нескольких ног и звук ключа, поворачиваемого в замке. Дверь распахнулась и в дрожащем свете факела я увидел скага.

Я видел много скагов. Особенно за последнее время, за время рейда. Но такого скага я видел впервые. Те скаги были тощие, всегда одетые так, словно подбирали свой гардероб исключительно по помойкам. В лучшем случае — в спецовке, форменной одежде. Заискивающе смотрели в глаза, особенно когда видели сотрудника милиции, сжавшись, ожидали удара прикладом автомата.

Но не этот. Этот скаг был здоровым, крепким, с буграми мышц, в серых камуфляжных штанах, черной футболке и патронташем через плечо. На другом плече висел дробовик. Это был страшный скаг. Вот те, в городе — жалкие. А этот — страшный. Увидел бы я такого в Грачевске — не задумываясь разрядил бы в него весь магазин Калашмата, а только потом спросил документы. Настоящий черт!

Сейчас ситуация несколько иная. Оружие было именно у него в руках, а не у меня.

И золото. Конечно, золото. На красномкожем сверкали кольца, цепи и браслеты. В немислимых количествах. Украшения являются подтверждением социального статуса любого рогатого. И социального статуса — не в узком смысле, насколько удачлив скаг, чтобы заработать на золото. О каких-то других способностях здесь, в Скагаранском Халифате, говорить не приходилось. Именно — удача. Но и гораздо больше. Одно дело — заработать золото, и совсем другое — удержать его. Повторю снова — чертей за золото пачками выводили в расход в любом удобном и даже не совсем удобном месте даже в наших городах. Здесь — тем более. Золото на скаге означает не только то, что он смог его добыть, пусть даже снять с трупов своих соплеменников, но еще и то, что другим чертям что-то мешает повторить этот процесс и снять золото уже с другого тела. Вероятнее всего — мечь кого-то очень могущественного, такая мечь, от которой не спрятаться в горах и не потеряться в степях.

— Шанг, ходить, — распорядился инопланетянин.

И, да! Для тех рогатых, в Грачевске, я был «ханом». А здесь — «шангом», т. е. «безрогим».

Мы вышли из камеры. Здесь было намного светлее — вдоль широкого коридора на стенах висело несколько факелов. Конечно, не Дворец Совета, но лучше, чем кромешная тьма в камере. Снаружи камеры нас ждали еще два черта. Менее внушительные, чем первый, но не более приветливые. И тоже с оружием.

— Ходить, — повторил скагаринин.

Один рогатый шел впереди, показывая дорогу, остальные — за нашими спинами. И этой самой спиной я чувствовал, что стоит сделать шаг в сторону — сзади прилетит заряд картечи или очередь из автомата. Я обратил внимание, что стены здания, где мы находились, сложены из кирпича. Из вполне стандартного, обычного человеческого кирпича. Еще повесить лампочки, раза в полтора уменьшить в плечах скагов, и я бы подумал, что мы находимся в самом заурядном городе землян. Хотя — ничего удивительного. Мы, люди, и помогали строить Скагаранский Халифат чуть более ста лет назад.

Да, я уже не сомневался, что мы находимся в Скагаранском Халифате. Или Машишожихалаконоше, как его называли сами скаги. Просто потому, что другого такого города по эту сторону границы просто быть не может, он один на всем материке.

Поплутав по коридорам, мы оказались в огромном круглом зале. Насколько хватало

света факелов — справа, слева, сзади, спереди, да вообще — вокруг, в креслах, каждый ряд которых находился выше предыдущего, сидели черти. Тысячи чертей. Потолок помещения вовсе утопал в полутьме. В центре, на круглой площадке, отделенной невысоким бордюром, в окружении, судя по количеству украшений на них, наиболее важных инопланетян, в зубоветеринарном кресле сидел еще один скаг. Всем скагам скаг. В черных кожаных штанах, надраенных до блеска сапогах и белоснежной рубашке. В его наплечной кобуре блеснул хромом огромный револьвер, явно американского производства. На каждом пальце краснокожего сверкало по золотому перстню с драгоценным камнем размером не меньше моего ногтя. На некоторых — и не по одному. Рога его тоже были унизаны золотыми кольцами. Нетрудно догадаться, что это и есть Киниш, которому не дает покоя слава его великого предка.

Справа от верховного скага стояла фигура, укутанная в балахон песочного цвета. Торчали только носки армейских ботинок. Капюшон полностью скрывал лицо, даже кисти рук спрятаны в рукавах. Но, почему-то, мне казалось, что это — человек. По телосложению, по пластике движений, по тем деталям, которые не можешь себе объяснить, но на которые указывает подсознание. Черти так не двигаются, инопланетян видно издалека, в их жестах есть что-то такое воздушное, плывущее, не свойственное людям, и что человеку никогда не удастся повторить.

Слева, на носилках, лежал молодой инопланетянин. Для большинства землян все черти на одно лицо как и для меня когда-то, но когда через руки проходит сотни и тысячи ориентировок на краснокожих, начинаешь видеть малозаметные отличия в разрезе глаз, строении скулы, носа. И сходства — тоже. Этот был весьма и весьма похож на Киниша, видимо — его сын. По лицу парня стекали капли пота, одежда, тоже мокрая от пота, прилипла к телу. У чертенка был жар, его била лихорадка. И было от чего — ногу юноши разбарабанило от укуса каменной гадюки. Кожа пошла характерными чешуйками от яда змеи. Дело его плохо. Я достаточно повидал людей, отравленных ядом этой твари, чтобы понимать, что сыну хана осталось два-три дня от силы.

С каменными гадюками у меня самого отдельные счеты. Еще в школьном возрасте, в классном турпоходе, меняхватила за ногу такая тварь. Что удивительно, сам укус почти безболезненный. И быстрый, как молния. Тогда я чуть не подох. Во второй раз такой змеей я повстречался уже в более зрелом возрасте, на полевых учениях в офицерском училище. Словно специально, она цапнула меня в ту же ногу! Может, вообще была та же самая, запомнила меня и ждала, когда я вернусь в горы. Самое противное — после укуса зубы, заточенные, как гарпун, отламываются, и остаются в жертве, продолжая источать яд. Тут я уже был более подготовлен — сам произвел хирургическое вмешательство, вырезав зубы перочинным ножом. Тупым перочинным ножом! Но яда в кровь попало достаточно, даже после введения противоядия меня штормило еще пару дней.

Здесь, в пограничной зоне, где до гор рукой подать, таких змей — пруд пруди. Потому, не желая получить столь незабываемые впечатления в третий раз, я запасся сывороткой в числе прочих медикаментов в своем рюкзаке.

В тронном зале стоял тошнотворный запах тел скагов. Нет, не скагов. У инопланетян другой запах. Пахло... животными! И тут до меня дошло! Мы находимся в цирке! В самом обычном цирке! Площадка в центре — это арена. Уходящие вверх кресла — места для зрителей. Насколько же высока была культура скагаран, если у них был даже цирк? И насколько они опустились сейчас...

— Шанг! — обратился к нам Киниш. — Я не звать тебя в моя мир. Зачем ты ходить моя?

— Да нас никто не спрашивал, — ответил разведчик.

— Шанг, ты забирать моя земля. Ты убивать моя семья. Шанг делать только горе! Я решать: все шанг умереть. Я говорить: жижиш!

— Серьезно? — усмехнулся майор. — Ты сидишь в кресле, сделанном людьми, в доме, построенном людьми. На тебе — одежда, сшитая людьми. И оружие, сделанное людьми. И ты говоришь, что люди принесли тебе только горе? Так откажись от всего этого! Выбрось оружие людей, сожги одежду, разрушь дома...

Скаги, те, что понимали наш язык, возмущенно загалдели. Скоро к ним присоединились и те, что не понимали, которым заботливо перевели слова разведчика. Киниш сам покраснелся, хотя казалось, что больше просто невозможно. Его ноздри гневно раздувались, а руками, с побелевшими от напряжения костяшками, он вцепился в подлокотники кресла. Возразить было нечего.

— Не зли его, — отдернул разведчика полковник.

— Он все правильно делает, — прошипел Саня. — Сейчас кольца ему вырвет и нас кончают здесь по-быстрому.

Тут я совершенно разделял мнение штурмовика. Я немного слышал про пытки, которым черти подвергают своих пленников, и то — на уровне слухов. Выживших после них, понятное дело, не было. Но даже то немного заставляло с завистью думать о тех солдатах, которые всего лишь заживо сгорели в бронетранспортере на месте засады.

— Или ты мне хочешь рассказать, как земляне угнетали скагаран, строя больницы, школы и театры? — продолжал Семенов.

Черти уже просто взбесились. В нас полетели оторванные подлокотники кресел, небольшие камни и прочий сор, скопившийся в цирке после его превращения в тронный зал.

— Дай я поговорю, — взмолился полковник.

Офицер закрыл ладонью рот майора и потеснил его, сделав шаг вперед. Губы хана тронула легкая усмешка. Он поднял руку, призывая к тишине, но инопланетяне угомонились лишь после того, как наш тюремщик шарахнул в потолок из дробовика.

— Киниш, мы так не договаривались! — выкрикнул Грачев.

И вот тут в зале повисла мертвая тишина. Был слышен даже шелест пыли, падающей со свода купола цирка. Мы, ничего не понимая, переглянулись и вытаращились на командира. О чем он мог договариваться со скагом?

— Я привез тебе Калаша! — продолжал полковник. — То, что вы его шлепнули — не мои проблемы. Отдай мне вторую половину денег и отпусти!

Скаги зашумели пуще прежнего, стуча ногами. Наверно, в нас бы еще что-нибудь полетело, но, похоже, что было не жалко запустить в пленников — уже запустили.

Но теперь многое встало на свои места. Почему вообще было принято решение поменять старого скага на разведчика. Почему операция готовилась в такой спешке. Почему Грачев был при полном параде, при медальках, и игнорировал бронезилет. Это был просто опознавательный знак, чтобы его не спутали с другими людьми!

— Гнида!

Саня прыгнул на офицера, повалил его на арену и взял в удушающий захват. По рядам прошел восторженный гул. Должно быть, такие представления здесь — редкость. Полковник бился в руках штурмовика, пытаясь высвободиться, хрипел, но силы были не равны.

Специальная подготовка в рукопашном бою превосходила строевую подготовку и медали за выслугу лет. Скаги возбужденно гоготали. Кажется, они даже делали ставки. Конечно, не на то, кто кого победит, а сколько вообще продержится Грачев, прежде чем испустит дух. Сам Киниш с интересом наблюдал за схваткой. И вот, когда командир совсем обмяк, а его глаза вылезли из орбит, хан извлек из кобуры револьвер, взвел курок, не торопясь прицелился и выжал спуск.

Пушка подпрыгнула в его руке, озарив цирк вспышкой пламени и прогрохотав раскатом грома. Пуля угодила солдату точно в лоб, сняв половину черепа, но даже мертвый он не ослабевал хватку. Зато полковник, просунув свою руку в замок, смог хоть как-то дышать.

— Помнишь, там, в Грачевске, ты сказал, что тебе стыдно, что ты — тоже Грачев? — с отвращением произнес я. — Теперь мне стыдно, что я — Грачев.

— Моя не убивать твоя, — рассмеялся скаг. — Твоя шанг убивать твоя.

Второй штурмовик кровожадно оскалился, хрустнув костяшками пальцев. Он понимал, что черти нас казнят. Но перед этим верховный черт предоставил неплохое развлечение — убивать полковника так долго, как это возможно. С наслаждением. Лицо офицера исказила гримаса ужаса.

— Нет! — завопил он. — Ты же не собираешься закрыть меня с ними... ты не посмеешь! Да как так... Верховный Хан Киниш, возьми меня на службу! Я хочу служить тебе!

— Твоя? Служить моя? Если твоя так легко продать шанг, как легко твоя продать скаг? Нет. Сегодня я стать Верховный Хан. А завтра вас убивать. Кто еще быть жить.

— Постой! — громко произнес я. — Это твой сын? — я указал на молодого скага. — Я знаю, что с ним. Его укусила каменная гадюка... как это на вашем...

— Шихашижихау, — подсказал майор.

Он произнес это так быстро, и на таком чистом скагаранском, что я усомнился в его земном происхождении. Одно слово — разведчик!

— Я могу его вылечить, — добавил я.

Лицо Киниша дрогнуло. Он заколебался. Впервые за все время представления на его лице появилось какое-то выражение, близкое к человеческому, что-то похожее на душевную боль.

Фигура в балахоне нагнулась к хану и что-то заговорила. Скаг внимательно выслушал, оставаясь неподвижным, а затем ответил:

— Нет. Как моя верить, что твоя не убить моя сын?

Но теперь в его голосе не было прежней решимости! Чаша весов склонилась в нашу сторону, пусть немного, но появился шанс. Крошечный, но шанс!

— Я — Грачев, — заговорил я, вспоминая все, что знал про скагаран. — Мой великий предок и твой великий предок Конош, вместе вели наши народы... племена, к одной цели. Тогда люди и скаги жили в мире. Я клянусь памятью своего великого предка. Ради памяти твоего великого предка. Поверь мне.

— Он тоже быть Грашев, — инопланетянин указал на бьющегося в истерике полковника.

— Вот видишь! — воскликнул Семенов. — На то была воля Тилиса, Единого В Трех Ликах! Один Грачев привел к тебе другого Грачева, чтобы спасти твоего сына!

Майор тоже увидел надежду. Если не спасение — то, как минимум, отсрочку пыток и казни. А там, как говорится, или хан помрет, или многогог сдохнет.

Фигура в балахоне затараторила, наклонившись к самому уху скага, возбужденно размахивая руками. На секунду одеяние соскользнуло, обнажив кисть руки. Неизвестный сразу поправил рукав, но этого было достаточно. Рука — человеческая! Это был человек! Землянин! И этот землянин давал указания инопланетянину, имел над ним какую-то власть!

Киниш слушал советника совершенно безучастно. Его мысли витали где-то далеко. Наконец, черт бросил ему несколько коротких, резких фраз, и оттолкнул человека. Я из сказанного понял лишь «шанг» и «Тилис».

— Нет... род Великих Ханов не должен прерываться... мы живем в наших детях и внуках... Сам Тилис, Единый В Трех Ликах, послал этого человека... — перевел майор.

Поняв, что единственный способ хоть какую-то часть разговора сохранить конфиденциальной, не дать себя переубедить — общаться через Семенова, хан поднялся со своего трона, подошел к нам, и, кивнув на меня, заговорил по-скагарански, глядя на разведчика.

— Он спрашивает, действительно ли ты можешь вылечить парня, — донес до меня слова Киниша военный.

— Да, могу.

— У тебя в самом деле есть антидот?

— Представь себе — есть!

— Ладно, подробности потом расскажешь. Этот черт интересуется, понимаешь ли ты, что если ты причинишь вред его сыну — ты умрешь в страшных муках?

— Получается, при любом раскладе я ничего не теряю, — развел я руками.

— Именно! — улыбнулся майор. — Что тебе нужно?

— Острый нож, горячая вода, антисептик, бинты и мой рюкзак.

— Все будет.

Виталика, штурмовика и полковника черти увели первыми. Вернее, двоих увели, а Грачева — утащили. Он так буянил, вымаливая отдельные апартаменты, что пришлось оглушить его прикладом. Нас с разведчиком — чуть погодя, следом за сыном Киниша, которого несли на носилках. Молодой скаг был совсем плох. Позади скрипел армейскими ботинками тот самый здоровый черт с дробовиком, который выводил нас из камеры.

Мы покинули здание цирка. Стало уже очень холодно, изо рта выходил пар. Невидимое Солнце вступало в силу. В городе скагов, освещенном редкими факелами, было, мягко говоря, немногочленно. Улицы пустовали. Вообще царило ощущение полного запустенья. Штукатурка на фасадах многих зданий осыпалась, вместо некоторых возвышалась лишь груда кирпичей. Стекла в Скагаранском Халифате вообще были редкостью. Асфальт почти полностью отсутствовал, оставались лишь небольшие островки покрытия. Всюду валялся разнообразный хлам и лошадиный помет. Видимо, именно так и будут выглядеть наши города, когда... если их покинут люди.

Звучали выстрелы. Но это не перестрелка. Скорее, скаги просто палили по банкам. Или по чему там у них принято шмалять? А то и просто в воздух. Пулевые отверстия покрывали большинство строений. Местами из стен даже торчала шрапнель, оставшаяся еще с авианалетов и артобстрелов тридцатилетней давности. Да, неплохо побомбили мы Скагаранский Халифат во Вторую Чертову Войну.

К своему удивлению я заметил несколько машин. До сего момента скаг и автомобиль у меня в голове не очень сочетались, рогатых я представлял себе исключительно на лошадях. Ну кроме ханов времен до Ночи Калашматов. К тому же автомобилей не совсем древних, а

вполне новых. В основном — пикапы-внедорожники, часть с пулеметами на рамах. Как минимум один — с автоматическим станковым гранатометом, что вообще не вязалось со стереотипами о краснокожих. Да, а мы-то думали, что все, что сложнее стреляющей палки, черти не освоят...

Вскоре мы подошли к дому, у которого тарахтел самый обычный дизельный генератор, а из окна на улицу лился самый обычный электрический свет! Обстановка внутри тоже мало отличалась от привычной. Самый что ни на есть обычный стол, стул, кровать... даже телевизор, который транслировал новостную программу. Получается, сейчас восемь вечера. Или утра. В дни Невидимого Солнца — вообще непонятно, когда день, а когда ночь.

Сына Киниша уложили на кровать. Было заметно, что любое движение доставляет ему боль и скаг, несмотря на молодость, уже ощущал дыхание смерти. Сопровождавший нас здоровый черт бросил на пол мой рюкзак. Нож и запасной пистолет, конечно, изъяли, как и флягу с виски, зато аптечка, теплая куртка и фонарик оставались.

— Скажи им, пусть вскипятят воду, — обратился я к майору.

Он перевел. Инопланетянин с надменным видом подошел к столу и ткнул кнопку электрического чайника. Какие продвинутые черти!

— Мне нужен нож. И, желательно, обезболивающее. Больно будет чертовски.

Теперь разговор продлился гораздо дольше. Скаг упорно не хотел давать нож. Чайник успел вскипеть, прежде чем конвоир сдался и, вынув из ножен огромный тесак, вручил его мне. Этот инструмент мало подходил для хирургических операций, скорее для того, чтобы рубить им головы. Скорее всего, для этого он и использовался. Но остроте клинка мог позавидовать иной скальпель. За неимением лучшего подойдет и этот. Мы накачали парня виски из моей же фляги, которую чертям тоже пришлось вернуть. Сами краснокожие алкоголь не употребляли — им Тилис, Единый В Трех Ликах не позволял. Во всяком случае — явно, втихую бухали так, что шум стоял. Часть спиртного я плеснул на нож, чтобы хоть как-то продезинфицировать его, немного выпил сам — для храбрости. И чтобы хоть как-то согреться.

Еще больших трудов стоило убедить скагаран заткнуть пациенту рот и крепко держать его. Рогатые отказывались наотрез. Я уж думал, что вся операция на этом и закончится, но офицер проявил чудеса изворотливости и дипломатии, помяная Тилиса, Единого В Трех Ликах, почти через слово.

Когда разум возобладал, и больной был надежно зафиксирован, я, закусив губу, осторожно вырезал зубы гадюки. Вместе с мясом. Не ожидал, что они могут врасти так глубоко! Черти настороженно наблюдали за ходом операции, а я прекрасно понимал, что если в их крошечном мозгу появится мысль, что я задумал навредить пациенту — в голову сразу плюхнет свинцовая плюшка. Один клык. И второй. Опасения были напрасны, парень не то что не пикнул — даже не вздрогнул. Или был настолько пьян, или был уже настолько близок к смерти, что ничего не чувствовал. Случай был очень запущенным.

— Я удивлюсь, если удастся сохранить ногу, — заметил майор.

— Да я вообще удивлюсь, если он кони не двинет, — покачал я головой.

Закончив, я продезинфицировал рану виски и забинтовал. Остался последний штрих. Я достал из аптечки две ампулы с антитодом, зубами вскрыл упаковку одноразового шприца и вкачал в него содержимое обеих склянок.

— Двойная доза? — зашипел Семенов. — Ты с ума сошел? Он точно ласты склеит!

— Поверь, хуже ему точно не будет, — ответил я.

Возразить майору было нечего. Выпустив из шприца воздух, я воткнул иглу в ногу пациента и осторожно закачал лекарство. Все, без остатка. Теперь жизнь преемника Великого Хана зависит от Тилиса, Единого В Трех Лицах.

— Грачев, — дернул меня за рукав разведчик. — А кипяток-то тебе зачем?

— Кофе хочу. Горячего, — я достал из рюкзака банку. — Холодрыга адская. Будешь?

Глава 5

Долг крови

Вернувшись в камеру, я сразу споткнулся обо что-то, чего здесь раньше не было. Сзади на меня налетел Семенов. С матом мы оба рухнули на пол. Это нечто было мягким, тряпичным и мокрым. Поднявшись на ноги, я включил фонарик. Лампочка высветила в темноте лица штурмовика и лейтенанта. Полковника я нигде не видел.

— Жить будет? — спросил Виталик.

— Кто?

— Чертенюк этот, кто еще?

— Черт его знает, — пожал я плечами. — А Грачев где?

— А ты как думаешь?

Я посветил на пол. Да, тут и лежал предатель. Со свернутой шеей и вывалившимся набок языком. И абсолютно мертвый. Признаться, я б и сам с удовольствием приложил ему пару раз, но опоздал.

— Ну зачем вы так с ним? — обиделся майор.

— Зачем завалили? — нахмурился штурмовик.

— Зачем без нас? — пояснил разведчик. — Я бы присоединился.

— Ну извините! — развел руками солдат. — Мы вообще не были уверены, что снова увидим вас. Живыми.

— Пашган, ты без обид? — поинтересовался Лопатин. — Я его так, только пнул пару раз...

— Нормально, Виталь, — отмахнулся я. — Похоже, он не один предатель...

— Ты про того типа в балахоне? — уточнил майор. — Нет, мой туповатый, но запасливый друг, сдается мне, что это не предатель...

— Но я уверен на все сто, что это — человек! — возразил я.

— Человека — да, тут я тоже не сомневаюсь. Но предатель — вряд ли. Ты заметил, что он все время что-то нашептывал Кинишу? И даже указывал ему! Вряд ли предатель имел бы такую власть над скагом, который вот-вот станет Верховным Ханом. Скорее, это советник. Военный советник.

— Наш? — удивился лейтенант.

— Наш! — усмехнулся Семенов. — Не наш, а их.

— Американцев, — пояснил я. — наших заклятых партнеров.

— Exactly, — поддержал разведчик. — То есть совершенно верно. И мы стоим накануне грандиозного шухера. Виталик, ты б хоть анекдот какой рассказал, для поднятия настроения...

— Как-то в голову ничего не приходит, — буркнул напарник.

Время тянулось долго. А, может — и нет. В полной темноте сложно судить. Семенов пробыл в плену девять дней, но ему легко было считать — солнце всходило и садилось. Хотя оно и сейчас делает то же самое, но закрыто Аресом — газовым гигантом на внутренней от нас орбите.

Сколько прошло — я не знаю. Но нам принесли поесть. Все тот же здоровый черт. Увидев труп Грачева, он оскалился в садистской ухмылке, взял его за ногу и легко, как пушинку, вытащил из камеры.

— Кормят, — заметил майор. — Это хороший знак. Значит, сегодня нас не кончают.

— Может, они напоследок, перед казнью? — произнес Лопатин с набитым ртом.

— Стали бы они стараться, — возразил штурмовик. — Ты поверь, казни тут такие... долгие... из тебя все наружу десять раз выйдет, пока подохнешь. А то и пятьдесят. Нет, поживем еще!

— Причем хорошо кормят, — добавил разведчик. — Сколько я здесь торчу, это — лучший ужин за все время!

— Почему ужин, а не завтрак? — поинтересовался лейтенант.

— Потому что я хочу спать. А сплю я обычно после ужина, а не завтрака, — пояснил Семенов.

Мы поели. Поспали. Потом нас еще несколько раз кормили. Не лучшие рестораны Грачевска, но вполне сносно. В перерывах между едой мы спали. Мы ели, когда нам приносили поесть. И спали, когда хотелось спать. Вот и все летоисчисление, что у нас было. Конечно, можно было попытаться определить прошедшее время по росту щетины, но это далеко не самый точный хронометр. Я не имею представления, сколько дней прошло. Батарейки в фонарике давно сели. Становилось все холоднее и холоднее, Невидимое Солнце входило в полную силу.

Но в следующий раз, когда дверь открылась, еды не было.

— Шанг, ходить, — приказал скаг.

— Вот, братцы, и все, — понуро произнес Семенов, поднимаясь. — Кажется, сейчас нас выведут в расход.

— Нет весь шанг, — возразил тюремщик. — Одна шанг, шанг-шаман. Другая шанг нет ходить.

Внутри меня все похолодело. Точно — все. Кирдык мне. Похоже, чертенок, несмотря на мои старания, подох. Учитывая степень запущенности, я б удивился, если он выжил! Шанс был настолько микроскопический... но когда смерть неминуема — готов поверить даже в невозможное. Сейчас меня замочат. Причем, делать это будут — как обещано. Долго и мучительно.

— А почему он один? — возмутился Виталик. — А мы?

Вместо ответа инопланетянин двинул лейтенанта прикладом в живот, и, когда тот согнулся — добавил еще раз. По спине. Спорить бессмысленно. Я чувствовал, что мои друзья готовы ринуться на скага с голыми руками, но в коридоре находились еще. Преимущество на стороне рогатых. Если друзья вступятся за меня — их просто перебьют, и моей участи это не изменит. Так в чем смысл? Я поспешил выйти из темницы.

— Прощайте, братцы, — бросил я, обернувшись.

В этот момент мне на голову накинута мешок, меня повалили на пол, скрутили руки за спиной, стянули их веревкой. По идее, как раз настало время подумать о жизни, попросить у кого-то прощения, может, даже, помолиться. А кому молиться? Тилису, Единому В Трех Ликах? Так он не услышит. Ведь Тилис — это имя пришельца. Или пришельцев. Или название их планеты... в общем, «Тилис! Тилис! Тилис!» — это первые три слова из книги пришельцев, корабль которых потерпел крушение на этой планете лет пятьсот назад. И выжило их как раз трое. И жили они у скагов, но не здесь, на материке, а у чертей на острове, в Городе Башен. На континент краснокожие пришли как раз оттуда. Что они там друг с другом не поделили — один Тилис, Единый В Трех Ликах, ведает.

Меня, бесцеремонно схватив за ногу, куда-то волокли. Иногда попадались ступеньки,

тогда я едва успевал поднять голову, чтобы не приложиться затылком, но несколько раз все равно схватил бетоном по башке. Весьма ощутимо.

Стало свежее. Похоже, меня вытащили из здания. Неужели Великому Хану не доставляют удовольствия крики истязаемых пленников, и пыточную разместили поодаль от тронного зала? Пронесли еще немного, и бросили. Последовали удаляющиеся шаги, и... тишина! Если скаги хотят, чтобы я умер от голода — это, конечно, долгая смерть, но какая-то уж слишком идиотская пытка. Я подергался, пытаюсь распутать узлы, но безуспешно. Кто вязал мне руки — отлично знал свое дело. Так я и лежал в ночи скагаранского города, ожидая своей участи. Кажется, даже задремал.

— Шанг, молчать! — услышал я знакомый голос.

Кто-то разрезал веревки на моих руках и снял мешок с головы. В лицо ударил свет мощного фонаря. Я зажмурился, закрывая глаза рукой.

— Шанг, ходить. Далеко ходить.

— Да что за... — возмутился я.

Мой рот зажала чья-то сильная рука и я увидел блестящие в электрическом отблеске золотые кольца на рогах. Киниш!

— Моя сын жить, Великий Хан отпускать шанг, — зашипел скаг. — Шанг ходить быстро, ходить далеко.

— А мои друзья, где они? Другой шанг?

— Другой шанг умирать, — невинно ответил черт. — Совсем мало пытаться. Чуть-чуть. Совсем быстро умирать.

— Как умирать? — отказывался я поверить в услышанное.

— Вся шанг — враг вся скаг, — пояснил Киниш. — Твоя шанг не враг моя. Твоя шанг враг моя потом. Сейчас моя отпускать твоя.

— Так я не понял — они уже убиты?

— Уже, да, уже. Твоя совсем быстро ходить, далеко ходить. Совсем далеко, — взмолился инопланетянин.

И тут я все понял. Киниш обменял их жизни — на мою! Скаги ему никогда не простили бы, если б черт помиловал всех. Да и сейчас, отпуская меня, он, по сути, совершает преступление против своего племени. Против всех племен. Скагаране жаждали смерти людей. Это с одной стороны.

С другой стороны — были традиции. Долг крови. Жизнь за жизнь. И это работало в обе стороны. Если ты забрал жизнь скага — скаг ответит тем же. Если спас скага — скаг, опять же, ответит тем же. Конечно, последние десятилетия инопланетяне положили с прибором на все традиции. Но среди них не было Великих Ханов! Что это за Великий Хан, если он начнет с нарушения традиций?

Долг скага требовал убить и меня. Но долг скага-отца требовал сохранить мою жизнь. Случился конфликт интересов. А долг Великого Хана, один из — как раз разрешать такие конфликты. Но, опять же, решать таким способом, чтобы удовлетворить старейшин племен. И вот здесь Великий Хан принял решение казнить всех пленников, но оставить меня в живых. Это не противоречило традициям и устраивало старейшин, но Киниша, как отца, при этом Великого Хана, устраивало лишь отчасти. Однако, пользуясь своим авторитетом, хитрый черт при помощи верных скагов устроил мне побег, пока остальные были заняты казнью. Теперь долг и отца, и Великого Хана был исполнен на сто процентов!

А мужики? Виталик, Семенов и штурмовик, имени которого я так и не узнал. Они

мертвы! Рукоять револьвера Киниша, торчащая из кобуры, качалась в такой заманчивой близости от моей руки... я взвешивал в голове все за и против. Обратит ли кто-нибудь внимание на одиночный выстрел? Вряд ли. За эти несколько минут, что скаг уговаривал меня бежать, стреляли несколько раз в разных концах города. Здесь это было обычным делом. Завалить Великого Хана... я сполна отомщу за своих друзей! Ладонь уже развернулась к оружию...

Но я слишком медлил. Киниш понял мои намерения и заломил руку, повалив меня на землю. Над ухом щелкнул взводимый курок револьвера.

— Шанг, ты совсем черт? — яростно прохрипел скаг. — Быстро уходить, или я тебя убивать.

Выбора не было. Или умереть в обреченной на провал попытке отомстить, или выжить, вернуться и отомстить потом. Я встал и пошел прочь, внутренне сжавшись, ожидая любого подвоха. У меня не было уверенности, что инопланетянину не стукнет в голову пальнуть мне в спину. Но он сам меня окликнул:

— Шанг! Я вернуть долг кровь!

Я облегченно вздохнул. Хотел бы застрелить меня — уже сделал бы. Если подумать — зачем меня вытаскивать перед казнью, чтобы замочить в подворотне в гордом одиночестве? А теперь скаг все объяснил — нашу следующую встречу переживет только один. Киниш поступит так, как ему велит долг Великого Хана — попросту убьет меня. Если я не убью его раньше. На то воля Тилиса, Единого В Трех ликах.

Я ненавидел этого скага так, как не ненавидел никого. Больше, чем сержанта в училище. Даже больше, чем географичку в школе, хотя больше, казалось, вообще невозможно. Ненавидел его за убийство людей там, в засаде. Но еще больше — за убийство майора, лейтенанта и штурмовика. Вспомнив Лопатина, я почему-то подумал, что полтинник мне Виталик теперь точно не вернет. Не в полтиннике, конечно дело. Просто долги напарника — самая частая тема разговора между нами. Помимо анекдотов. Но вместе с тем, я верил лейтенанту, как себе. Я знал, что на него можно всегда положиться. Если дело не касается денег. Или выпивки. Бывало, Лопатин тупил, бывало я материл его, на чем свет стоит. Но, случись что у меня — он снял бы последние штаны. Я не сомневался — Виталик, если так ляжет карта, умрет за меня. Так оно и случилось. Мужики, я за вас отомщу. Клянусь!

Но, вместе с тем, я восхищался Кинишом. Он прекрасно отдавал себе отчет в том, что живой я буду убивать его соплеменников. Пачками. Сотнями. Тысячами. Покуда хватит сил. Представится возможность — и самого Великого Хана замочу с огромным удовольствием, получив моральное удовлетворение больше, чем от первого секса. Но рогатый отпустил меня. Устраивая побег, он сам рисковал. Его карьере верховного скага мог прийти конец, едва она началась. Наконец, его помощники могли просто сдать хана. Однако краснокожий выплатил долг крови. Просто не мог поступить иначе. Наверно, Киниш не был бы тем, кто он есть, если б был другим.

Потому и побег был возможен вообще. Скаги беззаветно верили Великому Хану, а он верил им. Похоже, это и есть формула идеального правителя: доверие. Иначе... зачем, вообще, жить, если некому верить?

Я бежал на заставу Сигнальную. Бежал — не только для того, чтобы быстрее оказаться среди людей, еще и потому что было чертовски холодно, и согреться я мог только так. Бежал почти наугад. Из всех ориентиров была лишь гора Сигнальная — черная, как смоль в темноте Невидимого Солнца, с яркими точками костров. Она должна оставаться за правым

плечом, и периодически я оборачивался, сверяя курс.

Здесь, во тьме, вне всяких сомнений, бродили саблезубы, многогоги и другие хищники. В траве ползали змеи. И я б абсолютно не удивился, если б кто-нибудь набросился на меня из ночи. Великий Хан не так уж и многим рисковал, отпуская меня, если подумать. Шансы добраться до заставы в Невидимом Солнце и не быть съеденным — не так уж и велики. Но мне определенно везло, везло невероятно, везло чертовски.

Шашлык и малоподвижный образ жизни делали свое дело — легкие горели, мышцы собирались треснуть пополам. Я двигал руками и ногами чисто автоматически, направляясь к мигающей точке впереди.

Точке? Мигающей точке!? Свет! Там, впереди свет! И там, впереди, могут быть только люди! Собрав в кулак остатки сил, я ускорил бег. Точка становилась все ближе. Скоро стало ясно, что это — свет автомобильных фар.

Может, патруль с Сигнальной? И тут, когда я приблизился достаточно, меня накатила волна ужаса. Это и была Сигнальная! Только прожекторы башен не шарили по степи в поисках нарушителей, они вообще не горели! Не мигал даже огонек на радиомачте! Автомобильные фары светили внутри заставы, пробиваясь наружу через пролом в стене!

Я остановился. Отдышался. Подкрался. Затаился. Прислушался.

Внутри разговаривали земляне. Наши! Я осторожно заглянул в дыру, и, выдохнув, перешагнул через груды бетона, переплетенного арматурой.

— Тилис в помощь, добрые люди, — поздоровался я.

Не знаю, на что я надеялся? Потухшие прожектора уже о многом говорили, не говоря уже о пробитой стене. Защитники заставы, все, как один, были передо мной — их головы, насаженные на шесты. Двор заставы хранил следы боя — изрешеченные стены, местами заляпанные кровью и раскуроченный взрывом бронебульдозер.

Другая техника пограничников отсутствовала, но внутри стен стояли три автомобиля, которые я видел ранее — два джипа и четырехосный грузовик работорговцев. Дельцы были здесь же — они таскали ящики с провиантом из казарм.

Услышав мой голос, люди, побросав поклажу, схватились за оружие.

— Ха! Старлей! Ты, что ли? — воскликнул бородастый. — Как? Откуда? Сбежал, что ли? От чертей? С ума сойти!

— Мародерствуете? — поинтересовался я.

— Вашими молитвами, — человек отвесил шутливый поклон. — Вот скажи мне, старлей, кому было б хуже, если б Белкин не резал нам шины, дал бы нам уйти? Ну да, припугнули б мы вас слегка. Забрали б этого черта. Но мы б вас не убивали! Все остались бы живы! Даже этот твой Белкин! Все же к тому шло! Я вообще не удивился, когда остатки конвоя увидел. Сдал бы я этого черта янкелям. Ну, пусть, не за миллион. Пусть за полмульта. Даже сто тысяч! Нам с головой хватило бы, да парни?

Его поддержало несколько голосов. А ведь работорговец прав! Если б начальник заставы не уперся в чувство долга, если б он дал бродягам покинуть заставу до нас, как минимум — они сами устроили б на нас засаду. Как максимум — сами попали б в ловушку чертей. Сколько хороших людей остались бы в живых! Не говоря про Лопатина... если бы да кабы!

— А тут что было? — спросил я.

— А непонятно? Черти напали на заставу. Вырезали всех. Уперли почти все. Остались только сухпайки. Но мы не жадные — поделимся! Хотя... знаешь, старлей, а поехали с

нами? Я вижу, ты — парень не промах! На моей памяти ты — единственный, кому удалось сбежать от чертей. Единственный! А это дорогого стоит!

— Нет, — покачал я головой. — Я в Верхнезаводск.

— Куда?

— В Верхнезаводск, — повторил я.

— О! — протянул бродяга. — Да ты не знаешь ничего! Нет больше Верхнезаводска.

— Как — нет?

— Так — нет! Ничего нет! Черти напали на города по эту сторону границы. На все Одновременно. Там такое месиво... резня! Реки крови. Народу полегло...

— Тысячи?

— Сотни тысяч... — горько усмехнулся работорговец. — Пленных не брали. Кто успел — свалил по морю или по воздуху.

— Я тебе не верю! — прокричал я.

— Серьезно? А как ты думаешь, почему здесь, на Сигнальной, после нападения находимся мы, а не погранвойска? Да потому, что нет больше никаких войск!

— А по ту?

— Что?

— Ты сказал: по эту сторону границы. А что по ту сторону?

— А ты не понял? Американцы над чертями и верховодят.

Проклятый полковник! Какую кашу заварил всего один человек! Всего один предатель! Сейчас его смерть мне показалась слишком легкой. Ноги отказались держать меня и я сел на обломок стены. Зато, если и оставались какие-то сомнения в словах разведчика про фигуру в балахоне, теперь они развеяны окончательно. Американский военный советник.

— Дайте мне машину, — потребовал я.

— Э, нет, старлей, — возразил бродяга. — Не дадим. Нам еще столько пограбить надо... потом двинем в НАШ, как загоним все добро, поднимем бабла... А поднимем бабла — станут другими дела! А что? Конъюнктура изменилась — сам видишь! Я серьезно: поехали с нами! Куда тебе еще деваться? А человек, который в Невидимом Солнце нашел Сигнальную... без сигналов! Ты по запаху, что ли, шел?

— Чего искать-то, если вы так фарами сверкаете? — удивился я.

— Оп-па... — подпрыгнул бородач. — Ребята, валим отсюда.

— Оружие хотя бы дай, — попросил я.

— Миха, не надо... — покачал головой один из работорговцев.

— Ша! — ответил главарь. — Человек человеку — не черт! Дай ему Калашмат. Только нормальный, чтобы стрелял.

Оставив мне автомат, подсумок с магазинами и фонарик, бродяги, не закончив грабить, попрыгали в свои машины и умчались. Мне тоже надо валить, если я нашел заставу по свету фар — значит и рогатые обратили внимание, и знают, что Сигнальная не такая безжизненная, какой они ее оставили. Проклятые черти! Только куда? Пока непонятно.

Закинув оружие на плечо, я зашел в казармы. Моя одежда пришла в полную негодность, а топтать еще неизвестно сколько. Необходимо, как минимум — собрать остатки провианта, что не успели разграбить братья-земляне. Желательно еще переодеться. И валить.

Внутри казармы все было перевернуто вверх дном. Еще бы! После нападения на заставу чертей, которые вырезали всех подчистую! Но даже в этом жутком бардаке мне посчастливилось найти камуфляж, подошедший по размеру. С сержантскими нашивками, но

сейчас это меня абсолютно не волновало. Бронежилеты, каски и любое оружие отсутствовало. Похоже, такие трофеи черти забрали с собой. К моему величайшему сожалению, все средства связи, что оставались на Сигнальной, были уничтожены. Компьютеры — тоже. Впрочем, без электричества от них все равно никакого толку. Освещая помещения фонариком, я запихивал в найденный здесь же баул все, что могло пригодиться. От батареек до брикетов сухпая.

Одной из самых приятных находок стала карта. Терру я и так знал неплохо. Не зря же я так ненавидел эту старую каргу — школьную географичку! Все же она умудрилась запихнуть кое-какие знания в мою голову.

Конечно, эти знания были весьма общими, но с картой я смог ориентироваться. Соваться к своим — бесполезно, это и так понятно. В Новые Американские Штаты — аналогично. В лучшем случае меня там ждет плен. Японцы и норвежцы на побережье... я просто не дойду до них через всю страну, занятую скагами. Франко-Канада — тоже не вариант. Они слишком дружны с американцами, и гарантий, что меня не сдадут как только я достигну границы — не было. И это все — при том, если черти напали только на нас! А если работороговец ошибался, и за этим стояли не наши партнеры? Картина не лучше. Получалось, при любом раскладе деваться некуда! Можно хоть сейчас пулю в башку пустить, чтобы не мучаться.

Север перекрыт скагами, юг — тоже скагами, после которых — океан. Запад — американцами. До Марининских островов, если они еще не захвачены, я просто не доберусь вплавь. Оставался восток. А что у нас на востоке? На востоке только Ничейные Земли которые ничейные как раз потому, что они задаром никому не сдались. Там даже жрать нечего! Степи и болота. А за ними...

— Оп-па! — воскликнул я.

А за ними — поселение землян, которое и перенеслось со Старой Земли по причинам, неизвестным до сих пор. И порт Первый, с которого отправлялись переселенцы в Порт-Артур. Даже от Верхнезаводска туда была проложена железная дорога. Вернее, проложена она была не отсюда туда, а как раз наоборот, оттуда сюда, но сути дела это не меняло.

Кажется, сто лет назад там была какая-то научная станция... да-да, точно! Именно там исследовали летающих медуз, которые производят кислород для этой планеты. Загвоздка в том, что местные растения не содержат хлорофилла, а потому, несмотря на все желание освоить материк полностью, человечество вынуждено ограничиться областями, не занятыми медузами — весьма опасными и неглупыми тварями. По злой иронии судьбы, убийство медуз лишит планету кислорода, и, соответственно, жизни. Так что, несмотря на все желание освоить всю Терру, люди проживали в областях, не входящих в ареал обитания медуз. Конечно, это — пока. Земные растения распространялись с чудовищной быстротой и рано или поздно настанет день, когда этих монстров можно будет истребить полностью, но это в весьма отдаленном будущем.

Если станция еще функционирует — она просто идеальное место! Скаги туда не сунутся, слишком далеко и, опять же — медузы, которым абсолютно все равно, кем питаться, людьми или чертями. Американцам болота тоже не сдались, да и вряд ли они знают про Первый. Одно омрачало мою радость — до тех мест больше тысячи километров. Тысяча километров! На своих двоих я доберусь туда, в лучшем случае — месяца через два. Но это мой единственный шанс.

Ветер, ворвавшись в разбитое окно, донес перестук копыт. Черти! Сверкать фонарем в

кромешной тьме Невидимого Солнца и надеяться, что меня не заметят... непростительная глупость! Я поспешно потушил свет, и, загнав патрон в патронник автомата, спрятался за стеной.

Во двор Сигнальной, верхом на лошадях, въехали трое скагов. Именно таких типичных скагов, которых изображают в кино — в непонятном тряпье и с Калашматами. Они остановились у груды искореженного металла, бывшей некогда бронебульдозером, о чем-то переговариваясь на своем непонятном языке. Я навел на всадников оружие, приготовившись настигнуть каждого свинцом.

Но я не торопился. Меня беспокоил вопрос: они одни, или рядом еще инопланетяне? Если я их срежу — услышит ли кто-нибудь выстрелы? И примчится ли сюда целая орда скагов, которые порвут меня, как Тузик грелку и моя башка займет свое место на шесте среди других защитников Сигнальной?

Времени для размышлений оставалось все меньше — двое собирались спешиваться. Если даже я завалю их позже — оставшийся в живых ускачет и приведет подмогу, а сколько ее там будет, этой подмоги — один Тилис, Единый В Трех Лицах ведает. Черти уничтожили целый гарнизон погранзаставы! Куда мне тягаться с ними в одиночку?

Я поставил локоть на перевернутый шкаф, прицелился и дал очередь. Двоих я уложил сразу, причем одного — вместе с конем. Я впервые в жизни убил живое существо! Причем сделал это осознанно. Даже — целенаправленно. Почему впервые? Потому что там, в засаде, я не уверен, что попал в кого-то. Я убил сейчас. Не из-за ненависти, хотя я имел полное право ненавидеть скагов. Как по отдельности, так и всех скопом. За сотни тысяч убитых людей, про которых говорил работорговец. За вырезанный гарнизон заставы. За бойню на дороге. Наконец, за моих друзей, казненных в Скагаранском Халифате. И я их ненавидел.

Но в этот момент не было ненависти. Только холодный расчет. Осознание того, что передо мной боевая единица противника и я должен ее уничтожить. Удовольствия никакого я тоже не испытал. Только моральное удовлетворение. Я не видел в рогатых живых существ. Только мишени. Для чего-то же меня учили убивать...

Третий попытался скрыться, но я дал еще одну очередь. Мимо! Дернул палец, пули ушли в сторону, щелкнув по стене, выбив каменную крошку. Прицелившись лучше, я всадил в спину удирающего черта остатки магазина. Попал! Инопланетянин завалился на бок и повис в стремени удаляющейся лошади.

Вот сейчас точно пора уходить! Схватив баул, я выскочил из казармы. К счастью, оставшийся конь зацепился поводьями за точащую из останков бульдозера железяку, и не мог сбежать. Выдернув из ножен одного из скагов штык, я срезал ремни подсумков обоих, выхватил из кобуры второго пистолет и запрыгнул в седло. Теперь мой путь лежал на восток.

Глава 6

Старый скаг

Проскакав достаточно, чтобы убедиться, что за мной никто не гонится, я сбавил ход. Не вовремя пришла мысль, что я абсолютно ничего не знаю о лошадях. В офицерском училище нас учили только ездить на них. И то так себе, чуть-чуть. Вероятность того, что человеку вдруг ударит в голову покататься на коняшке была ничтожно мала. Я даже не знал, чем ее кормить! Однако твердо знал, что каким-то образом скакуна можно загнать.

Да вообще вероятность всего случившегося была ничтожно мала. Расскажи мне кто пару недель назад, что я буду нестись по степи верхом на мустанге — я б рассмеялся в лицо! Это как... как если б мне вчера рассказали, что скаги умудрились захватить все наши города на Терре! И теперь, может быть, на всем континенте из всех своих я — единственный живой человек!

Верить в это не хотелось. Хотя такие мысли были. Но если б я в это поверил, то, скорее всего, приставил пистолет к голове и вынес себе мозги. Такая мысль за последнее время посещала меня неоднократно. Потому что при таком раскладе бороться не за что. Конечно, я поклялся отомстить за Виталика и остальных, но кто меня на том свете спросит?

Спасало то, что землянам на этой планете приходилось и туже. Если б каждый раз люди, столкнувшись с небольшими трудностями, прибегали к суициду, вряд ли мы добились бы таких высот. Вон, те же коричневые скаги, изгнанные амерами в горы, вообще друг друга жрали, и ничего, успешно дожили до момента полного истребления! А тут всего-то Терра захвачена рогатыми, подумаешь...

Мои опасения оказались напрасными. Конь замечательно обходился травой. Не брезговал и сухпаем, но я старался его беречь. Лошадка может питаться подножным кормом, а я — нет. Даже при сильной экономии провианта мне не хватит на весь переход. При том условии, что я двигаюсь в правильном направлении. В идеале, конечно, найти железную дорогу и ехать вдоль нее, но где я ее найду в крошечной тьме, даже примерно не зная, не только, где сами рельсы, а, даже, где я?

Скоро Солнце, Арес и Земля разойдутся с одной линии, тогда можно будет поискать старый путь. Тогда же можно будет и поохотиться, благо патронов у меня хватало — три полных боекомплекта к Калашмату. Еще пистолет, старый, как говно мамонта, довоенного выпуска, штык-нож и пара гранат. Можно попробовать завалить даже многорога. Не особо крупного.

А если никто съедобный не встретится — что же... мне всегда нравилась конская колбаса. Я заранее приглядывался к своему транспорту, высматривая наиболее мясистые места. Надеюсь, он про это не догадывался и не присматривал мясистые места во мне. Это было и бесполезно. Ограничивая себе в еде, свой жирок я сильно уменьшил.

Я не догадался захватить с Сигнальной часы, так что по прежнему плохо ориентировался во времени. Деление дней на дни было весьма условным. Первый день поездки для меня закончился тогда, когда все тело начало ломить от скачки. Утро было вообще кошмарным. Ноги жутко болели и не хотели сходиться вместе. Я еле заставил себя вернуться в седло. Второе утро было еще более ужасным. Но на третье я уже не чувствовал боли. Вообще ничего не чувствовал. В моем положении это был плюс.

Я несказанно обрадовался, обнаружив старый деревянный мост через реку. Похоже, это

был Урал, а мост — тот самый, что построили первые поселенцы больше ста лет назад. Значит, я двигаюсь в правильном направлении!

Переправляться по мосту я не решился — дерево сгнило, местами зияли прорехи. Печально, что уникальный исторический памятник, часть истории человечества на этой планете, пришел в такой плачевный вид. Реку я преодолел вплавь на своем скакуне, а потом долго грелся у костра и сушил одежду. Мост находился на территории скагов и я сильно рисковал, разводя огонь. Но выбора не было. Температура опустилась до нуля, порой летел снег. Околоть до смерти — тоже не лучший вариант.

К исходу следующего дня я почувствовал запах жаренного мяса, но еще долго скакал, прежде чем увидел костер. Это насколько надо одичать, чтобы унюхать пищу на таком расстоянии? Консервы сухая осточертели донельзя. Бесспорно, в войска шло только лучшее, но консервами они от этого быть не перестали. По ночам мне снилась наваристая солянка, шашлык и картофельное пюре с баклажанами. И я был этому рад — сухой уменьшался так стремительно, что скоро мне будут сниться консервы!

Людам здесь делать нечего, если это не такой же партизан, как и я. Рогатым, вообще-то тоже, но шансы встретить здесь инопланетянина гораздо выше. Я привязал коня к дереву, взял автомат и подкрался к источнику света, тепла и вожделенного запаха жареного мяса.

Рисковать без нужды не хотелось. Кто бы ни развел огонь, привал он устроил грамотно — в центре нагромождения камней, представляющих отличное укрытие от легкого стрелкового оружия. Два-три автоматчика смогут держать такую оборону достаточно долго. Такого противника можно достать только минометом.

Я обошел вокруг. У костра царил тишина, лишь потрескивали пожираемые пламенем ветки. Если кто там и был живой, скорее всего — спал. Запах мяса сводил с ума. Если б я не опасался сломать зубы об осколки в жарком — просто бросил бы гранату и собрал трофеи. Будь там даже мои союзники — кто бы смог меня обвинить, что-то доказать?

Вместо этого я, собравшись с духом, выставив вперед ствол автомата, заглянул в расселину между камнями. На вертеле, стекая жиром, жарился отличный кусок мяса. Рядом лежала подстилка, одна из тех, что плетут скаги, чуть поодаль — валялся рюкзак, когда-то камуфляжного цвета, но совсем выцветший на солнце. И ни души!

Я слишком поздно сообразил, что владелец всего этого скарба обнаружил мое присутствие. Настолько поздно, что сзади в ребра уперся винтовочный ствол.

— Человек, положи оружие, — произнес голос с легким скагаранским акцентом.

Я повиновался, очень неохотно убирая руку с дерева рукояти Калашмата.

— Обернись.

На меня смотрели желтые глаза инопланетянина. Старого инопланетянина. Я бы дал ему не меньше сорока лет. В руках он держал совершенно потрясающий охотничий карабин с ложей из червонного дерева, весь покрытый гравировкой, с мощной оптикой. Наверно, украл у кого-то. Только за это оружие скага стоило убить!

— Что тебе надо? — спросил краснокожий.

— Поешь, — ответил я.

— А зачем подкрадываешься, словно вор?

— А почему я знаю, что здесь? Может, тут... — я осекся на полуслове.

— Черти? — подсказал инопланетянин. — Да, тут черти. Один черт — я! Хочешь есть — пойдем к огню.

Винтовочный ствол ушел в сторону. Разумно решив, что если б старик хотел меня

грохнуть — уже сделал бы это, я вошел в круг света и уселся на подстилке. Скаг устроился рядом.

— Тилис, Единый В Трех Ликах, тебя за это покарает страшной карой, — сокрушенно покачал головой рогатый. — Пока я следил за тобой, мясо подгорело. Такое чудесное мясо!

Он снял с вертела жаркое и поделил его поровну. Мясо, даже подгоревшее, оказалось изумительным на вкус. Вот уж что, а готовить черти умеют! А, может, мне просто казалось оттого, что я давно не питался человеческой... нормальной пищей.

Я окончательно расслабился. В пользу того, что старик точно не будет меня убивать, говорил и тот факт, что он делит со мной еду. Хотел бы убить — точно не стал бы кормить.

— Как ты догадался, что я рядом? — поинтересовался я.

— От тебя человеком за километр разит, — усмехнулся скаг. — Когда живешь один, в степи, обаяние развивается невероятно.

Я тоже усмехнулся. Это я успел прочувствовать на своей шкуре!

— Ты хорошо говоришь на нашем языке, — отметил я.

— Почему бы и нет? Мой отец, еще до войны, преподавал в Верхнезаводском Политехническом...

— Что? — подскочил я.

— Что — что? Чему ты удивляешься? Что скаг преподавал в институте? Я скажу даже больше — он был академиком! Были времена, когда скаги и люди жили дружно. В мире и согласии.

— Я не про это... вы же...

— Тупые? Нет, человек. Скаги никогда не были тупыми. Ну, в большинстве. Вот это, — инопланетянин ударил кулаком по камням. — Построили скаги.

Я провел рукой по камню. То, что я изначально принял за нагромождение бульжников, в самом деле было стеной! Очень старой стеной. Но явно — творением рук разумных существ. И не человеческих — постройке явно было больше ста лет. Намного больше.

— Скаги построили целый город — Машишожихалататилис — Благо, дарованное Тилисом. Вы его называете Город Башен. Там, на островах. И там, на островах, скаги живут ничуть не хуже вас, людей.

— Но... э... — я просто не знал, что ответить.

— Даже это время, когда Арес закрывает собой Солнце, мы, скаги, называем Невидимое Солнце. То есть мы всегда знали, что Солнце — есть, оно никуда не делось, мы его просто не видим! А ведь я знаком с вашими легендами. Когда-то очень давно, там, на Старой Земле, люди верили, что некое чудовище сжирает солнце вечером и выплевывает его утром. Нам такой бред даже в голову не приходил.

— Ну ты тоже не перегибай, — возмутился я. — Я не знаком, с вашими преданиями, но уверен, что бреда в них тоже хватает!

— В том-то и дело, что нет! Все объяснимо с точки зрения физики, химии и вообще законов природы.

— Ну знаешь... Город Башен вам помогли построить пришельцы. Скагаранский Халифат — тоже помогли построить пришельцы. А ты заладил: «скаги — то, скаги — это». Мы, люди, не обожествляем пришельцев, вы же поклоняетесь им, считаете их Богами. Даже троих — одним Богом — Тилисом, Единым В Трех Ликах!

— Ой да ладно! Мы, скаги, поклоняемся хотя бы чему-то понятному. Вы, люди, поклоняетесь человеку, который погиб, а потом ожил! Ожил! Это же абсолютно

невозможно! Я уже не говорю про ваши войны на Старой Земле, когда тысячи людей убивали друг друга из-за того, что одни племена называли своего Бога Иисус, другие — Аллах! Ни одному скагу не придет в голову убивать другого скага за то, один называет Тилиса Единым В Трех Ликах, а другой... ну, допустим, Тройственным В Одном Лике. Это же бред!

На самом деле я считал, что это лишь оттого, что черти — бездуховные дикари. Варвары, не принципиальные в вопросах веры. Но обижать собеседника не хотелось.

— Но они — наши, земные, а ваш Бог пришел с другой планеты! — повторил я свой аргумент.

— А в чем разница между теми пришельцами и вами? — грустно улыбнулся скаг.

— Те давно подошли, а мы — еще нет? — предположил я.

— Те пришельцы дали скагам лишь те технологии, к которым скаги были готовы. Те технологии, к которым скаги сами пришли бы в обозримом будущем. Вы дали скагам то, о чем они даже мечтать не могли. Скагов погубила техническая революция. Мы получили машины, технику, оружие, которое не снилось нам в самых смелых снах. Мы сами пришли бы к этому через сотни лет! А тут — все готовое. Нам даже не пришлось производить все это!

До прихода людей у скага были лук, стрелы и конь. Все! Даже мысль о том, что для того, чтобы поесть мяса, за ним не надо гоняться по степи, а достаточно пойти в магазин, и не надо разводить костер, а достаточно засунуть в духовку, была настолько нереальной, что даже в голове ни у кого помещалась! А, чтобы напиться, не надо идти к ручью — достаточно включить кран.

И тут — на тебе, такие блага! Ни за что! Сначала — за земли, которых у скагов и так хватало на много поколений вперед. Потом — за помощь в строительстве городов. Вот тут и началось разделение скагов, который до сего момента были равны. У одного появился дом, у другого — нет. Непорядок. Хорошо, построили дома всем. Но один получил за строительство дома деньги и купил на них автомобиль, а другой — наоборот, заплатил эти деньги! Но он тоже хотел автомобиль. Он не понимал, почему скаги, которые были равны вчера, сегодня жили один лучше другого.

Это еще полбеда. У вас, людей, были вещи вообще непонятные для скагов — кредиты! Как объяснить скагу, что если он берет в долг у банка тысячу рублей, то должен вернуть полторы? А то и две? До этого если скаг брал у другого скага кусок мяса, или стрелу — то и возвращал точно такой же кусок мяса или стрелу! Ни одному скагу не приходило в голову потребовать еще полкуса мяса, или вторую стрелу! А инфляция? Будь навеки проклят Тилисом, Единым В Трех Ликах тот, кто придумал инфляцию! И его потомки! Скаги не могли понять, почему кусок мяса, который сегодня стоил пять рублей, завтра стоит семь! Он же не стал больше! Он остался точно таким же куском мяса, каким и был вчера!

А затем случилось страшное — люди стали самостоятельны. Помощь скагов перестала быть нужна! У людей были и земли, и города, и все остальное. А машины у скагов ломались. Водопровод начал протекать. За электричество надо было платить. Скаги поняли, что люди теперь готовы платить или гроши — за рабов... прости, за рабочих. Или за войну. Другого товара скаги просто не могли предложить! Вот здесь и наступил полный кабздец. Роскошная жизнь ханов и голодное существование остальных. Но я не виню в этом людей! Мы виноваты сами. Все же мой прапрадед и в самом деле был Великим Ханом...

— Великих Ханов за последние сто лет было всего два — Конош и Киниш, — возразил

я.

— О, так Киниш стал Великим Ханом! Я не удивлен. Но я говорю про Коноша. У него было три сына: Ксицы, Кижич и Кошот. Как раз Кошот — мой прадед. Чему ты удивляешься? У нас потомков Коноша столько же, сколько у вас потомков Грачева — на каждом углу десяток. Так вот Конош был воистину велик. Он понимал, что блага, полученные, от людей — это еще и ответственность. Дома, машины, технику, оружие — все это необходимо уметь содержать, чинить и, в идеале — производить самим. Он хотел, чтобы скаги учились, и заставлял их постигать человеческие науки. Только скаги этого не хотели. Они не понимали, чем это закончится. Тем, чем закончилось. Да и Конош совершил страшную ошибку — оставил преемником Ксицы. У нового хана амбиций было выше крыши, но не хватало мудрости отца. Думаю, в то сложное время не хватило бы мудрости у самого Коноша. Но Ксицы еще и усугубил ситуацию. Он понимал, что старейшины не сделают его Великим Ханом, и опасался, что верховным скагом станет кто-то из его братьев, а потому изгнал их из Скагаранского Халифата. Кижич бежал в НАШ, а Кошот — к вам.

— Постой, — воскликнул я. — Получается, если ты — потомок Коноша, то ты можешь стать Великим Ханом вместо Киниша?

— С чего это? А Киниш — он кто? Он праправнук Кижича. Мой много раз «пра» внучатый племянник. Но если Киниш стал Великим Ханом — быть войне. Жижишу — войне до последнего воина. И, я боюсь, для скагов она в самом деле станет последней...

— Уже, — вздохнул я. — Война уже идет.

Я рассказал потомку Великого Хана события последних дней. Старик слушал внимательно, не перебивая. И ничему не удивлялся. За время всего повествования на его лице не дрогнул ни один мускул.

— Все это очень плохо, — отрешенно произнес инопланетянин. — Сначала истребят вас, потом — нас.

— Вас-то кто? — удивился я.

— Американцы. Ты думаешь, после того, как мои сородичи напьются человеческой крови, их оставят в живых? Нет, конечно! Похоже, этому миру настал конец. Не могу сказать, что я этого не ожидал...

— И что ты теперь думаешь делать? — спросил я.

— Все то же, что делал до этого, — рассмеялся черт. — Я давно ушел и от людей и от скагов. Я не хотел быть рабом, и не хотел смотреть на то, как мое племя превращается в тех, кем они стали сейчас. Леса, степь и горы дают мне все, что нужно для жизни. Мне хорошо одному. Я никому ничем не обязан и никто не обязан мне. Когда-нибудь я помру в какой-нибудь пещере в гордом одиночестве. И меня это устраивает. Ты — другое дело. Иди, сражайся, если хочешь. Главное — за мной не ходи. Тогда мне придется тебя убить.

При этих словах скаг ласково погладил приклад своего карабина. Похоже, не украл.

Насколько же интересной бывает жизнь! Два потомка Грачева и Коноша — тех, благодаря кому больше века назад и заварилась эта каша, мирно беседуют, сидя у огня, уплетая жаркое, в то время, как наши народы разделены линией фронта. Костер давно прогорел. Я устроился на ночлег в углу постройки древних зодчих скагаран, положив автомат рядом с собой. Так и проспал всю ночь, обнимаясь с оружием.

Проснувшись, первое, что я обнаружил — красное небо. Кончилось! Невидимое Солнце кончилось! Арес отступил всего чуть-чуть, оголив лишь краешек светила, но после двух недель беспроглядной тьмы я был рад и этому.

Свет еще не был ярким, но с непривычки сильно болели глаза. Я достал из баула припасенные темные очки и мир из красного стал бордовым. Следом вернется тепло и проклятого холода мы не увидим еще три с половиной года.

Мой вчерашний собеседник, похоже, тоже проснулся совсем недавно. Он раздувал костер, чтобы согреть остатки вчерашнего мяса. Я забрался на развалины стены, любуясь открывшимся с высоты видом: шапки холмов, утопающие в клубящейся внизу испарине, словно плывущие в розовом тумане. Какая красота! Слово ничего и не было — засады, плена, войны. Все было таким мирным. Даже ползущая вдалеке гусеница поезда.

Поезд!

Я кубарем скатился со стены. Поезд! Значит, я был совсем близко от железки! Поезд! И это не могут быть инопланетяне. Им в этих местах просто нечего делать! А, если бы и забрели — то точно не таком виде транспорта. Скорее, на лошадях или машинах.

— Там поезд! — возбужденно закричал я своему случайному компаньону.

Забравшись повыше, он поднял винтовку и прильнул к оптике прицела.

— Там люди, — подтвердил старик мою догадку. — Я так понимаю, завтракать я буду один.

Я уже лихорадочно засовывал свои вещи обратно в баул. Какой, к черту, завтрак? Там же люди! Настоящие, живые люди!

— Прощай, человек, — произнес инопланетянин.

— Прощай, скаг, — ответил я.

Закинув на спину автомат, я вскочил на коня и помчался во весь опор наперерез составу.

Глава 7

Каторжники

Или поезд находился дальше, чем показалось, или двигался быстрее, чем я думал. Скакун отчаянно хрипел подо мной, но я не успевал! Если я с ним разминусь — это будет все. Остановившись, я скинул с плеча автомат и выпустил длинную очередь в воздух.

— Э-ге-гей! Люди!

Состав остановился. Меня заметили! Давая коню время отдышаться, а своим внутренностям — прийти в норму после сумасшедшей гонки, я перешел на шаг. Внутри все ликовало. Какой я молодец! От скагов ушел, с голода и холода не помер, верную дорогу нашел...

И вот, когда до поезда оставалось меньше двухсот метров, протрещала автоматная очередь. Конь издал звук, похожий на бульканье, и повалился в туман, увлекая меня за собой.

— Так его Брагин, молоток, завалил черта поганого! — раздался восторженный вопль.

— Мужики! — прокричал я. — Вы что! Я ваш! Наш! Свой!

— А твои свои и мои свои — это одни и те же свои, или разные свои? — последовал ответ.

Я даже сказать ничего не успел — заговорили автоматы, которым подпевали два трескучих дробовиков. Пули и картечь ложились совсем рядом, некоторые впивались в тело и без того дохлого мустанга.

И этот же конь придавил мою ногу, не давая выбраться. Вот твари! Изловчившись, я просунул автомат между землей и лошадиной тушей и, используя его, как рычаг, смог высвободиться. Но был вынужден опять спрятаться за своего погибшего скакуна. Ребята на поезде патронов не жалели. Если так пойдет и дальше — пули будут просто рикошетить об другие, застрявшие в коняшке.

— Я — лейтенант Грачев! — снова прокричал я. — Патрульная служба Грачевска!

— Хорош заливать, гнида, лучше башку покажи!

На мгновение я в самом деле хотел высунуться, но поостерегся. Кто их знает, этих железнодорожников, что им в голову взбредет. Вместо этого я высунул баул, который в таком тумане никто от человеческого тела все равно не отличит. В мешок сразу впилось несколько пуль. Борясь с желанием открыть ответный огонь, я предпринял еще одну попытку:

— Мужики! Хороша палить!

И вот тут, когда ухо обожгло раскаленным металлом, когда я слишком высоко высунулся, мое терпение закончилось.

— Дебилы, мать вашу! — заорал я. — Содомиты херовы...

Вспоминая своего сержанта в офицерском училище, я крыл отборным матом защитников поезда, обещая совокупить их различными противоестественными способами, засунуть их же оружие им во все не предусмотренные для этого природой отверстия и наделать новых. Удивительно, но именно это и произвело нужный эффект!

— Мужики, кажись, в самом деле свой!

— Ага, черти так погибать не умеют!

Ну тут можно поспорить. Скаги вообще достаточно изобретательны относительно

своего языка. Когда им не хватает нужного слова, они составляют его из уже имеющихся. По-умному это называется «неограниченное словообразование путем соединения существительных». Так, например, появилось слово «дашиханутаவிжицуханутарулатилис», что означает «железный конь, который никогда не спит, оживший по воле Тилиса». Это уже потом скагаране догадались, что проще брать уже придуманные слова из нашего языка, чем изобретать новые. Кроме того «автомобиль» звучит гораздо короче и выговорить быстрее.

По части ругательств дело обстояло несколько сложнее. В родном языке чертей самыми страшными ругательствами были «жук» и «червяк». Как-то не было принято у них ругаться до прихода человека. Зачем кого-то как-то обзывать, если можно взять нож и перерезать глотку? Варвары! Однако цивилизация научила скагаран, что в обидчика следует бросать не дротик, а бранное слово. И даже предоставила широкий выбор уже готовых ругательств на любой вкус и для любой ситуации! Как и другие слова, черти переняли и земной мат, и, за неимением своих, с удовольствием пользовались людскими ругательствами. Поэтому зачастую можно было услышать, как какой-нибудь рогатый, тарабаря на своем языке, вставляет в нее привычные и знакомые любому человеку слова.

Но так, как загнул я, черти ругаться точно не могут. Скажу более — так загнуть может не каждый человек. Если, конечно, он не проходил подготовку в офицерском училище!

— Все, выходи... как там тебя? Грачев! Стрелять не будем!

— Точно не будете? — уточнил я.

— Тебе что, Тилисом, Единым В Трех Ликах, поклясться?

Это было излишне. Да я б и не поверил. На всякий случай я повторил трюк с баулом. В самом деле никто не стрелял!

— Учтите, у меня граната! — предупредил я. — Чуть что — подорву вас ко всем чертям!

Я осторожно высунул голову из-за укрытия. Экипаж поезда, все еще сжимая в руках оружие, стоял на насыпи, но теперь стволы были направлены вверх. Я поднялся на ноги.

— Все, убедились? — спросил я.

— Убедились-убедились, старший лейтенант Грачев из патрульной службы Грачевска, — ответил один из них. — Далеко тебя от дома занесло...

— Да и вас, как я посмотрю — тоже, — ответил я, разглядывая странную компанию и их транспорт.

Если б я своими глазами не видел, что оно едет — никогда б не поверил! Было похоже на то, что к свалке приварили колеса и поставили на рельсы. Паровоз и три хоппера, экранированные разным хламом от автомобильных дверей и частей шахтерских вагонеток до досок от ящиков. Изрешеченные, как дуршлаг, пулями. Последний вагон вообще представлял собой жалкие остатки — все, что пережило попадание из гранатомета. Импровизированный метельник смят, как бумажный. И копоть. Весь состав был черен от копоти, словно выехал из ада.

Люди, всего восемь человек, тоже представляли собой жалкое зрелище. Шестеро — худющие, с грязными лицами, на которых глаза смотрелись неестественно белыми, в рваных лохмотьях. Лишь двое — в более-менее приличной униформе с желтыми нашивками «охрана».

— Вы-то кто? — спросил я.

— Штрафбат, — рассмеялся один из оборванцев. — Каторжники с шахты Дальняя. Временно восстановленный в звании капитан Брагин.

— Это как понимать? — растерялся я.

— Да вот так... когда вся эта котовасия приключилась — я оказался единственным на всей шахте, у кого был хоть какой-то боевой опыт. Единственным выжившим.

— Капитан, скажу прямо: я сам бежал из плена, и не особо в курсе, что случилось, — признался я. — Может, расскажешь подробнее?

— Черти. Черти напали на нас. Разом, все! И те, что были в городах, и те, что пришли из Скагаранского Халифата. Десятки тысяч чертей... может, и сотни. Месиво жуткое. Сколько людей полегло — я даже примерно не скажу. У нас, на Дальней, из полутора сотен выжило чуть меньше пятидесяти. Но на шахте-то проще, черти полудохлые. Рабы — одно слово. Мы им быстро рога поотшибали. И тем, что на шахте работали, и тем, что пришли. А потом началась самая жопа — привалили американцы! Они окружили шахту и взяли нас... типа, под охрану. Никого не впускали и не выпускали.

— Так это оккупация получается! — воскликнул я.

— Фактически — да. А юридически — они выполняют свои обязательства по договору взаимопомощи от 89-го года. Это взаимное соглашение, если черти нападают на нас — НАШ вводят свои войска и берут под охрану особо важные объекты на нашей территории. Если черти нападают на них — мы, соответственно, берем под охрану объекты на их территории. Так что они нас сторожили. Только черти к янкелям даже близко не подходили! Не нужно быть гением, чтобы понять, что действуют они заодно. И помощи от них — никакой. Ни жратвы, ни медикаментов. В общем мы с мужиками смекнули, что надо выбираться, а то с голоду передохнем. Были несколько несогласных, но мы их быстро скрутили и уложили аккуратненько в стопочку. Пусть ждут, когда их американцы освободят. Собрали бронепоезд и рванули.

— А почему именно поезд? Машин, что ли, не было?

— Да я как подумал... машины ездят по дорогам. А дорога — это дорога. С ямами, кочками. Не всегда прямая. Без света в Невидимом Солнце далеко не уедешь. А со светом — нас издалека видать. Черти бы нас в два счета нашли. А поезду можно и без света обойтись. Куда он, нахрен, с рельсов денется? И то нас потрепали по дороге. Но ничего, теперь рогатые далеко, хрен нас догонят. Да у них других дел хватает — мародерствовать. Они нам грузовиком путь перекрыть пытались. Но поезду, ясен пень, грузовик — не помеха. Снесли его и не заметили. Но в кузове... тащат все! Не поверишь — даже шкафы и кровати.

— Постой, капитан, — прервал я монолог каторжника. — Если вы смогли вырваться из окружения...

— Из-под охраны, — перебил меня Брагин.

— Давай называть вещи своими именами. Из окружения, — повторил я. — Может, еще кто-то смог? Там же милиция, армия...

— Это вряд ли, — покачал головой бывший военный. — Напасть на амеров — это равносильно объявлению войны. Они-то оккупировали нас абсолютно законно. Это с нас спрос маленький, кто мы такие? Осужденные преступники, люди вне закона. Оттого, что мы пробили кордон, еще больше преступниками мы не стали. А если войска или еще кто попробует прорвать окружение — это прямая агрессия, что развяжет Новым Американским Штатам руки и то, что происходит сейчас покажется такими цветочками...

— Хреново дело, — согласился я. — А куда направляетесь-то?

— А тут одна дорога — в Первый, — ответил капитан.

— А там вообще хоть что-то осталось?

— Осталось, — заверил меня каторжник.

— Ты-то откуда знаешь? — усомнился я.

— Я там в батальоне охраны служил. Пока... ну вот, на каторге не оказался.

— За что, если не секрет? — поинтересовался я.

— Читал много...

— Читал? За это теперь на каторгу отправляют?

— Документы читал. Секретные. Ну я с детства любопытный! Я ж не рассказывал никому... сам-то куда?

— Туда же.

— Тогда давай, забирайся на борт. На поезде ты доберешься быстрее, чем на своем подохшем жеребце.

После этих слов я осторожно потрогал рану на ухе. Болело чертовски. Тоже вопрос — благодаря кому моя коняшка копыта-то откинула?

— Не обессудь, старлей, — обезоруживающе улыбнулся капитан. — Откуда мы могли подумать, что на лошади вдруг будет ехать человек? Я вообще такое впервые вижу!

Лично я за последнее время столько всего повидал впервые, что за всю остальную жизнь вряд ли увижу. К своему скакуну я привык, даже как-то привязался к нему. И мысль о конской колбасе меня не оставляла...

Мы задержались еще ненадолго, чтобы разделать тушу. Столько мяса оставлять глупо, а у беглецов дела с провиантом обстояли еще хуже, чем у меня. Получалось, я со своими консервами просто жировал!

После всех приготовлений бронепоезд тронулся в путь. Из всего транспорта, обладателем которого я был с первого дня Невидимого Солнца, этот, несомненно, занимал первое место по комфорту. Гораздо быстрее, чем коняшка. Не пытался сбросить меня с седла. Даже не останавливался, чтобы наложить кучу помета! Не говоря уже о том, что ехать можно было полностью вытянув ноги! Благодать! Хотя приготовить из него стейк, если паровоз вдруг загнется, вряд ли получится.

Арес продолжал движение по орбите, открывая землю солнечному свету. Небо, еще утром бывшее красным, заметно порозовело. К вечеру уже вообще будет нормальным, обычным, привычным голубым небом. Потом газовый гигант переместится еще дальше и почти два года мы его не увидим вообще.

Шахтеров осталось восемь человек. Из них — двое охранников, другие — каторжники. Примечательно, что надзиратели как раз самыми бесполезными и были. Все их навыки сводились к избиванию дубинками рабов-скагов и осужденных преступников. Хотя последнее, вообще-то правилами Арестантской службы не поощрялось, но всем было начхать. Жаловаться каторжникам особо некуда. Права заключенных и все такое отлично выглядели на бумаге, в реальности эта бумага применялась только хорошо помятой.

Сами арестанты — наоборот, как на подбор — отъявленные головорезы. Даже один шпион — капитан, разумеется. Лучшей компании, чтобы отправиться непонятно куда, сложно было представить. Их объединяло одно: все они умели убивать. Собственно, по этой причине они на каторге и оказались. Убивать по-настоящему, не закованного в кандалы чертенка. Видимо, оттого из полутора сотен человек на Дальней и выжили только они. И, работая каждый день в жутких условиях за гранью человеческих возможностей, они обладали невероятной жадью к жизни. У кого ее не было — подыхали в первые же полгода каторги. И у каждого были планы, как встретить свободу. От визита в бордель до вырезания

своего имени на черепахе того, кто их на шахты и отправил. И горе тому, кто встанет между каторжанином и его мечтой.

К вечеру стали попадаться земные растения, который оказались более живучими, нежели аборигенные. Мы все прекрасно их знали. В свой новый дом люди перевезли семена и саженцы отсюда, с места падения на чужую, неизвестную для наших предков планету. Пришельцы вытеснили местную флору. Для меня береза или какая-нибудь сосна — столь же обычное явление, как, наверно, для жителя Старой Земли. О чем говорить, если склоны горы Сигнальной — и то сплошь усеяны ельником?

На ничейных землях по-прежнему рос шиполист, мариниха, одноцветка и другая трава, жившая здесь до людей. Но с востока и запада на них уверенно наступали земные растения, расплзаясь зеленым пятном по континенту. Во всяком случае, тополия аллея в Скагаранском Халифате никого не удивляет.

Молодые березы были верным признаком того, что мы приближаемся к Первому. Там, на родине, они были вынуждены бороться за существование. Девять месяцев в году на родной планете человечества царит зима — время, когда все покрывается снегом, а температура падает до минус сорока градусов. Так что немудрено, что пришельцы вытеснили изнеженные местные растения, живущие в стране вечного лета.

— Мужики, смотрите, какое чудо: голубое облако! — воскликнул один из пассажиров.

— Это не облако. Это медузы, — пояснил Брагин.

— Кто?

— Медузы. Летающие медузы. Очень неприятные твари, которые очень любят есть людей.

— А они в поезд не проберутся? — забеспокоился я, с интересом разглядывая облако.

— Не должны, — не очень уверенно ответил капитан.

Вокруг всюду буйствовала зелень растительности. Дикая местность. Было заметно, что человек сюда не забредал очень давно. Однако между шпал и на насыпи травы почти не было. Это говорило о том, что железной дорогой регулярно пользовались, за ней ухаживали. Значит, Первый не необитаем!

Позади остался разрушенный временем завод, отданный природе на откуп. С завидной частотой попадались крошечные однотипные постройки, кажется, это были убежища от медуз, построенные первыми поселенцами. Когда мы проезжали станцию у деревни, уже совсем стемнело. Включать прожектор мы не решились. Но, судя по тому, что от станции остался один перрон, сама деревня тоже слабо сохранилась.

Я впервые ощутил, что такое — благоговейный трепет. Именно его я испытывал. Ведь это — не просто место, где когда-то жили люди. Это место, откуда есть пошло человечество на этой планете вообще! Кусочек оригинала Земли. Той, Старой Земли!

Конечно, пусть и развалины — но и их хотелось осмотреть, пощупать. Потому как это даже не развалины, а нечто большее — руины! Останавливали меня две вещи: медузы и война. Причем, в большей степени именно медузы. Про них рассказывали совершенно жуткие вещи, которые опробовать на себе я желанием не горел. Война могла и подождать.

При всем при этом — я понимал, что оказался здесь в первый и последний раз. Если я и выживу, если мы и умудримся отбросить скагов, и еще более серьезного... не противника, этот термин был бы не совсем корректным, хотя весьма точным. Скажем, соперника — НАШ. Даже при таком раскладе я отдавал себе отчет — я точно не попрусь в такую даль, сколь бы древними не были эти руины и какое бы значения для всего рода людского они

имели. Впрочем, до всего этого надо бы еще остаться в живых, а эта затея очень сомнительна.

Собственно, по этой причине я и завидовал каторжникам. Их жизненной силе. Эти исхудавшие, изможденные люди просто излучали энергию. Убийцы, грабители, насильники? Да! Отбросы общества, которым глубоко насрать и на общество в частности и на человечество вообще. Они сейчас здесь не для того, чтобы отстоять что-то великое, а для того, чтобы добиться своих целей. В мировом масштабе, вообще — мизерные. Спасение человечества, пусть и его части, для них всего лишь шаг, промежуточная цель на пути к чему-то в их понимании в самом деле важного — горячей ванны, шлюхе или бутылке водки. Они даже умудрялись отпускать шуточки типа:

— Мужики, а ведь я сегодня освобождаюсь! Как думаете, когда все закончится — мне придется доработать на каторге недостающие дни?

Интересно складывается жизнь, загибая такие повороты, что предвидеть их совершенно невозможно.

Капитан остановил поезд. Полная луна светила так ярко, что после двух недель Невидимого Солнца другого освещения и не было нужно. Казалось, светло, как днем. Урал и Челябинка только поднимались над горизонтом. И в лунном свете ветер колыхал ветви деревьев. Пахло свежестью. И морем.

— Какая круглая луна, — заметил я.

— А мне полная луна всегда напоминала жопу, — ответил Брагин.

— Луна? — усмехнулся я. — Жопу? Это с какого перепугу?

— Это если смотреть изнутри, — пояснил каторжник.

Все рассмеялись. В нашем положении такое сравнение как нельзя более актуально.

— Вон там, дальше по рельсам, — бывший военный указал на расселину в скалах. — Как раз и находится и Первый, и научная станция.

— Так чего ждем? — спросил один из охранников. — Вперед!

— Идти без разведки — глупо, — возразил каторжник. — Кто его знает, кто там теперь?

— Абсолютно согласен, — кивнул я.

— Нужны добровольцы. Нос, — позвал капитан. — Ты же, кажется, домушником был?

— Точно так, мой генерал, — подтвердил один из арестантов. — Обчищал хаты и уходил так тихо, что терпилы спали сладким сном до самого утра.

— Монетка, а ты — карманником?

— В совершенстве освоил профессию в институте Воровского, на факультете карманной тяги, — растянулся в улыбке второй.

— Вот и добровольцы назначены... давайте в разведку. Вы оба. Если не вернетесь через час... а у кого-нибудь есть часы?

— У меня — нет, — с сожалением признался я. — А у вас?

— Зачем каторжнику часы? — пожал плечами Монетка. — Нам календаря хватало.

Шутка, конечно, многим показалась смешной, но не своевременной. Решили воспользоваться часами, данными природой — ориентироваться по лунам. Кто-то сказал, что Челябинка за час как раз пройдет четверть пути по небосводу. Поверили на слово. Это час каторжникам на вылазку и дали. Если они не вернутся — мы уходим. Куда? А по рельсам тут одна дорога...

Бандиты скрылись в ночи. Настолько бесшумно, что через секунду я уже не мог

определить их местонахождение. Даже не качалась листва на ветвях деревьев. Началось томительное ожидание. Самое нервное дело. Лучше десять раз самому сходить в разведку, чем сидеть и ждать. Лишь благодаря годам в патрульной службе, приучающей к вынужденному бездействию, я еще как-то терпел.

— Плохо дело, босс, — вынырнул из ночи Нос.

Он подкрался так тихо, и появился так неожиданно, что я едва не разрядил в него магазин.

— Там куча американцев. Все военные. В форме, с оружием.

— Забери их Тилис, Единый В Трех Ликах, — выругался капитан. — Куча — это сколько?

— Я видел шестерых караульных. Внутри, наверно, еще больше.

— Похоже, нас опередили, — мрачно произнес я. — И какие теперь планы?

— Не очкуй, старлей, — отмахнулся бывший военный. — Корабли там есть какие-нибудь?

— У причала стоит какая-то штука, похожая на самолет. Но не самолет.

— «Юрий Гагарин», — с вожделием протянул Брагин.

— Кто-кто? — переспросил я.

— Стыдно, молодой человек, стыдно. Тем более — Грачеву, — покачал головой капитан. — «Юрий Гагарин» — это экраноплан.... реактивный корабль, — пояснил он, видя непонимание в моих глазах. — Единственный в своем роде. На нем как рванем — хрен кто нас догонит!

— Так ему лет сто, не меньше! Он, наверно, сгнил давно! — протянул я.

— Там один алюминий, гнить нечему. И когда я служил, вваливал он только так. Так что наши планы остаются прежними — угоняем экраноплан и тикаем на Марининские острова. До туда скаги точно не добрались! Единственное изменение — минусануть амеров.

— Гы, — усмехнулся я.

Конечно, я надеялся, что в Первом — свои. Причем, те из своих, которые хоть что-то знают. Я — не генерал. Не полковник. И даже не майор. Я не привык принимать каких-то глобальных решений. Для этого у меня нет ни опыта, ни знаний. Я — младший офицер. Конечно, в моих планах присутствовали полковничьи звезды, но в весьма отдаленном будущем. Сейчас я не хотел принимать решений, я не хотел думать, я хотел только выполнять приказы. Все, на что хватало моих мозгов — добраться до Первого, сдать на милость старшего по званию, и получить соответствующий приказ. А приказов не было.

Давать бой неизвестному количеству хорошо вооруженных и обученных американцев я точно не хотел. На такое я не подписывался! Одно дело голозадые черти, а другое — регулярные войска. Нас — девять человек, из которых какую-то подготовку имеют всего двое — я и капитан. Еще двое — охранники, держали в руках автомат один-два раза в жизни. И весь боевой опыт ограничен расстрелом троих скагов из засады и побегом с каторги. Офигительные у нас открываются перспективы при штурме на порт.

С оружием тоже хреново. Мой автомат и пистолет, забранный у чертей на Сигнальной, два автомата охранников — убитых, дребезжащих, я рассмотрел даже штампы с годами выпуска на них — «35» и «69». Первому восемьдесят лет, второму — полвека. Я удивлюсь, если они вообще стреляют! Еще два охотничьих ружья. Хорошо хоть, патронов — до жопы. Ах, да. Две гранаты. Атака даже на взвод янкелей — это чистой воды самоубийство!

Но мои... чего уж там — подельники, были полны решимости. И то верно. Деваться нам

некуда. Или бегать по степям, пока нас не поймают скаги, или поиграть в одноразовых солдат. На нашей стороне эффект неожиданности и ощущение безысходности. В отличии от амеров, нам отступить некуда.

Оружие распределили между теми, кто умел им пользоваться. Автоматы — капитану и одному охраннику. Дробовики — второму надзирателю и одному из каторжников, бывшему работорговцу. Оставшимся — топор, монтировку и дубинки охранников. Распилить свой арсенал я категорически отказался.

Без шлема и бронежилета, которые во время службы в Грачевске я носил, скорее, из-за требований устава, чем по необходимости, я и так ощущал себя голым. К Калашмату, украшенному насечками на цевье, оставшимися с невесть каких войн, и узором, выложенным разноцветными пуговицами на прикладе, как это любят скаги, я как-то прикипел. Да и глупо было бы отдавать самое лучшее, что у меня имелось. Пистолет, как оружие последнего шанса, тоже жизненно необходим. Гранаты я не хотел отдавать тупо потому, что опасался за своих сообщников. По неопытности кто-то из них вполне мог подорвать себя же. А то и меня.

Глава 8

Неравный бой

Пошли мы не сразу. Подождали, пока Луна опустится максимально низко. Челяба света почти не давала, а Урал лишь начинал расти, вися на небе тонким серпом. В темноте мы подкрались к порту. Брагин болторезом сделал проход в сетчатом заборе. Щелчки кусачек в гробовой тишине прозвучали подобно грому. Но этого никто не услышал. Наверху, на высоте метров двадцати, была натянута вторая сетка. Скорее всего — от медуз. И, судя по многочисленным предупреждающим табличкам, та, вторая сетка, была под напряжением. К счастью, с земли никто нападения не ожидал, и забор не был под током.

Мы проникли на территорию порта. Слышались голоса. Человеческие голоса. Не разговаривали они на чужом языке. Под прикрытием штабеля ящиков мы добрались до кирпичной постройки. В паре сотен метров качался на волнах аппарат, в самом деле очень похожий на самолет, с килевым оперением, с которого смотрело человеческое лицо с широкой улыбкой и в белом шлеме с красными буквами «СССР», и двумя блоками турбин в носовой части. Чтобы точно не перепутать на фюзеляже было написано «Юрий Гагарин».

Около него стояли, о чем-то разговаривая, два человека в форме. Не нашей форме. В полном облачении — касках, брониках. На плече у каждого висел автомат. Не наш автомат. Американская фигня, которая клинит даже от попавшей внутрь песчинки.

Да и солдаты оказались так себе — зеленые юнцы. Похоже, нападения на Первый, выбив из порта наших, янкели ожидали точно так же, как и мы ожидали встретить в порту неприятеля. Извиняюсь, «союзников». Через несколько минут патруль разошелся в разные стороны. Путь к судну был свободен, но оставить за спиной врага, рискуя получить очередь из темноты, никому не улыбалось. Нос, вооруженный ножом, последовал за одним, капитан — за вторым. Снова началось напряженное ожидание. Домушник вернулся очень быстро — через минуту. С окровавленным ножом и автоматом. Ох, чувствую, не все просыпались в квартирах, которые он чистил. Еще через пару минут вернулся Брагин. Он притащил с собой целого американца!

— Нахрена нам трупешник? — прошипел один из охранников.

— Он живой, просто оглушен, — ответил бывший военный.

— Тем более — замочить гада и дело с концом.

Но у каторжника на пленника были свои планы. Мы быстро освободили американца от ненужных ему вещей — шлема, броника, автомата и ножа. Тот начал приходить в себя.

— Цыц мне тут, — пригрозил Нос, демонстрируя солдату красный от крови клинок. — Закричишь — порежу.

Сомневаюсь, чтобы солдат знал наш язык, но иногда этого и не требуется. Окровавленный нож перед глазами лучше всяких слов. Парень понимающе закачал головой.

— How many of you are there? — спросил Брагин.

— Twenty-six soldiers and sergeant, — ответил перепуганный янки, косясь на нож.

— How many soldiers are on guard?

Вот тут у меня отпала челюсть. Я мог ожидать чего угодно, но не того, что каторжник отлично говорит по-английски! У меня даже появились подозрения, что бывший военный — коллега бесславно погибшего майора Семенова.

— Six.

— Where are the other soldiers?

— There... in a big house. Are you Russians?

— No, we are gangsters. The people who were here. Where are they?

— The guards are killed. The rest of them were taken to the NAS.

— Что он там лопочет? — поинтересовался Монетка.

— В порту двадцать шесть человек охраны, — перевел капитан. — В карауле шестеро, остальные спят. Те, кто был в Первом, охрана — убита, ученые — вывезены в НАШ.

— Вот падла! — прошипел Нос.

Быстрее, чем кто-то успел остановить домушника, он воткнул штык в шею пленника. Брызнул кровь. Солдатик захрипел, засучил руками, пытаясь схватить руку с ножом, но жизнь оставляла его. Движения становились вялыми, а глаза — тусклыми. Я и подумать не мог, что в человеке может быть столько крови!

— И зачем? — процедил сквозь зубы капитан. — Я еще о многом спросить хотел...

— Так эта падла наших ребят убила! — возразил вор. — И вообще ты как-то слишком хорошо на их языке гутаришь... у меня даже подозрения появились...

— Какие это еще подозрения? — глаза каторжника угрожающе сузились. — Ну, давай, говори. Тебя за язык никто не тянул!

— А не ссучился ли ты?

— Что? — взревел бывший военный. — Я? Ссучился? А, может, это ты ссучился?

Потому и завалил амера, на измену сел, что он что-то про тебя ляпнет?

— Хорош шуметь! — встрял я в ссору. — А то сейчас...

Что «а то сейчас» я договорить не успел. С противоположного конца штабеля ящиков раздалось:

— What the...

Как накаркал! Нетрудно догадаться, что шум привлек внимание одного из караульных, который и заглянул в наше укрытие. Совсем молодой, он уставился на нас, вытаращив глаза, даже не сняв с плеча оружие.

Я не стал дожидаться, когда солдат вспомнит про автомат, и, упав на колени, выпустил в янкеля струю свинца. Очередь Калашмата разбудила ночь. Мертвый враг еще даже не успел упасть, а с одной стороны уже гремели армейские ботинки, с другой — ругань на английском. Про эффект неожиданности можно смело забыть.

Мы с Брагиным высунулись из-за ящиков почти одновременно. Я уложил часового справа, он — двоих слева. Они, или по неопытности, растерявшись, или вконец оборзев от безнаказанности, даже не пытались укрыться где-нибудь, просто бежали к нам во весь рост!

Но главной нашей проблемой были те, кто оставался в здании. Защитники порта уже успели проснуться и долбили из окон обоих этажей. Мы едва успели нырнуть обратно. Не все. Один из каторжников — нет. Метким выстрелом мужику раскрыло голову, забрызгав нас кровью.

— Это жопа! — прокричал капитан.

И с ним было сложно поспорить! Сейчас нас прижмут огнем и тупо закидают гранатами. Мы воспользовались моментом, чтобы перезарядить оружие.

Внезапно стрельба прекратилась. Кто-то громко кричал, и не нужно понимать язык, чтобы догадаться, что этот кто-то был очень сильно недоволен.

— Что там за вопли? — спросил я Брагина.

— Говорит, осторожно. В ящики попадете... — ответил он.

— А что в ящиках?

— Не кантовать, — прочитал каторжник надпись, сделанную краской. — А Тилис, Единый В Трех Лицах, его ведает...

Или что-то полезное, или что-то чрезвычайно опасное. В любом случае, пока амеры не покинут свои позиции, чтобы задавать нас числом в ближнем бою, мы могли чувствовать себя в относительной безопасности. Обнаглев, мы высунулись во второй раз и открыли беглый огонь по окнам, целясь по темным силуэтам. Эти дети даже не догадались погасить свет! Кто-то завизжал, и в этом визге слышалась нечеловеческая боль.

— Двое, — удовлетворенно произнес капитан.

— Один, — добавил я.

— Тоже один, — усмехнулся охранник.

И сразу упал, сраженный одиночным выстрелом точно в лоб.

— Твари! — прошипел бывший военный. — У них снайпер!

Если была надежда отсидеться за штабелями с ценным или опасным грузом, отстреливая американцев, когда они высунутся, то теперь рухнула и она. Стоит им добраться до ящиков, и мы будем, как на ладони, ничем не прикрытые с флангов. Добежать до здания по хорошо освещенной фонарями площадке, обстреливаемой из окон и снайпером, тоже не представлялось возможным.

— Фонари! — осенило меня. — Стреляем по фонарям и идем на штурм!

Идея была так себе, но другие предложения отсутствовали. Усыпая бетон гильзами, один за другим мы гасили наружное освещение, погружая порт во тьму. Амеры бесновались в своем бессилии, осыпая нас проклятьями. Но сделать что-либо, пока мы были надежно укрыты ценным грузом, не могли. Вскоре единственным светом оставались прямоугольники окон.

— Сейчас бы гранатомет, — мечтательно протянул Брагин.

— Лучше бригаду штурмовиков, — поправил я.

— Ладно, ты, — капитан ткнул пальцем в единственного оставшегося охранника. — Остаешься здесь. Половина с Грачевым — направо, другая половина — налево. Остальные — за мной. То есть налево.

Черными тенями мы с двух сторон начали приближаться к зданию, полному врагов. Если у амеров нет ночников — в предрассветной темноте, когда не светят даже звезды, они нас точно не увидят. До строения оставалось всего с десятков метров, как вдруг прямо перед моим носом запахнулась дверь и на улицу выскочил полуодетый человек с оружием в руках. Даже без броника! Я уложил его тремя выстрелами в грудь, озаряя вспышками небольшой закуток. В ответ из дверного проема посыпал целый град пуль.

Я упал на землю и перекатился под укрытие мусорного контейнера. Спрятаться снова успели не все — Нос, изрешеченный свинцом, упал на землю. В противоположном конце порта тоже гремели автоматные очереди. Дождавшись паузы, я метнул в открытый проем гранату, которая, отрикошетив от стены, улетела вглубь коридора. Ухнул взрыв, посыпались разбитые стекла. Кто-то вопил, то ли от боли, то ли от негодования.

Но в ответ тоже вылетела граната! Неизвестным чудом, одним рывком, я залетел в окно, находящееся на высоте не менее полутора метров. Как раз вовремя — через мгновение прозвучал еще один взрыв. С потолка посыпалась штукатурка, окрасив мою и без того грязную одежду в бело-серый цвет. Я оказался в крошечной комнатке, служившей, похоже, караульным помещением. Противник, судя по ругани, находился как раз напротив двери, с

обратной ее стороны. Я выпустил остатки магазина, дырявя дерево, превращая преграду в решето. К штукатурке, витавшей в воздухе, добавилась древесная пыль. Автомат, съев последний патрон, беспомощно щелкнул. Я спрятался за стену, перезарядился, но вернуться на прежнюю позицию не успел. И слава Тилису, Единому В Трех Лицах.

Дверь буквально рассыпалась в щепки от ответных выстрелов. Стала просто ситцевой. К несчастью я схоронился с противоположной от окна стороны и, отрезанный плотным огнем, не мог выскочить обратно на улицу. Других путей отхода не было.

В комнату залетела еще одна граната. Подпрыгивая на полу, потеряв по дороге чеку, она замерла точно по центру маленького помещения. Я принял единственное возможное решение — вынеся остатки двери, выскочил в коридор, где наткнулся на двоих солдат. Прогремел третий взрыв. Нас расшвыряло в разные стороны, присыпав останками менее везучих янки. Автомат вообще отбросило непонятно куда.

Я вскочил на ноги так быстро, как мог. Американцы поднялись одновременно со мной, наставив на меня оружие, но по какой-то причине стрелять не спешили. И тут я понял! Я нахожусь точно между ними! Если захватчики откроют огонь — они элементарно уложат друг друга, даже сквозь меня! Выхватив гранату, сжав ее в кулаке на манер кастета, я набросился на одного, нанося беспорядочные удары, попадая то в бронежилет, то в голову, разбивая костяшки в кровь. Если б граната в этот момент взорвалась — я б, наверно, даже не сильно огорчился, радуясь, что захватил с собой парочку врагов.

Сзади навалился второй. Поздно! Первый, пропустив хук в челюсть, уже отключился. Противник накинул мне на горло автоматный ремень, пытаясь задушить. В глазах потемнело. Я выдернул кольцо, подняв гранату вверх, демонстрируя американцу, что мы умрем только вместе. Хватка ослабла. Зря! В рукопашной главное — не думать. Бить и не думать. Задумался — проиграл. Развернувшись, выпустил чеку, я засунул гранату под бронежилет солдата и оттолкнул его ногой.

Раскрыв рот в беззвучном крике, вытаращив глаза, боец принялся лихорадочно растегивать липучки доспехов, но не успел. Грохнул четвертый взрыв, превращая американца в фарш, нашпигованный шрапнелью. Тем временем второй янки уже очухался. Пошатываясь, он пытался подняться на ноги, но я ему не дал. Рванув из кобуры пистолет, я пригвоздил врага к полу, пустив пулю в единственное не защищенное место — лицо.

Скользя подошвами ботинок по дереву, залитому кровью и засыпанному человеческими внутренностями, я подобрал свой Калашник. Столько людей, перемешанных друг с другом, я еще никогда не видел! Да я сам с ног до головы был залит кровью! Как и стены и даже потолок!

К горлу подкатывался ком. Я боролся с тошнотой как мог, но она оказалась сильнее. Меня вырвало прямо на чужие внутренности. В жалкой попытке сохранить остатки содержимого своего желудка, я поспешил на улицу.

Здесь меня уже ждали! Несколько человек, освещенных падающим из окон светом. Я поднял ствол автомата, намереваясь продырявить все, что осталось живым в потру, но меня остановил знакомый голос:

— Грачев, отставить! Ты чего, свои!

— Брагин?

— А то кто?

Тут меня вырвало во второй раз. Капитан подошел ко мне и дружески похлопал по плечу.

— Ты что, в первый раз кого-то замочил?

— Так — в первый, — признался я. — Где остальные?

— Кто — остальные? — уточнил каторжник.

— Амеры...

— Так все! Кончились! Нет, если тебе мало — можешь подождать, рано или поздно они вернуться за своими...

Нас осталось всего четверо: я, Брагин, Монетка и один из охранников. С учетом кучи трупов — оружия теперь хватало всем. И, даже, бронежилетов со шлемами. Правда, со всего этого было нужно соскрести прежних владельцев, намазанных тонким красным слоем.

Слухи не ввали. Первый в самом деле представлял собой исследовательский центр. Янки хорошо потрудились, вывезя с базы все, что представляло хоть какой-то интерес. Во всем комплексе не осталось ни единой бумажки, опустошили даже мусорные корзины. Из лабораторий пропали все склянки, пробирки и прочее, остались только пустые шкафы. Что не успели вывезти — упаковали в ящики и уложили штабелями на пристани, именно те ящики, что и послужили нам укрытием.

Лаборатории с герметическими шлюзами и душами обеззараживания заинтересовали меня больше всего. Интересно, что здесь исследовали? Явно не медуз, как гласили слухи. Различные легенды про это место, конечно, ходили, но поверить в собак размером с лошадь я был не готов. За разъяснениями я обратился к Брагину. Для чего-то же он читал документы, которые не должен был читать, за что-то же был сослан на каторгу.

— Разное, — уклончиво ответил капитан.

— Ладно тебе, тут все свои, — нашелся Монетка. — Посмотри, как тут пусто: шаром покати. Если тут и были какие-то секреты, которые хотели сохранить — они давно в руках у тех, от кого их и хотели сохранить. Тебе не кажется, что как-то нечестно получается, что мы теперь знаем меньше врага?

— Когда-то, почти сразу после Первой Чертовой Войны, здесь построили инфекционный центр, — сдался бывший военный. — На новой планете мы встретились и с новыми болезнями. Место удобное, на отшибе. Случайно сюда никто не сунется. Кроме того, если весь персонал базы что-нибудь подхватит, можно сжечь напалмом с воздуха — никто и не заметит. Так что свозили безнадежно больных, искали способы лечения. И что бы вы думали? Оказалось, что есть болезни, которые передаются от чертей к людям и наоборот, но есть и такие, которые не передаются между видами! Например, скагаранская чума — рогатые дохнут от нее, как мухи, а нам — хоть бы хны! Они и были наиболее интересны...

— То есть ты хочешь сказать, что мы здесь разрабатывали биологическое оружие? — ужаснулся я. — Это же запрещено!

— Ты не путай, — улыбнулся Брагин. — Запрещено производство оружия массового поражения, а не разработка. Юридически мы конвенции не нарушали. Ну... почти. Приятно осознавать, что в случае чего...

— Например, в случае того, что произошло, — заметил охранник.

— Вот-вот! Как раз на такой случай не помешало бы иметь что-то такое, что изведет краснозадых, но не повредит нам. И место — идеальное! Вдалеке от обитаемых мест, с моря бухта почти не видна, с воздуха — надежное прикрытие благодаря медузам. Я вообще удивлен, что американцы добрались до сюда... как пить дать — сдал кто-то.

— Так ты хочешь сказать, что где-то здесь есть биологическое оружие, которое выкосит всех скагов, но не причинит вреда нам, людям? — развивал я свою мысль.

— В общем да... — протянул капитан. — Только если ты думаешь применить это оружие — попробуй, для начала, найти, — он указал рукой на составленные на пирсе коробки. — Если амеры еще не вывезли. А если и найдешь — ты учти, что оно в таких количествах... черти от старости скорее вымрут, чем от болезни.

Сказать, что я был шокирован — ничего не сказать. В школе меня учили, что человек — самое гуманное и разумное существо на этой планете. Возможно, и вообще во всей вселенной. Человек заботится и о природе, и о своих друзьях скагах. И применяет силу только в случае самой крайней необходимости, крайней некуда. Собственно, Вторая Чертова Война — пример этому.

Но война — дело понятное. Я стреляю — в меня стреляют. Все честно. Если я не буду стрелять, сдамся — в меня тоже никто не будет стрелять. Ну, по идее, так должно быть и так и происходило до недавнего момента. Не знает история Новой Земли такой войны, как эта. Настолько беспощадной. Да, я уже говорил, что были безумцы, готовые убивать только ради того, чтобы убивать, упивающиеся самим процессом убийства. Но это были сумасшедшие отщепенцы, которых свои же и наказывали. Убивать всех без разбора, как это делает скагаранская чума, включая женщин и детей — это уже верх зверства!

Хотя... я вспомнил расстрел беглецов штурмовиками, одобренный Грачевым. Возможно, взаимная ненависть скагаран и землян достигла такого апогея, когда оба вида, разумных вида, уже потеряли остатки того самого разума?

Вдруг я отчетливо понял: этот мир уже никогда не будет прежним.

— И с такими знаниями ты еще живой? — ехидно поинтересовался Монетка. — Я б тебя не на каторгу сослал, а шлепнул бы по тихому.

— Мой туповатый друг, — улыбнулся Брагин. — Ты не хуже меня понимаешь, что следователю все без утайки рассказывает только конченный дебил!

Оба рассмеялись понятной лишь им одним шутке.

— А ведь амеры должны вернуться, задумчиво произнес вор, глядя на ящики.

— Я тебе даже больше скажу: если мы пропустили контрольный сеанс связи — они уже летят сюда на всех парах, — заметил капитан.

— Так нам надо валить отсюда! — воскликнул охранник.

— Ой, не парься, — отмахнулся каторжник. — У них такой техники, как «Юрий Гагарин», нету. В лучшем случае доберутся часов через двенадцать-пятнадцать, а то и все двадцать. Успеем даже отметить.

Отмечать не стали. Хотя алкоголя в порту хватало. Настроение было не то. С одной стороны — мы победили, а с другой — полегло больше половины нашего маленького отряда. Только тела погибших собрали в одну кучу, облили керосином и подожгли, по древнему скагаранскому обычаю. Правда, они обходились без керосина.

Хоронить три десятка человек времени точно не было, а оставлять их... как-то это не по-людски. Когда за ними вернуться — непонятно. Через несколько часов, или дней. Не оставлять же их диким зверям на съеденье! Мы даже сняли с амеров «собачьи метки» и сложили их на ящики, чтобы те, кто пришел за людьми, смог найти хотя бы жетоны. Конечно, они враги, но и у них есть семьи, которые хотели бы знать, что случилось с их отцами, братьями, мужьями, сыновьями. Мы же не черти, чтобы оставлять головы побежденных на кольях.

«Юрий Гагарин» в самом деле сильно походил на самолет. Реактивный самолет. Такая авиация присутствовала исключительно в древнем кино, в фильмах Старой Земли. Здесь

реактивная авиация без надобности — расстояния не те. Из четырех континентов — один, Антарктида, лежал на южном полюсе, покрытый снегом и льдами, еще один, Сахара — почти полностью на экваторе, покрытый пустыней, которая днем раскалялась так, что мясо можно жарить, закопав его в песок, а жара достигала семидесяти градусов. Третий, Нова, располагался на противоположной стороне планеты. В принципе, его прибрежные районы были пригодны для жизни, но находился он уж слишком далеко. И, четвертый, Терра- тот, где и обосновались земляне. И скаги. Ну, еще несколько десятков островов поблизости, известных, как Марининские — райское место с живописными водопадами, мягким белым песочком и чистым, как слеза, океаном. Но позволить себе такую роскошь, как жить на островах, могли очень немногие.

Конечно, за 117 лет человечество, даже с начальным уровнем техники, могло разбрестись по всей планете, но зачем? До этой войны население всего Мира составляло 25 000 000 человек! Сколько скагаран — неизвестно, кто их считал? 25 000 000 человек, которым совершенно не было тесно!

Для сравнения, там, на Старой Земле, были города, где жило десять, пятнадцать, и то и двадцать миллионов человек! В одном городе! И ничего, уживались как-то. Впрочем, не исключаю, что им просто некуда было свалить. У нас-то как раз были острова и целый континент, где вполне можно поселиться. На островах жили просто замечательно!

Возможно, если б мы уехали — всего этого и не случилось бы. С другой стороны — почему уезжать должны именно мы, а не они? Бросать обжитые земли, свои города, заводы, шахты, дороги и т. д.? Хотя, они, наверно, думали точно так же.

Так что поршневой авиации нам хватало за глаза. И в гражданских целях и для решения боевых задач, которые с помощью авиации не решали уже около сорока лет, с окончания Пограничной войны. Разумеется мы могли построить реактивный самолет. Но кому он нужен?

Что касается водного транспорта — суда на подводных крыльях, как пассажирские, так и грузовые, диковинкой не были. Для путешествия на острова и обратно их вполне хватало. Таким образом «Юрий Гагарин», построенный сто лет назад моим гениальным предком, был самым быстрым судном на планете. А если верить заявлениям Брагина — не просто самым быстрым судном, но и самым быстрым транспортным средством вообще, быстрее даже любого самолета! Вполне естественно, что такую лакомую добычу наши «союзники» не могли бросить, и обязательно вернуться.

Меня несколько смущало вооружение экраноплана — шесть огромных пусковых ракетных установок сверху и восемь торпедных аппаратов. Ни одного пулемета! Впрочем, и строился он не для того, чтобы расстреливать одиночных скагов, а для более серьезных конфликтов. Масштаб не тот. Потопить крейсер «Юрий Гагарин» способен. Возможно, даже разнести в труху пару городских кварталов. Но какой здравый человек ракетой, стоимостью сотни тысяч рублей (может и миллионов!) будет бомбить шатер с чертями?

— Ты умеешь им управлять? — спросил я Брагина, щелкавшего тумблерами.

— Чтоб да — так нет, — ответил капитан. — Но я видел, как им управляют. Раз десять... не забывай, в какие времена он сделан! С ним должен справиться даже ребенок!

— Мы все умрем, — как-то равнодушно произнес Монетка, что не было понятно, серьезно он, или это очередная шутка.

— Если и умрем — то как красиво! — усмехнулся бывший военный.

Через несколько минут каторжнику удалось запустить двигатели. Гудя турбинами,

постепенно ускоряясь, экраноплан начал движение. Волны перекатывались через крылья необычного судна, и вообще не очень верилось, что он в самом деле полетит.

— Мы так и не решили, куда плывем, — напомнил я.

— Плавает говно, моряки — ходят, — ответил Брагин. — Пощелкай рацию.

Надев наушники, я принялся перебирать частоты. На всех волнах шли или зашифрованные переговоры, или вообще на английском языке. От первых толку было мало, от вторых — еще меньше. И вот, когда я почти отчаялся, послышалась родная речь!

— Люди, алло! — закричал я. — В смысле — прием!

Разговор прервался на полуслове.

— Кто это говорит, и почему вы находитесь на зашифрованном канале?

— Говорит старший лейтенант Грачев, патрульная служба Грачевска, — ответил я. — А вы кто?

— Грачевска? — невидимый собеседник усмехнулся. — И где вы сейчас?

— На борту «Юрия Гагарина».

— Где? — взревело радио.

— Повторяю: на борту экраноплана «Юрий Гагарин». Только что покинул порт Первый.

— С вами говорит Тарасов — помощник Председателя Комитета по Делах Инопланетян. Ради Тилиса, Единого В Трех Лицах, не отключайтесь!

Послышалась какая-то возня, невнятная речь, затем заговорил другой голос:

— Чем вы докажете, что вы — это вы?

— А чем вы докажете, что вы — это вы? — парировал я.

— Вы один?

— Со мной... капитан Брагин из батальона охраны Первого и... и еще два человека.

— Секунду, проверяем... да, Брагин, есть такой. Но он три года назад разжалован и сослан на каторжные работы!

— Это очень длинная история, — сказал я в ответ.

Получается, у собеседника был доступ к личным делам, даже военных. Но это еще ничего не доказывало. Наши партнеры, захватив наши стратегические объекты, имели точно такой же доступ и обладали точно такой же информацией.

— Старлей, я являюсь ВРИО Генерального Председателя Совета, фамилия моя Ярцев И, соответственно, верховным главнокомандующим. Слушай мой приказ: дуй в Город Башен.

— С чего я должен вам подчиняться, — рассмеялся я. — Я пока не услышал ничего, что заставило бы меня поверить!

— А с того, что если ты не выполнишь мой приказ, то когда все это кончится — я сгною тебя в самой глубокой шахте, которую смогу найти!

Не могу сказать, что угроза подействовала. Для начала я не был уверен в том, то «это» вообще когда-либо кончится. Еще я не был уверен в том, что говоривший был именно тем, кем представился. С другой стороны скаги Города Башен всегда придерживались... не нейтралитета — нет. Они играли роль балансира, оказывая помощь той стороне, которая проигрывала. Но лишь до того момента, когда восстановится паритет сил. И тогда конфликтующие вновь оставались один на один. В сложившейся ситуации, по логике, черти должны занять нашу сторону. Так что вариант идти в Город Башен мне показался разумным.

— Я подумаю, — пообещал я.

И оборвал связь. Остальные выжидающе на меня смотрели. Я взвешивал все «за» и

«против». Будь моя воля — я б махнул на Марининские острова, где для меня война закончилась бы вообще. Война в глобальном понимании. Но как же тогда личная вендетта, мой маленький личный жижищ, моя клятва — отомстить Верховному Хану?

— Куда идем? — спросил капитан.

— В Город Башен, — ответил я.

— Там же скаги! — испуганно прошептал охранник.

— Скаги скагам рознь, — подмигнул Брагин.

Каторжник подал рычаг газа от себя, турбины взвыли еще громче и «Юрий Гагарин» начал набирать скорость, поднимаясь над водой.

Глава 9

Другие черты

Трехдневный переход в Город Башен прошел без происшествий. Монотонно гудели турбины, заглатывая воздух, чтобы сразу выплюнуть его с другой стороны, постукивали стеклоочистители, сметая с окон водяную пыль.

Да и кто нам мог помешать? Кальмаров и головоастиков в прибрежных водах мы давно перебили. Вернее не так. Перебили кальмаров, а головоастики, когда им нечем стало питаться, ушли сами. А если б они и попались по пути — «Юрий Гагарин» шел со слишком высокой скоростью для них. И на недостижимой высоте.

Экраноплан в самом деле оказался весьма легок в управлении. Брагин, конечно, сам умел немного, и многое постигал на ходу. Но он обучил меня тому, что знал. Было б глупостью останавливаться посередине чистого моря, давая капитану отдохнуть. Единственное, куда мы не полезли — оружейные системы. Ну его, от греха подальше.

По несколько раз в день с нами связывались помощник Председателя Тарасов, или даже сам Ярцев. Я заверил их, что внял приказу и мы движемся именно в город скагов. Но оба все равно продолжали надоедать, читая монологи о долге, спасении человечества и других высокопарных материях, которые я наслушался в офицерском училище по самое «не хочу».

Остановились мы только у входа в гавань. Ни Брагин, ни, тем более — я, не обладали достаточными навыками, чтобы провести такой аппарат к причалу, а угробить машину в самом конце пути, да и убиться самим — такое счастье никому не улыбалось.

Прибыв на место, я радировал Ярцеву и получил указание ждать. Мы с соучастниками делились мечтами. Моей фантазии хватало только на то, чтобы помыться, побриться и переодеться в чистое белье. Ну еще выспаться в нормальной кровати. С одеялом, и, может быть, даже подушкой! Капитан недалеко ушел. Он хотел пожрать от пуза и напиток. Охранник всецело разделал желания каторжника.

Монетка оказался самым изобретательным. Он расписывал, как нарезает ломтями горячее мясо, истекающее жиром, наливает стопочку водочки, сразу запотевающую от холодного напитка, закусывает соленым огурчиком, следующую — соленым грибочком, третью — соленой рыбкой. Четвертую — куском сала на куске черного хлеба. Но чтобы сало — тоже обязательно соленое! А потом берет даму с во-от такенной задницей...

— Ну реально, вот такенной! — здесь карманник разводил руки, как рыбак, показывая свой улов.

И обязательно, чтобы с такенной задницей были такенные сиськи и бедра, но узкая-узкая талия. Мечтая, мы и не заметили, как к нам подошел целый эсминец — «Генерал Деникин»!

Вот это встреча! Боевых кораблей на всей планеты вообще было полторы штуки, и те построены в эпоху Исследований, когда известная часть Земли представляла небольшую разноцветную кляксу на белом фоне карты, когда моря наводняли жуткие чудовища, когда, выйдя за порог собственного дома можно было очутиться в желудке какой-нибудь твари, и саблезуб или многорог — еще самые безобидные из них!

После почти полного уничтожения кальмаров и головоастиков на море воевать стало не с кем. Потому больше никто не строил крейсеров, эсминцев, линкоров, подводных лодок, десантных кораблей и так далее. Ну некуда нам было высаживать десант! Все, кто мог

затеять друг с другом войну — граничили по суше. В итоге это к войне и привело. А зачем создавать военно-морской флот, который стоит, как... как целый флот, если можно построить то действительно нужно — пассажирские и грузовые суда! Более того — на этот счет существовала целая международная конвенция. Правда, я успел убедиться, что на одни конвенции положили мы, на другие — американцы, а оставшиеся каждый трактовал так, как считал нужным для себя.

— Заглушите двигатели и выходите с поднятыми руками! — приказали через громкоговоритель с эсминца.

— Чего? — опешил охранник.

Я сам решительно ничего не понимал! Для верности я посмотрел на флаг «Генерала Деникина». Ну свои же!

— Пушка! — завопил Монетка. — Они наводят пушку! Зачем?

— Думаю, они будут стрелять, — мрачно произнес капитан.

И он не ошибся. Прогремел выстрел. Снаряд, подняв сноп брызг, взорвался перед носом «Юрия Гагарина».

— Повторяю: сдавайтесь, или мы вас потопим. У вас минута на размышления.

Как назло, корабль находился сбоку от нас, вне сектора поражения торпедных аппаратов или ракетных установок. Для последних — я так подозреваю, еще и слишком близко. А еще я подозреваю, что капитан эсминца — не такой олух как мы, и специально занял такую позицию, чтобы расстрелять нас, ничем не рискуя. А мы — ротозеи.

— Ссучились, падлы! — заорал карманник, хватая автомат. — Развели нас, как лохов последних!

Охранник начал натягивать бронежилет.

— И зачем? — поинтересовался я. — Думаешь, от такого калибра он тебя защитит? Или просто хочешь потонуть побыстрее?

Капитан повернул тумблер, заглушая моторы. Сдаемся.

Мы вышли на крыло экраноплана как раз тогда, когда «Генерал Деникин» начал разворачивать орудийную башню, чтобы потопить бесценный аппарат. Подняли руки. Сдаемся.

Так наши мечты осуществились. Частично. Во всяком случае — мои. Я смог помыться и постирать одежду. Правда, в камере, где, к счастью, был душ. Ремень и даже шнурки отняли, и я бродил из угла в угол, придерживая спадающие штаны. За время злключения я сильно исхудал! Побриться тоже не удалось — предоставить бритву никто не позаботился. Хотя бы нормально кормили и я спал в нормальной кровати. Хотя, какой кровати? На жестких тюремных нарах, но с подушкой и одеялом.

Да, мы опять попали в заточение. Нас содержали отдельно друг от друга, я лишь один раз видел Монетку, когда меня вели на допрос, а его, похоже — с допроса.

Допросы, да. Выдернуть на допрос могли в любое время дня и ночи. И я раз за разом рассказывал свою историю. Стоило мне вспомнить новую подробность, или упустить что-то из сказанного ранее, комитетчик заострял на этом внимание и сыпал десятками дополнительных вопросов.

Вскоре допросы вообще превратились в ответы на вопросы, как относительно моих злключения, так и моих невольных соратников. Если про себя я говорил все, ничего не утаивая, то что делали каторжники до момента моей встречи с ними, я знал только по их рассказам. То есть очень немного. Моментов, которые особенно заинтересовали

комитетчиков, хватало: предательство полковника Грачева, черти в Скагаранском Халифате, в основном — Киниш, отдельно — фигура в балахоне, старый потомок Великого Хана, именем которого я даже не поинтересовался, порт Первый.

На очередном допросе, кроме следователя, присутствовал пожилой мужчина среднего роста в узких очках в металлической оправе. Меня уже никто ни о чем не спрашивал. Говорил он.

— Старший лейтенант Грачев, если вы еще не догадались — я и есть Ярцев Евгений Борисович, Председатель Комитета по Делах Инопланетян, временно исполняющий обязанности Генерального Председателя Совета, поскольку он... вероятнее всего — в плену. У нас больше нет оснований не доверять вашей истории, и я хотел бы предложить сотрудничество.

Я только развел руками. Что я мог ответить? Если сотрудничество подразумевает вбить гвоздь в крышку гроба скагов, то я и так рад. Если наоборот, в планах ВРИО сдать остатки наших сил, людей и городов — вряд ли мне бы оставили выбор.

— Мы хотим, чтобы вы выступили на совете старейшин Города Башен, — продолжил Ярцев. — Или мы нанесем ответный удар, или написты... ну, конечно, не сотрут нас с лица планеты, но территориально мы потеряем очень сильно. Хотя, потом — все равно нам конец. С нашим мнением перестанут считаться, и, рано или поздно, повторим судьбу скагов — окажемся в жопе, начнем продавать своих детей в рабство, чтобы было на что пожрать. Но, к моему глубокому сожалению, нас осталось слишком мало... без помощи скагаран Города Башен мы не сможем дать достойный отпор. Нам жизненно необходимо перетянуть инопланетян на нашу сторону, и, я очень надеюсь, ваша речь сильно поможет...

— Это запросто, — улыбнулся я. — Это я хоть сейчас!

Оказалось, далеко не все так просто. Меня перевели уже в нормальную комнату. Целые апартаменты! С огромной кроватью, ванной и даже бритвой! Не могу сказать, что я перестал быть пленником — у дверей стояла вооруженная охрана, но впервые с момента, когда чертов скаг подорвал себя на центральной площади Грачевска, я почувствовал себя человеком! Сложно поверить, но со времени, когда мы с Виталиком лопали шашлык в джипе, прошло почти три месяца! А я помнил этот день, как вчера.

Допросы прекратились, но это не означает, что надо мной перестали издеваться. Теперь пытка стала очень изощренной: речь о моих злоключениях подверглась сильной редакции. Эпизод с расстрелом нелегалов исчез, как и предательство Грачева, как и сын Киниша, как и майор-разведчик. Посему получалось, что мы, преисполненные исключительно благородных чувств, везли умирающего Калаша на встречу с его сыном, но скаги напали на нас, вырезали почетный эскорт... просто потому, что им нравится убивать людей! Калаш пытался образумить своих сородичей, науськанных янкелями, но Киниш, попав под влияние коварного врага, убил отца своей собственной рукой. В плену мы практически ежечасно подвергались изощренным пыткам. Американцы бродили по Скагаранскому Халифату едва ли не сотнями, указывая скагам, как жить и что делать. Затем мне удалось сбежать. На Сигнальную я поспел как раз к моменту, когда скаги жестоко разделялись с людьми и я просто вынужден был их убить. И не троих, а десятерых. И не из Калашмата, а голыми руками. По этой части речи если какие вопросы и могли возникнуть у рогатых — зачем нам вообще нужна армия, если у нас есть целый я, который стоит, как минимум — штурмовой бригады?

Встречу с потомком Коноша несколько раз пытались по-всякому обыграть, пока вовсе

не отказались от ее упоминания. Наконец, я встретился с бежавшими шахтерами (не каторжниками!), объединившись, мы отбили у злостных американцев порт, без упоминания названия и прибыли в Город Башен, где нас радушно приняло собственное правительство в изгнании. В конце я призывал скагаран вспомнить заветы Тилиса, Единого В Трех ликах, и спасти их собратьев от тлетворного влияния НАШ, наставить на путь истинный.

Отредактированная речь заучивалась наизусть, повторялась десятки и сотни раз под наблюдением Тарасова и еще нескольких сотрудников посольства. Ставилась, как спектакль. Здесь — громче, тут — тише. В этом месте вздохнуть, а в этом — сжать кулаки.

До этого я выходил на сцену всего один раз, в школьном спектакле, и то играл дерево. Сыграл так себе. Но помощник Председателя убедил меня, что раскрыть персонажа в роли со словами может любая бездарность, а я, раз смог сыграть героя без слов, то во мне кроется настоящий талант! На том представлении люди в самом деле плакали, вставали и выходили из зала, но у меня сложилось ощущение, что к моему таланту это имеет весьма посредственное отношение.

В один из дней пришел Ярцев и лично принес мне парадный мундир полковника с кучей медалек. Все, как полагается — лакированные ботинки, брюки с лампасами, белая накрахмаленная рубашка, китель с аксельбантами и даже португез с кобурой. Правда, пустой!

— Товарищи, а вы звездочками не ошиблись? — поинтересовался я?

— А что такого? — улыбнулся Тарасов. — У тебя три было, три и осталось. В размере, правда, увеличились.

— Скаги Города Башен, хотя и сильно отличаются от своих соплеменников с материка, несомненно, по развитию они ушли далеко вперед, но не следует забывать, что они — варвары. К словам старшего лейтенанта они отнесутся, хотя и с доверием, но с меньшим почтением, чем к словам полковника, — пояснил Председатель. — Лучше вообще было бы сделать вас генералом, но возраст...

— Так я теперь полковник? — обрадовался я.

— Самый настоящий.

Евгений Борисович щелкнул пальцами и Тарасов, следующий за своим патроном, извлек из папки приказ, из которого в самом деле следовало, что мне присвоено звание полковника милиции.

Пожалуй, за всю историю человечества на планете, это был самый головокружительный карьерный взлет! Вчера — старший лейтенант, сегодня — полковник! Жаль, что не генерал...

— А как Брагин и все остальные? — поинтересовался я.

— Капитана увидите на совете, а остальные двое, — тут Председатель поморщился. — Слишком сложный материал для работы.

— Неужели вы их... — испугался я.

— Конечно — нет! — рассмеялся Ярцев. — Они же люди, а сейчас нам дорог каждый человек. Они изъявили желание добровольное вступить в ополчение. Добровольцами.

— Добровольно добровольцами? — усмехнулся я.

Знаю я, какие тут добровольцы. Хотя, может быть Евгений Борисович и не врал. Чем еще заняться охраннику и вору, когда весь старый мир в руках врага? Одному надо что-то охранять, другому — что-то воровать, и обоим в наше время очень сложно реализовать заложенный в них потенциал.

В назначенный день мы отправились на совет старейшин. После Скагаранского Халифата я был настолько глубоко убежден, что видел уже всех возможных скагов, но, глядя на Город Башен я был просто поражен! Местные инопланетяне выглядели... совсем, как люди! Мужчины в костюмах и джинсах, девушки в платьях и шортах, дети в колясках, на скейтбордах и велосипедах. Была б их кожа розовой, а не красной, и убрать рога — точно, как мы! Девушкам еще очень не хватало волос, ибо все черти, как один, были абсолютно лишены растительности на голове, но их бедра в обтягивающих юбках смотрелись весьма аппетитно.

Да и город ничем не отличался от городов землян. Дороги, газоны, подстриженные кустики, фонари и, конечно, дома. Каменные дома в два, три и четыре этажа. С окнами, вывесками и всем прочим, что должно быть у домов. Аккуратный, опрятный, чистый — вот как можно кратко охарактеризовать Город Башен. Не знаю, почему, но больше всего меня удивили светофоры. Они здесь были! Пора бы перестать удивляться тому, что я удивляюсь...

Совет, вопреки моим ожиданиям, проходил не в самом городе, а в пещере за городом. На площадке перед ней в свете двух солнц блестели разнообразные автомобили. В подавляющем большинстве нашего производства, в меньшей степени — американские и японские. Хотя сложно назвать автомобилями американские и японские игрушки. Просто безделушки, напичканные электроникой. Или наши, с металлом в два-три миллиметра толщиной, сделанные на века, или те — из фольги. Пальцем ткни — продавится.

Тем больший контраст был с самими старейшинами в пещере: в одних набедренных повязках, увешанные безвкусными украшениями, по принципу чем больше золота и чем больше размер камней — тем лучше. Самым поразительным оказался черт, рядом с которым разместили меня. В набедренной повязке из шкуры саблезуба, в очках в золотой оправе, он, украдкой, играл в шахматы на телефоне! Заметив, что я его спалил, инопланетянин смущенно улыбнулся, подмигнул мне и спрятал аппарат.

Для меня совет стал примером того, как рогатые, ассимилировавшись с нашей культурой, продолжали чтить свои корни, заветы предков и так далее. Они пользовались машинами, водопроводом, телефонами в повседневной жизни потому, что земные технологии облегчают их существование. Кому захочется трястись на лошади, когда есть автомобиль? Точно не мне, я в вопросе лошадей за время своего путешествия стал почти экспертом. Или справлять нужду в кустиках, когда есть приличный туалет? Или жечь факелы, когда есть лампочка?

Черти Города Башен понимали, что такое прогресс. И они не желали оставаться в стороне, быть наблюдателями, от которых ничего не зависит. Скаги учились, перенимали знания инопланетян, т. е. нас, пришедших на их планету более века назад. Они не просто бездумно потребляли. Для этих рогатых прогресс не был пустым звуком, они не просто эксплуатировали конечный продукт, нет! Скагаране сами обслуживали, ремонтировали технику, строили дома, водопроводы и т. д. Более того — на острове у чертей была собственная электростанция! Если б мы, люди вдруг внезапно все разом исчезли — вряд ли жители Города Башен это заметили.

А пещера, одеяния и кричащие висюльки — это дань традиции. Обычай, который, возможно, в обозримом будущем исчезнет вовсе.

Ярцев не соврал. Здесь я увидел и Брагина, правда, он сидел далеко от меня и мы не смогли переговорить, но, встретившись глазами, кивнули друг другу. Бывший каторжник тоже был в форме, но капитанской.

Еще я обратил внимание на священную книгу скагаран, покоившуюся на алтаре в самом центре пещеры. Книга, написанная пришельцами, чей корабль разбился на острове Объект, той самой троицей, кого обожествили под именем Тилис, Единый В Трех Лицах. Книга, которая хранилась в Святоборисовском музее, но позже, после бесплодных попыток перевести письмена, возвращенная краснокожим. Книга, которую никто не мог понять, но не переставшая от этого быть священной.

Совет начался. Черти много говорили на своем, на скагаранском, в котором я знал всего пару слов. А вот Ярцев и Тарасов, владея, похоже, языком рогатых в совершенстве, периодически вступали в перепалку с инопланетянами. После очередного ожесточенного спора ВРИО тихо, но отчетливо буркнул себе под нос:

— Дебилы, блин!

— Давай, Грачев, твоя речь, — дернул меня за рукав Тарасов.

Я поднялся с места. Глаза сотен чертей нацелились на меня. Но эти смотрели не так, как их сородичи в Скагаранском Халифате. Без злобы, агрессии, а с интересом. Я нервничал. Я никогда не выступал на такую аудиторию. Если верить Председателю, от моей речи зависело очень многое. Как минимум — судьба половины человечества на этой планете. А если верить отшельнику, потомку Великого Хана — возможно, и судьба вообще всего живого.

Если б мое выступление не было отрепетировано на сто раз, слова, наверно, вылетели бы из моей головы. Но речь так плотно засела в мозгу, что я мог прочесть ее от первого и последнего слова даже проснувшись посреди ночи. Скаги, кажется, заинтересованно меня слушали, порой кивая головой, но у меня не было уверенности, что они вообще понимают наш язык. До одного момента.

— Нет такого слова — «ихний»! «Их»! — поправил меня, поморщившись, черт, тот самый, что игрался с телефоном.

Сперва я запнулся, смутившись, но затем меня разобрала такая злоба... чтобы какой-то инопланетянин знал мой родной язык лучше меня! И в этой ярости я и выдал оставшуюся часть текста, выпалил слова, как пулемет — пули.

Черти загудели. Но их остановил Евгений Борисович, напомнив, что есть еще один докладчик — генерал Брагин.

Сильно подозреваю, что с капитаном поработали не хуже, чем со мной. И надеюсь, что выглядело мое выступление не хуже, чем его. Но правдивости в словах обоих было примерно поровну.

По рассказу бывшего каторжника выходило, что на шахте Дальней скаги работали вместе с людьми абсолютно на равных, были абсолютно счастливы и довольны. До момента, когда на шахту напали черти Киниша, убивая всех подряд, с особой жестокостью — инопланетян, только за то, что они работали с землянами. Приказы, разумеется, отдавали пришедшие с рогатыми американцы.

Некоторой переработке подвергся момент с грузовиком, которым черти перегородили путь бронепоезду. Теперь он оказался груженный не кроватями, столами и стульями, а золотом. Прямо битком набит, с горкой. И драгоценными камнями величиной с кулак восстановленного в звании капитана.

При упоминании о золоте глаза инопланетян загорелись. По пещере пролетел благоговейный вздох. Пожалуй, страсть к желтому металлу не являлась традицией, зовом предков. До знакомства с землянами черти были совершенно равнодушны и к золоту вообще

и к украшениям из него в частности. Тут было что-то иное. Не алчность — нет. Какая-то врожденная слабость, дремавшая до поры, зависимость на подсознательном уровне. Или в глубине души они продолжали оставаться варварами?

После выступления капитана скаги загалдели пуще прежнего. Похоже, благородный металл интересовал их гораздо больше, чем судьба соплеменников и спасение человечества. Споры продолжались до самого заката, когда, наконец, самый старый черт с воистину великолепным бриллиантом, висевшим на цепочке между его рогов, не выдал длинную тираду, глядя на Ярцева.

Евгений Борисович, несколько раз изменился в лице, отразив весь спектр эмоций, которые, я знал, но, по окончании монолога облегченно вздохнул.

— Я так понял, мы договорились? — спросил я Тарасова.

— Пока не совсем, — ответил помощник Председателя. — Но принципиальное согласие получено. Осталось решить по цене.

Глава 10

Золото

Нейтралитет чертей Города Башен был весьма интересен. С одной стороны они никогда напрямую не ввязывались в конфликты между нами, землянами. Даже в конфликты людей и скагов. Напрямую — означает, что никогда не брали оружия в руки.

Но предоставить укрытие, или надавить на остальных участников, казалось бы — большого, но на деле — весьма ограниченного сообщества человечества — это они могли. Самое значительное участие рогатых до нынешнего момента случилось после Ночи Кашалматов, когда скагаране сперва спасли ханов от революционеров, а потом — остатки чертей Скагаранского Халифата от нас. Хотя спасли, наверно, звучит слишком громко, учитывая, что рогатые лишь наставили своих собратьев на путь истинный, ограничив их бесчинств. Так истребление инопланетян для нас перестало быть первостепенной задачей, делом жизненной важности. Даже, пожалуй, бессмысленным и опасным для самих землян.

Причем рогатые никогда не занимали сторону того, кто побеждает. Они понимали: стоит одной из сторон получить превосходство на материке — рано или поздно люди доберутся и до них. Скаги своей тонкой игрой не допускали ничьей гегемонии. И делали это весьма успешно, благодаря своей чертовской хитрости и изобретательности.

Не знаю, чем закончились торги, длившиеся еще три дня. На все мои вопросы о том, какую цену запросили скаги, и Тарасов, и Ярцев отвечали туманно:

— Непомерную.

Но кто-то кому-то уступил. По кислым лицам Председателя и его помощника, я догадывался, что не рогатые. Скаги Города Башен встали на нашу сторону. Думаю, немалую роль сыграли ханы, бежавшие сюда в свое время с материка. Или дети ханов. Тех, кто не дожил до сегодняшнего дня. Черти по своей природе очень мстительные, принцип «кровь за кровь» работает во всем. Вполне естественно, что ханы не могли простить Ночь Калашматов. Скаги не забывают обид. И умеют мстить.

В вопросах мести инопланетянам стоит отдать должное. Если скаг не может отомстить сегодня — он будет ждать подходящего момента год, пять, десять лет, а то и больше. Даже, случись такое, сам черт не доживет до воплощения мести в жизнь — он завещает отомстить своим детям. А те — своим.

История знает единичные случаи, когда скаги отказывались от мести. Правда, получив значительную компенсацию. Вспомнить хотя бы первый контакт людей и краснокожих. Или не отказались, а еще выжидают подходящего случая?

Помощь чертей заключалась не в батальонах солдат, вооруженных до зубов. Не в танках, пушках и хлопушках. На материк отправились в самом деле орды скагаран. Окольными путями, почти с противоположной стороны Терры, они добрались до наших городов. И вооружены они были только золотом. Самое страшное оружие для краснокожих! По десятку золотых украшений на каждого, пожертвованных на благое дело беглыми ханами. Внедрившись в банды, оккупировавшие наши земли, диверсанты светили побрякушками, рассказывая сказки, что это — украдено у американцев, что самые жирные куски люди забрали себе, а чертям остались лишь крохи. Или, что вот эта висюлька — из соседнего города, там навар лучше, а вы, бездари, прозябаете здесь за гроши.

Дисциплина пошла на спад. Организация в войске инопланетян и до этого была не на

высоте. Если можно назвать войском несколько племен, даже — банд, хотя и бывших некогда одним целым, но разрозненных Пограничной войной и несколькими более мелкими конфликтами. Практически вчера они гоняли друг друга по степи, чтобы продать менее вооруженных соплеменников нам в рабство, а сегодня они были вынуждены ютиться практически под одной крышей. Если до сего момента скаги грабили и убивали сами по себе, не трогая янки, а амеры держали блокировали наши военные части, узлы связи, правительственные учреждения и прочее, без чего организованное сопротивление на континенте не было возможным, и тоже не трогали чертей, то теперь инопланетяне требовали своих главарей потрясти войска НАШ на предмет золотишка. И даже самостоятельно нападали на караулы. Конечно, карманы солдат почти всегда оказывались пусты. Но это лишь раззадоривало скагов, которые своими глазами видели несметные богатства и жаждали обладать ими. Стрельба, почти стихшая после резни в самом начале войны, когда жертвами пали сотни тысяч людей, теперь гремела ежеминутно, на каждом углу. Американцы строили баррикады и уничтожали градом пуль любого рогатого, подошедшего на расстояние выстрела.

Захватчики пребывали в постоянном напряжении, в постоянной угрозе получить удар из-за угла. Нервы натягивались и рвались. Десятки, а может и сотни янки попали под friendly fire — дружественный огонь. Проще говоря палили друг в друга, путая людей с чертями.

Понятно, что горы трупов не способствовали укреплению отношений союзников. Причем, учитывая, что янки были и лучше подготовлены, и лучше вооружены, жертвами скоротечных конфликтов становились именно краснокожие.

Скаги в долгу старались не остаться. Людей радовали фугасы, заложенные на дорогах и бутылки с зажигательной смесью, летевшие с крыш домов на продовольственные конвои оккупационных сил. Амеры урезали свой паек. Конечно, страдали и наши сограждане, голодая в зоне оккупации. Но это — вынужденная мера. К тому же голодали далеко не все, в военных частях провианта хватало. Пусть это и были сухпайки, одно напоминание о которых приводило меня в бешенство.

Попытки командования НАШ снабжать своих по воздуху тоже провалились. Начался сезон дождей, затянувшийся в этом году на целый месяц! Непогода прочно приковала авиацию к аэродромам. Снабжение по земле вообще остановилось. Наши дороги, стратегически рассчитанные на то, чтобы замедлить продвижение противника, под стеной воды стали вовсе непроходимыми. Грузовики не просто не могли проехать — они тонули в лужах, превращаясь в мишени для скагов.

У чертей дела обстояли не лучше. Только авторитет Великого Хана держал инопланетян от того, чтобы не бросить все и свалить обратно в горы и Скагараниский Халифат. И то — далеко не всех. Многие, поняв, что награть больше, чем уже нагреблено, не получится — хоть тресни, ушли на свои земли, надеясь вернуться к прежним занятием — разбоем, похищениям и работорговле. Но и тут встала большая проблема. Чинить разбой по нашу сторону границы было уже не над кем — что могло быть украдено, уже было украдено. Похищать — тоже некого. Кто находился не в оккупационной зоне американцев и не успел бежать — были убиты. Понятно, что оставались земли НАШ, куда черти и ломанулись. Снова начались бои, но уже не на нашей территории, причем счет складывался не в пользу рогатых.

Даже работорговля не приносила скагам прежних барышей. Шахты, бывшие постоянными потребителями живого товара, попросту не функционировали. Владельцы

рудников на стороне янки, видя предложение, намного превышающее спрос, начали рубить цены. Закон рынка, конъюнктура и т. д. Котировки акций работорговцев упали ниже плинтуса и рабы не стоили даже сожженного для их поимки бензина.

Как и во время Ночи Калашматов, черти обманули только сами себя. Возвращение былого величия скагаран так и оставалось за горизонтом. А горизонт, как известно — это воображаемая линия, отдаляющаяся по мере приближения к ней.

Мы с Брагиным все это время жили в посольстве землян в Городе Башен. Жили весьма недурно. Я не только вернул прежний вес, но набрал и сверх того! Мой мундир перешивали два раза! Охрану у дверей покоев сняли, в моей кобуре появился пистолет. Я совершенно свободно передвигался по городу и уже абсолютно не обращал внимания на скагов. Они казались мне вполне обычными людьми. Как и мы.

Некоторое неудобство вызывало заучивание и репетиция речей, написанных в посольстве, с которыми я выступал перед советом старейшин инопланетян, рапортуя об успехах диверсионной операции и перед нашими войсками — теми, что удалось собрать, обещая вот-вот нанести решающий удар. Несмотря на то, что большинство солдат были примерно одного со мной возраста, а остальные — еще и старше, авторы текстов постоянно вставляли слово «сынки». В остальном война казалась мне такой бесконечно далекой, словно бывшей в другой жизни и меня уже совершенно не касавшейся. Даже клятва отомстить за друзей постепенно забывалась.

Я стал знаменитым! Инопланетяне узнавали меня на улицах, солдаты восторженно ревели, завидев меня. Еще бы! Герой! Единственный человек, которому удалось сбежать из Скагаранского Халифата, еще и отбил у янки реликт эпохи Исследований! В Городе Башен мое лицо смотрело почти с каждого плаката. Я в героической позе и слоган: «Смог я — сможешь и ты!». Или другой подобный агитационный бред. Это постарался Ярцев, чтобы рогатые не включили попятную. Теперь, когда землянин стал героем не только среди людей, но и среди чертей, старейшинам было б весьма затруднительно оправдаться — почему вдруг краснокожие перестали помогать людям? Однако, общественное мнение!

Я стал настолько знаменит, что чертовы фирмы предлагали мне сняться в рекламе! Я был не против подзаработать на своей славе, доставшейся, фактически — даром, но Ярцев категорически запретил. Мол, это подорвет авторитет армии (читай — ополчения) землян и все такое. Вот после войны — на здоровье.

Наверно, я стал даже слишком знаменит. В тот прекрасный день я гулял по городу краснокожих, размышляя — зайти в поллюбившийся ресторан, или взять в кафе что-нибудь вредное, но дьявольски вкусное на вынос и отправиться пообедать в парке? Местные скаги готовили ничуть не хуже, чем их соплеменники с материка. Наверно, кулинария была у них в крови, как любовь к желтому металлу.

Человека в кремовом плаще я заметил еще на выходе из посольства. Я еще удивился — хочется же ему париться в такой одежде по жару! Мало ли людей в Городе Башен? Я даже кивнул ему, он мне ответил. Моих соотечественников здесь хватало и до войны, причем сосуществовали земляне и инопланетяне совершенно мирно, не то что по другую сторону океана. Никаких подозрений не вызвало и то, что незнакомец прошел за мной несколько кварталов. Почитателей у меня появилось предостаточно, даже скаги подходили ко мне на улицах за автографом, а люди — подавно.

Подумав, что это очередной фанат, но крайне нерешительный, я развернулся, намереваясь позволить ему угостить себя обедом, что, собственно, меня и спасло! Он как раз

вытащил из-под пиджака пистолет-пулемет, в котором я узнал творчество американских оружейников, но не успел взвести затвор.

Злоумышленник, замерев в нерешительности, смотрел на меня, я — на него. Понимая, что замешательство вот-вот пройдет, я бросился за припаркованный рядом автомобиль. Витрина, у которой я стоял, в ту же секунду разлетелась вдребезги, разбитая роем пуль, остальные ударились в металл машины, сверля в нем дырки. Оружие киллера стреляло почти бесшумно и прохожие лишь недоуменно оглядывались на осколки стекла, еще не понимая, что произошло.

Я выхватил из кобуры пистолет, но злодей строчил не переставая, словно из его кармана шла невидимая пулеметная лента, не давая мне высунуться из укрытия. Внезапно грохнул выстрел. И еще один. Неужели, второй убийца? Только теперь скаги, вопя на своем языке, поминая через слово Тилиса, Единого В Трех Ликах, бросились врассыпную.

— Живой? — прокричал Брагин.

К моему удивлению стрелял именно он. Как здесь оказался капитан — понятия не имею.

— Живой! — ответил я.

Человек переместил огонь на каторжника, чем я не преминул воспользоваться. Высунувшись из-за автомобиля, я нажал на спуск. Два раза. Еще два. И еще два. Снова посыпались стекла, но особенно меня обрадовала ругань на английском. Похоже, попал! По плащу неизвестного в самом деле расплывалось красное пятно.

Но теперь он снова сосредоточил огонь на мне. Автомобиль задрожал под свинцовым дождем. Наступил черед бывшего военного. Понимая, что моя позиция более выгодная, капитан открыл беспорядочную пальбу, отвлекая злоумышленника на себя. Я высунулся во второй раз и начал лупить без счета. Затворная рама моего пистолета замерла в заднем положении, но еще до этого убийца свалился на тротуар.

— Живьем бери! — закричал Брагин.

Иди, сам возьми, если такой умный! Я перезарядил оружие, и, убедившись, что в меня уже никто не стреляет, встал во весь рост. Злодей, извиваясь, лежал в луже крови. Двумя руками он пытался управиться со своим пистолетом-пулеметом, но наводил его не на меня — нет! Киллер, приставив ствол к подбородку, выпустил последнюю пулю, вышибив себе мозги. Каторжник не успел всего на долю секунды — он уже летел на негодяя, намереваясь обезоружить его. Но опоздал. Самое интересное, что было в голове злоумышленника, растекалось грязной кляксой по брусчатке.

Согласно древней, как мир, традиции, милиция появилась, когда все закончилось. С десяток рогатых в форме словно выросли из-под земли. Они повалили нас на тротуар, не забывая наградить ударами по ребрам — еще один старый добрый обычай служителей закона. Мне приходилось бывать в тюрьме в Грачевске. Правда, не в качестве заключенного, а по долгу службы. Причем — неоднократно. После — в заточении в Скагаранском Халифате, и даже в подвале посольства землян в Городе Башен. Я уже не сомневался, что посету и кутузку города чертей, поставив абсолютный рекорд по посещению мест заключения, но тут капитан удивил меня в очередной раз.

Он с невероятной быстротой затараторил на языке скагов, кивая то на меня, то на плакат, с которого, опять же, смотрел я. Хватило несколько секунд, чтобы блюстители порядка поставили нас на ноги, и, извиняясь, принялись отряхивать от пыли. Один даже вернул мой пистолет!

— Брагин, а ты откуда столько языков знаешь? — спросил я.

— В школе хорошо учился, — отмахнулся военный. — Я же говорил — я любознательный очень.

После покушения посольство я покидал исключительно в бронежилете скрытого ношения и с парой телохранителей. Радовало, что они охраняли меня, а не сторожили. И то, что это продолжалось не долго.

В тот же день НАШ выдвинули ультиматум. Целых два. Один — нам, с требованием погасить задолженность за исполнение американцами своих обязательств по договору от 89-го года. В случае отказа союзники угрожали реквизировать наши шахты, рудники и нефтяные месторождения. Мы, конечно, понимали, что янкели ищут способ переправить банды чертей на последний рубеж обороны — Марининские острова, причем способ, который мог бы логично объяснить присутствие рогатых на архипелаге. В то, что инопланетяне якобы угнали самолет или судно — точно никто не поверил бы. Не с их уровнем развития. Вероятность того, что краснокожие вдруг научились ходить по воде, была намного выше.

Второй — скагам Города Башен, с требованием выдать ханов. Дескать, это они организовали нападение своих собратьев с Терры. В случае отказа правительство НАШ обещало ввести экономическую блокаду и прекратить поставки товаров, в первую очередь — нефтепродуктов. Для островитян, привыкших к цивилизации, это было хуже, чем истребление — возврат в каменный век, из которого относительно недавно они вырвались.

Регулярных войск, собранных с Марининских островов, в нашем распоряжении было — кот наплакал. Основная часть как раз и находилась на Терре в момент предательского удара союзников. Ополчение, собранное из беженцев, вооружено еле-еле.

Все события выстроились в одну цепочку. Трагических совпадений больше не было. Только четкий, коварный план. Теракт, прошедший почти без жертв, и, на первый взгляд — бессмысленный, заставил нас вылавливать нелегалов. Количество нелегалов заставило привести на материк войска с Марининских островов, подставив их под удар. Мы же и собрали скагов вместе, сами помогли им организовать. И за всем этим явно торчали уши заказчика.

В этом плане было лишь два изъяна: я, спасенный Великим Ханом, и каторжники. Нет, стоп. Был и третий изъян — покушение на меня. Со стороны наших партнеров попытка убийства живой легенды Сопротивления стала самой крупной промашкой. Черти Города Башен ощутили войну на себе. И им это не понравилось. Открыв закрома, они моментально вооружили наше ополчение. Худо-бедно, но вооружили.

И мы выступили. Погрузились на корабли и взяли курс на континент — вернуть то, что принадлежало нам. Скагов в наших городах осталось так мало, что, если б американцы сняли «охрану» с остатков наших сил там, дома, они б справились и сами. Забили бы проклятых оккупантов лопатами. Но правительство НАШ намеревалось до конца исполнять свой долг по договору от 89-го года, держа оборону того, что сами хотели отжать. По злой иронии то самое соглашение сыграло против нас — наши люди, даже имея оружие, не могли пробиться из кольца окружения, поскольку это означало начало войны, причем агрессорами оказались бы именно мы!

Караван судов выглядел крайне живописно. Два древних эсминца — «Генерал Деникин» и «Адмирал Колчак», остальные — грузовые и пассажирские суда, спешно переоборудованные под десантные. «Юрия Гагарина» я не видел. Ни в гавани, ни в составе

конвоя.

Мы с Брагиным находились на мостике «Генерала Деникина», вместе с помощником Председателя Тарасовым, и, должен отметить, теперь мое пребывание на нем было гораздо более приятным, нежели в первый раз.

В бинокль уже виднелись очертания родного берега, как на горизонте появилась черная точка. Точка быстро приближалась, двигаясь наперерез, и вскоре в ней стало возможным различить американский крейсер «Old West». Построенный гораздо позже, чем «Генерал Деникин» и «Адмирал Колчак», да и вообще любое боевое судно эпохи Исследований, которые закладывались буквально на коленке, во времена острой нужды, «Old West» обладал значительным преимуществом как в скорости, так и в огневой мощи. Ему в одиночку ничего не стоило разделить под орех весь флот, включая оба эсминца и транспортные суда. А после этого — сделать вил, что ничего и никого и не было и убраться восвояси.

— Приплыли, — протянул я.

— Моряки не плавают, — напомнил Брагин. — Моряки ходят.

— Боюсь, что тут товарищ полковник прав, — покачал головой капитан корабля. — Именно приплыли.

Американский крейсер занял позицию между нами и побережьем. Его орудийные башни с 16-дюймовыми пушками смотрелись отнюдь не дружелюбно. Мы замедлили ход. Тарасов взял рацию:

— Крейсер «Old West», на каком основании вы не даете нам пристать к берегу?

— С вами с борта крейсера Новых Американских Штатов «Old West» говорит адмирал Хосе Альварес, — ответил голос с тяжелым английским акцентом. — Немедленно разворачивайтесь, или будете уничтожены!

— Я — помощник ВРИО Председателя Совета, — рявкнул в ответ Тарасов. — Я нахожусь в своих суверенных водах. С какого перепугу я должен поворачивать?

— На побережье орудуют банды скагов. Вы движетесь со стороны Города Башен, тоже занятого скагами. У меня есть указание уничтожать любое судно, идущее этим курсом. Вы везете подкрепление чертям. Разворачивайтесь, или я, как велит мне конвенция от 89-го года, буду вынужден открыть огонь!

Большой бред не мог привидеться и во сне!

— Повторяю: я — ВРИО Председателя Совета Тарасов. Мы везем ополчение. Земно ополчение. Уйдите с курса.

— Если на борту черти и они взяли вас в плен — вы скажете все, что угодно.

— Слушай сюда, адмирал. В настоящий момент в ста милях от Нового Нью-Йорка находится экраноплан «Юрий Гагарин» с шестью тактическими ядерными ракетами на борту. Если ты откроешь огонь — пока моя посуда тонет, у меня хватит времени, чтобы отдать приказ испарить полмиллиона твоих сограждан.

Радио надолго замолчало. Я, не веря в услышанное, посмотрел на Тарасова. Тот, сжимая в руке передатчик, не мигая смотрел на «Old West». И я не сомневался, что у помощника ВРИО хватит решимости спалить в пожаре ядерного огня американский город. Если потребуется — и не один. И он точно не шутил на счет шести ракет.

Брагин усиленно пытался сделать вид, что его на мостике вообще нет. Он знал! Он точно знал гораздо больше, чем рассказал нам тогда, в Первом! Ой, не зря он с каторжниками бежал именно туда...

А еще я внезапно осознал, что в течении трех дней, пока мы пилотировали «Юрия

Гагарина», мы были самыми могущественными людьми на этой планете!

— Разработка ядерного оружия запрещена, — заговорил передатчик после длинной паузы.

— Производство, а не разработка, — поправил адмирала Тарасов. — К тому же вам запреты не особо мешает.

— Вы понимаете, что нанести ядерный удар по Новому Нью-Йорку — это равносильно объявлению войны? — спросил американец.

— Да, но я хотел бы отдельно подчеркнуть, что я отдам приказ нанести удар только после вашего первого выстрела. То есть войну начнете вы, а я... а мы просто ответим.

Радио снова замолчало, но теперь крейсер, сменив курс, уходил в сторону берега НАШ. Я выдохнул. Или вздохнул. Кризис миновал.

Глава 11

Последний хан

Мы освобождали нашу землю. Наши города. Один за одним. Основная часть оккупантов ушла давно. Остались или отъявленные фанатики, верные Великому Хану до последнего вздоха. Эти сражались до последнего, полностью оправдывая жижиш — войну до последнего воина. Чем выбить их из здания — проще было подтянуть артиллерию и сравнять квартал с землей. Тем более печально, что это был наш квартал, и нам же придется отстраивать его заново. Ну не лично нам, а чертям, которые вернутся после войны уже не как захватчики, а как дармовая рабочая сила. Этих инопланетян мы уничтожали безжалостно, принося в жертву то, что сами некогда создавали.

Были и другие. Те, кому просто некуда было идти. Кого в степях ждала или голодная смерть или рабство. Эти сдавались пачками. Но и мы не собирались кормить рогатых. А еще одевать, охранять. Их, обезоружив, просто отпускали. Как и до войны — загружали в автобусы и довозили до границы, где вытряхивали на волю. И там скагаран ждало то, чего они пытались избежать — голодная смерть и рабство.

Глядя на освобожденный Грачевск, я начинал осознавать, что к Скагаранскому Халифату инопланетяне относились еще бережно. Если в городе чертей стекла в окнах, хотя и были редки, но, все же — были, то здесь не осталось даже ни единой двери! Нам достались развалины. Нередко — заминированные развалины. Построить рядом еще один Грачевск было бы быстрее, проще и дешевле, чем восстановить этот!

Сбежавшие до боев оккупанты утащили с собой все, что только можно, оставив голые стены. Что не утащили — то сожгли. Город, лишенный электричества в первые же дни войны было нужно как-то освещать во время всей оккупации, еду — на чем-то жарить и греть.

Следом за чертями уходили американцы, освобождая наших «спасенных» соотечественников. Эти тоже украли немало, в основном — документы, жесткие диски компьютеров, архивы.

Потери ужасали. Мы потеряли 2500000 человек. Два! С половиной! Миллиона! Эта планета не знала более кровопролитной войны. Жертвы среди американцев мы не считали. Они б никогда и не признались. Потери самих скагов подсчитать было б весьма затруднительно. Но, несомненно, они были гораздо меньше.

Настал тот день, когда в руках чертей остался всего один город. Даже не весь город, а только один комплекс зданий — бывший Дворец Советов в Верхнезаводске. Мы не подходили близко к строениям, окопавшись в руинах городских кварталов, блокировав правительственный комплекс несколькими кольцами войск, оставаясь в недостижимости автоматов и гранатометов скагов. Рогатые заперлись во дворце, не высовываясь.

Мы могли держать осаду сколь угодно долго. До той поры, когда инопланетяне, обезумев от голода, начнут жрать друг друга. Но там были и заложники — земляне. И первыми на стейки отправятся именно они. По этой же причине мы не могли сравнять строения с землей при помощи артиллерии. Во-первых — заложники. А, во-вторых — все же памятник архитектуры, как-то жалко. Наши предки старались, строили, а мы расхреначим. Некрасиво получится, не по-человечески.

Чертей уговаривали сдаться высшие лица — Тарасов, я, и, даже иногда — сам Ярцев.

Сменяя друг друга у матюгальника, мы сулили им различные барыши в виде сохранения жизни и гарантий безопасного прохода в Скагаранский Халифат.

На третий день краснокожие вняли голосу разума сдались. Почти сотня инопланетян, покрытых старыми шрамами, некоторые со скелотыми рогами, шли вдоль строя людей, готовых превратить их в решето, задумай черти любую пакость. Они уходили пустыми. Без оружия и даже без брони. С крыш уцелевших зданий за инопланетянами бдительно следили снайперы с гром-палками. С земли — автоматчики.

Последним шел скаг, которого я узнал. Не мог не узнать! Тот самый здоровый черт-тюремщик! Былой лоск с него слетел, но рогатый сдавался с достоинством, шагал, гордо подняв голову.

Он тоже меня узнал. Мы встретились взглядами. Краснокожий улыбнулся мне. Или оскалился — понять было сложно. Моя рука дернулась к кобуре, но ее перехватил Брагин.

— Не надо, — произнес он. — Они сдались.

Я уже почти забыл свою клятву — отомстить за друзей. Слишком много смертей я повидал в последнее время, смертей достойных людей, чтобы выделить кого-то одного. Боль утихла. Но сейчас, при виде тюремщика, ярость заклокотала с прежней силой. Я жаждал мести. Нет — возмездия! Но в очередной раз я был абсолютно бессилён. Теперь — связанный нашими, человеческими законами.

Первыми в здание вошли саперы. Черти, несмотря на любые соглашения, почти всегда, уходя, минировали все, что могли заминировать. И Дворец Советов не стал исключением. На обезвреживание ловушек у инженеров ушло несколько часов.

Вернулись они чрезвычайно возбужденные, кроя матом чертей, на чем свет стоит. Из заложников не выжил никто. Пока мы уговаривали осажденных сдаться, проклятые нелюди тихонько резали землян. Но главным было другое.

Среди хаоса, в маленькой комнатке, лежало снаряжение скагов, брошенное ими при отступлении — оружие, бронежилеты и шлемы. В том, что шлемы принадлежали именно инопланетянам, сомнений не было — в каждой каске красовалось по два отверстия — для рогов. Людям делать дырки в головных уборах без надобности, у нас ведь рогов нету. Но было и еще кое-что.

— Волосатики! — с ненавистью процедил сквозь зубы Брагин.

Сегодня уже сложно сказать, кто положил начало традиции украшать свои шлемы частями падших врагов. Еще тогда, в годы Пограничной войны, когда люди и черти сражались бок о бок. И с той стороны тоже были как земляне, так скаги. Возможно, первым человек прикрутил на свой шлем рога инопланетянина. Возможно — наоборот, краснокожий снял с убитого солдата скальп и наклеил его на свою каску. Подсмотрели рогатые этот обычай у староземных североамериканских индейцев, или придумали сами — тоже выяснить невозможно. Жесткое время. Жестокая война. Жестокие обычаи. В самом деле — зарубок на цевье можно поставить сколько угодно и никто не проверит, а рога или скальпы, кроме как в бою — достать негде.

Командование такую самодеятельность не поощряло, но открыто и не запрещало. Еще долгие годы после войны модники щеголяли в рогатых и волосатых шлемах. Прочие относились с пониманием. Справедливости ради стоит отметить, что свистульки из рогов скагов, как и резные безделушки, рукояти для ножей — все из рогов скагаран, и сегодня не редкость, но в послевоенные годы их было просто невероятное количество.

Впрочем, терпимо относились только к скальпам с короткими волосами. Ясен пень, что

прежний его владелец — солдат противника, враг и т. д. Но среди инопланетян встречались и отъявленные отморозки, украшавшие шлемы длинными волосами. Женскими. И не единицы, а целые роты. А, может, и батальоны. Война войной, но зачем резать гражданское население?

Такие изверги и получили презрительное прозвище «волосатики». Они отличались невероятной жестокостью. Эти черти воевали не ради денег, они воевали ради самой войны, упиваясь убийствами, получая настоящее удовольствие, отнимая жизнь. И такие тоже были по обе стороны конфликта. Со своим командование вынуждено было смириться, как с неизбежным злом, и злом нашим, порожденным нами же. Но волосатиков противника в плен никто никогда не брал. Стреляли на месте.

Даже после Пограничной войны попадись человеку волосатик — его тихо, мирно убивали где-нибудь в темном переулке, и, хотя оно, по большому счету, и было преступлением, никто такие преступления не раскрывал. Висяки в 100 % случаев. Просто потому, что убийство волосатика все считали заслуженной карой и искать преступника никто и не пытался. Ловили в сортире — мочили в сортире.

Солдаты выжидающе смотрели на меня. Я сперва не понимал, чего они от меня хотят, а потом до меня дошло! Я же — живая легенда! Победитель скагов! Целых троих, но кто про это знал? По легенде я и от чертей ушел, и амерам наподдал, и «Юрия Гагарина» угнал.

Эта ситуация уже не была безысходной. Выбор был за мой. Или потерять лицо, отступив, или сделать то, что я, в принципе, и так давно хотел сделать. Я подскочил к Тарасову, схватил его за грудки и хорошенько встряхнул.

— Где волосатики?

— Как обычно — их довели до границы и дали под зад коленом. Я думаю, уже подходят к Скагаранскому Халифату, — на удивление спокойно ответил помощник Председателя.

— Выступаем на Скагаранский Халифат! — взревел я. — Сейчас же!

— Нельзя, — так же невозмутимо ответил чиновник.

— Это еще почему? — поинтересовался я.

— Во-первых, у нас договор со скагами Города Башен, — пояснил Тарасов. — Мы не можем не то что захватить Скагаранский Халифат, нам запрещено даже не пересекать границу. А, во-вторых — там заложники.

— Ты позволишь чертям перерезать людей, как и здесь? — спросил я.

— Вряд ли они на это пойдут... скорее — потребуют выкуп.

— И мы заплатим? Деньги? — ошарашено выговорил я.

— Не обязательно деньги, — ответил помощник ВРИО. — Возможно, золото.

— Штабная крыса, — процедил я сквозь зубы, отпуская чиновника.

На меня смотрели сотни глаз. И я видел в них только одно — решимость. Бойцам было глубоко начхать на всякие соглашения. Они жаждали одного — мести. Даже не мести, а отмщения. Симметричного ответа.

— Солдаты! — гаркнул я. — Черти убивали наших матерей и отцов, братьев и сестер, жен и детей. Убивали жестоко, не щадя никого. Вы сами видели волосатые шлемы. Они обманули нас! Сдавшись, они, как крысы, бежали к себе, чтобы собраться снова и нанести еще один удар. А этот либералишка, — я ткнул пальцев в Тарасова. — Говорит, что мы не можем войти в город чертей. Потому что у нас, видите ли, соглашение! А я вот что вам скажу: срать я хотел на все соглашения! Я собираюсь в Скагаранский Халифат, чтобы

передавить их, как поганых клопов. Вырезать до последнего гада! Кто со мной?

Слова приходили сами собой. Благо, речей в мою голову тот же Тарасов вместе со своим шефом зачихали немало. Я заметил, что даже автоматически делаю паузы в нужных местах, усиливая эффект, рублю жестами воздух. То, чему меня учили чиновники, обернулось против них самих.

— Я вам запрещаю! — завизжал помощник Председателя. — Это приказ!

— Срать я хотел на твои приказы, — спокойно ответил я.

Его никто и не услышал. Слова Тарасова потонули в едином громогласном восторженном крике солдат.

— Тут не больше роты, — заметил Брагин. — Ты же понимаешь, что напасть на Скагаранский Халифат такими силами — чистой воды самоубийство?

— Да, — коротко ответил я.

— Отлично! Тогда я с тобой!

— Товарищ полковник! — подскочил ко мне совсем молодой капитан со шрамом на щеке и в шлеме с целой короной из рогов скагов. — Мы с вами!

— А ты кто?

— Командир 6-й роты 74-й штурмовой бригады, капитан Малышев! — отрапортовал офицер.

— Найдется в твоей богадельне два лишних автомата, броника и каски?

— Сколько угодно!

Нам с Брагиным вручили снаряжение. Шлем, предложенный мне, с рогами, я отдал каторжнику, сам выбрал второй, с надписью «Рожденный убивать» и знаком мира под ней.

— Идиот, — усмехнулся Тарасов. — Как вы доберетесь до Скагаранского Халифата?

— Тут недалеко стоит целый вертолетный полк, — подсказал Брагин.

— Рота, в колонну по два! — приказал я. — Бегом марш!

Мы погрузились на вертушки и целая кавалькада винтокрылых машин направилась в последний оплот скагаран. Стрельба началась раньше, чем я рассчитывал — еще на нейтральной полосе. Несколько автомобилей отступающих чертей были уничтожены огнем пулеметов и НУРСов. Они даже не отстреливались в ответ. Видимо, было просто нечем.

Скагаранский Халифат при свете дня выглядел еще большим убожеством, нежели в темноте. Вертушки зашли с запада на небольшой высоте, не давая защитникам города прицелиться из-за солнца, бившего им в глаза. Растянувшись в линию, мы прошли одним заходом, поливая свинцовым дождем все, что шевелилось. Или пыталось шевелиться. Или нам казалось, что оно пытается шевелиться. Стреляли просто, получая несказанное удовольствие, отнимая жизни.

Еще на первом заходе я заметил цирк, он же — тронный зал Великого Хана, окруженный целым частоколом из шестов с нанизанными на них человеческими головами. Броневики, стоявшие на площади перед ним, преимущественно — наши, скорее всего — трофейные, конечно, были рассчитаны на огонь стрелкового оружия, но противостоять крупнокалиберным пулеметам их броня не могла. Бортовые стрелки лупили бронебойно-зажигательными, превратив все автомобили, до единого, в пылающие обломки.

Прочесав город один раз, вертолеты развернулись по широкой дуге и пошли на второй заход. Солнце уже скрылось за горизонтом и не давало нам надежного прикрытия. Надо понимать, и скаги, отойдя от первого шока, успели организовать и подготовить отпор. Одна из машин, оставляя за собой шлейф густого черного дыма, пошла на вынужденную

посадку. Вторая взорвалась прямо в воздухе, превратившись в огненный шар.

— Видишь цирк? — прокричал я пилоту. — Давай на площадь перед ним.

Мы сделали еще круг, над тронным залом Верховного Хана, превращая окрестные дома в руины. На случай, если там оставался противник. Расчистив зону десантирования, вертолеты один за другим зависали в паре метров над землей, ссаживая солдат на освещенную горящими автомобилями площадь, и уходили обратно на высоту, прикрывая штурмовиков пулеметами.

Полдюжата скагов огрызались огнем из-за баррикады в дверях цирка, но несколько ударивших разом гранатометов успокоили чертей и разметали завалы по ступенькам. Я снова шел по коридорам, освещенным тусклым, дрожащим светом факелов. Но уже не в качестве пленника, а освободителя. Или завоевателя?

Казалось, все оставшиеся инопланетяне Терры собрались вместе в одном месте — в цирке. Стрельба не замолкала ни на секунду. Моя разгрузка, освобождаемая от запасных магазинов, становилась все легче. Радовало одно — за 117 лет Калашматы практически не изменились, и трофейные магазины от оружия, выпущенного 10, 30, 50 и все 100 лет назад отлично подходили к нашим автоматам.

Черти стояли насмерть. Граната за угол, взрыв, крики раненных, ответная граната. Рогатые, изувеченные осколками, истекающие кровью, продолжали отстреливаться. Немудрено, здесь остались лишь отъявленные головорезы, самые преданные Кинишу. Сдаться никто и не пытался. Никто и не предлагал! Мне самому прилетела пуля по каске. Один рукав Малышева полностью окрасился красным. Брагина я не видел, но, по отборному мату слышал, что капитан где-то рядом.

Канонада затихала. Мы побеждали. Трех чертей, охранявших вход в тронный зал, настигивали свинцом, превратив в дуршлаг. Эти, если были и не последними из защитников дворца — то уже где-то около них. Нырнув под горящую занавеску, мы вошли на арену.

Здесь были всего двое — Великий Хан и тот самый здоровый скаг. Волосатик. Тюремщик. Он даже успел вооружиться дробовиком и надеть свой патронташ. Краснокожий поднял свое оружие, чем и ускорил свою смерть. Огонь штурмовиков превратил противника в кровавое месиво.

— Не стрелять! — прокричал я приказ. — Никому не стрелять!

Мы взяли трон в полукольцо. Киниш спокойно смотрел на людей, положив руки на подлокотники. В его кобуре блеснул все тот же револьвер, который я заметил при первой встрече. Наверху грохотали ботинками солдаты, занимая зал, приглушенные стенами, доносились одиночные выстрелы.

Верховный скаг выглядел уставшим. Но не сломленным! Белая рубашка, мокрая от пота, в свежих каплях крови его соратника, не стиралась очень давно, несколько пуговиц потерялись. Но он все еще был Великим Ханом, первым после Коноша за последние сто лет. Инопланетянином, в руках которого была такая власть, которой, пожалуй, никогда не было ни у одного человека. И, может быть, никогда и не будет. Прими он другое решение тогда, полгода назад, не поведи орды чертей на нас, на людей, сегодня под его владычеством был бы весь север.

— Киниш? — произнес я.

Взгляд скага, до этого устремленный в никуда, переместился на меня.

— Грашев?

Рогатый невыглядел сколь бы то ни были удивленным моим появлением. Скорее, он

испытал невероятное облегчение, словно с плеч инопланетянина свалился огромный груз.

— Как сын? — спросил я.

— Убит, — ответил Великий Хан.

— Плохо, — покачал я головой.

— Плохо, — согласился он.

— Сдавайся... — неуверенно предложил я.

Глаза краснокожего сузились. Что-то мелькнуло в них... не гнев, нет. И не ярость. Решимость. Рука скага дернулась к рукоятке револьвера. Как глупо! Я сработал на опережение, выжав спусковой крючок. В тишине зала прозвучала очередь и на рубашке Великого Хана появилось несколько равных отверстий, через которые толчками вытекала кровь. Кровь последнего Великого Хана. Киниш упал на свой трон. Он смотрел куда-то ввысь с безмятежной улыбкой на лице.

— Рога Великого Хана! — воскликнул Малышев, протягивая мне нож с пилой на обухе. — Вот это трофей!

— Нет, — возразил я. — Не трогайте его. Пусть скаги похоронят его по своим обычаям.

— Но... — попытался возразить капитан.

— Это приказ, — отрезал я.

Все же я был ему чем-то обязан. Я подошел к телу Киниша и поднял блестящий хромом револьвер. Это был единственный трофей, который я желал. Откинул барабан и рассмеялся.

— Паша, ты головой не повредился? — обеспокоенно спросил Брагин.

— Пустой, — ответил я, демонстрируя оружие. — Он пустой!

Чертов скаг! Он воистину был Великим Ханом! Он не мог позволить себе попасть в плен. Не мог позволить себе бежать. И не мог застрелиться. Самоубийство — величайший грех по понятиям инопланетян. Тилис, Единый В Трех Лицах, такого не простит. А потому выбрал такой способ уйти из жизни. Демонстративно показав, что убил его не я, я просто выпустил пулю, а решение умереть принял он сам.

— Но эти рога я точно заберу, — Малышев с улыбкой начал отпиливать рога скага-тюремщика.

Остальные солдату уже налетели на тела, снимая золото. Я отвернулся. Я успел повидать достаточно зверств со стороны инопланетян и мне было очень горько осознавать, что мы, люди, недалеко от них ушли.

— Капитан!

В тронный зал вбежал запыхавшийся сержант. Увидев меня, он осекся, оправился, и, приложив руку к козырьку шлема, произнес:

— Товарищ полковник! Разрешите обратиться к капитану Малышеву!

— Давай, — кивнул я.

— Капитан, в подвале полно заложников, а с севера, от Сигнальной горы, приближается не меньше полутора тысяч всадников! Какие будут распоряжения?

— Вызывай транспортные вертолеты и занимаем оборону, — приказал я. — Что нам еще остается?

— Никак нет, товарищ полковник, невозможно! — ответил сержант.

— Это с какого?..

— Я уже запрашивал эвакуацию. Свободных машин нет!

— Тогда пусть те, что нас привезли, садятся и забирают столько заложников, сколько смогут, — распорядился я.

— Тоже невозможно! Они ушли на дозаправку!

— Дозаправку... — повторил я. — А кто тогда над нами летает?

Сверху в самом деле доносился рокот вертолетных лопастей. И не одного, а, по меньшей мере — десятка. Тогда кто это? Неужели — американцы? Собирая на ходу автоматные магазины, пополняя боезапас, мы выскочили из цирка.

Я не особо хорошо разбираюсь в авиации, но в звездном небе темнели силуэты именно наших вертушек! Огромные «беременные коровы» транспортников и маленькие, хищные — ударных машин. Стрекозы кружили над городом, превращая огнем своих орудий в руины то, что пощадила Вторая Чертова Война, сами скаги и до чего не дошли руки у моего маленького отряда.

Один из транспортных вертолетов уже успел приземлиться и из него, в окружении полусотни солдат, вышел... кто бы мог подумать! Сам Тарасов! Броневики давно прогорели, но я узнал помощника Председателя по фигуре и по походке. Когда он приблизился — сомнений не осталось. И эта скотина улыбалась во все тридцать два зуба!

— Как оно? — поинтересовался чиновник.

Только смотрел он почему-то не на меня, а на Брагина!

— Все в порядке, — ответил капитан. — Киниш ликвидирован.

— Я не вполне понимаю... — произнес я. — А что это был за бред, что мы не можем войти в Скагаранский Халифат, соглашения с Городом Башен и прочая хренотень?

— Мой туповатый друг, — рассмеялся Тарасов. — Мы не могли войти в Скагаранский Халифат чтобы добить чертей. А чтобы арестовать тебя — запросто!

— Арестовать меня? — удивился я.

— А ты как думал? Очень жаль, что у тебя не хватило мозгов пасть смертью храбрых. Наградили бы тебя посмертно, похоронили со всеми почестями... а теперь трибунала не избежать. Ты же военный преступник! Вопреки нашему соглашению с Городом Башен ты отдал приказ атаковать Скагаранский Халифат! И убил самого Великого Хана! Нет, расстрелять тебя, конечно, не расстреляют. Я даже каторгу не обещаю. Но со службы турнут — это точно.

Где-то я все это уже слышал... похоже, моя экскурсия по тюрьмам далеко не закончена.

— Хочешь, расскажу тебе анекдот? — дружески похлопал меня по плечу Брагин.

— Про скага? — с надеждой спросил я.

— Нет, про полковника. Приезжает полковник в деревню. А там — на всех воротах нарисованы мишени, и в каждой, в самом яблочке — пулевое отверстие. Подходит полковник к одному старику, и спрашивает:

— А кто это у вас так метко стреляет?

— Да это Иван, сын священника.

— Такой отличный стрелок! Да ему место у нас, в армии!

— Боюсь, он вам не подойдет...

— Почему это? По религиозным убеждениям?

— Вовсе нет. Он сначала стреляет по воротам, в потом рисует мишень.

Если раньше у меня было подозрение на счет капитана, что он далеко не тот, кем хочет показаться, то теперь оно превратилось в твердое убеждение.

Глава 12

Миру — мир!

Третья Чертова Война закончилась. Относительно. Закончилась горячая фаза войны. Теперь сражались не в полях с автоматами в руках, а в кабинетах, вооруженные бумагой и карандашами. Вопросов у сторон накопилось очень много.

Большая часть вопросов касалась Первого. Этот порт с научной станцией вообще не имел прав на существование, нарушая целую кучу международных соглашений. Начиная с того, что он находился далеко за пределами наших границ и заканчивая разработкой оружия массового поражения. То есть нападение американцев на порт и последующая наша атака на захватчиков, формально, не являлись агрессией. После долгих споров, на всякий случай, сошлись на том, что это сделали скаги. На инопланетян вообще валили все, как на мертвых. Они и были практически мертвы, загнанные в горы.

Естественно, при таком раскладе мы не могли потребовать у партнеров вернуть похищенных ученых и документацию с результатами исследований. Ведь это все сделали скаги! Скорее всего, они остались где-то в закрытом бункере в НАШ.

Рогатые из Города Башен тоже были не в полной мере удовлетворены. Они надеялись наложить лапы на награбленное у нас золото, которым якобы был битком забит Скагаранский Халифат. Но драгоценного металла там не нашлось ни грамма. Может, оно там и было... скорее всего было — была же у Великого Хана казна! Но после удачного визита Тарасова с целью моего ареста драгоценный металл... хм... потерялся. Сам город чертей окончательно и бесповоротно превратился в руины. Вряд ли кто-то когда-то его восстановит.

Союзники попытались выставить счет за исполнение своих обязательств по охране наших городов во время нашествия инопланетян. Появился вопрос — куда делись архивы из Грачевска и Дворца Советов в Верхнезаводске?

— Их украли скаги, — ответили американцы.

— Значит вы так хреново охраняли, — ответили мы и послали с претензиями к Тилису, Единому В Трех Лицах.

Больше всего неудовольствия «союзников» вызывал «Юрий Гагарин» с ядерными ракетами на борту. Нас, в свою очередь, не устраивал размер их военно-морского флота. Потому что боевые корабли есть только у нас и у них. Но мы же партнеры и союзники! Что же это получается, если флот есть только у двух государств на целой планете — они готовятся воевать друг с другом?

Конечно — нет! Все люди — братья, и делить на этой планете нам, конечно, нечего! В итоге пришли к соглашению утопить ко всем чертям весь военно-морской флот, включая «Юрия Гагарина» и «Old West». Первый мне было особенно жалко.

Для кого ничего, по большому счету, не изменилось — это черти. Помыкавшись по степям и горам они вернулись к людям. Рабочая сила стала востребованной, как никогда — восстановить столько городов, лежащих в руинах! Скаги разрушили, скаги строили. Строили за еду, чтобы не помереть с голоду.

Работотворчество испытало невероятный подъем. Удачлив тот скаг, что продал своего брата раньше, чем брат продал его самого. Главари банд, маленькие царьки своих крошечных царств продолжали богатеть, бедняки продолжали беднеть и где-то там, среди десятков

тысяч краснокожих, жгущих костры на Сигнальной горе, продолжали мечтать о великом будущем скагаран потомки Великого Хана Коноша.

Меня, конечно, судили. Но как судить героя? Каждый солдат стоял за меня горой. После разгрома Скагаранского Халифата — особенно. Если раньше я был просто знаменитостью, то после убийства Великого Хана превратился в живую легенду. Приговор вынесли вообще смешной, а Ярцев, ставший Генеральным Председателем Совета еще и подписал приказ о помиловании, подняв свою популярность до невообразимых высот. Хитрый жук!

Но и на Терре меня не оставили — отправили колонизировать Нову, под присмотром бдительного Брагина, в каторжное прошлое которого я больше не верил ни на йоту, но и опровергнуть не мог. А он не рассказывал.

Я неоднократно спрашивал себя: сохранил бы мне жизнь Великий Хан, зная, что именно я стану причиной не только его смерти, но и поражения его народа? Скорее всего — да. Иначе он не мог. Так требовали обычаи его племени. Заветы предков.

Напал бы на землян, зная, что скагов ждет полный разгром? Думаю, он это и так знал. Будучи далеко не дураком, Киниш прекрасно понимал, что он — всего лишь пешка в руках гораздо более серьезного и опытного игрока — наших партнеров. Поражение было неизбежно. Не от нас, так от американцев. Когда он выполнит свою миссию. Мавр сделал свое дело, мавр может умереть. Он и не думал победить. Все, что делал потомок Коноша, было нацелено на одно — стать Великим Ханом, навсегда вписать свое имя в историю. Чтобы много поколений скагаран складывало про него предания и песни. Киниш сражался не за жизнь инопланетян, он сражался за свое личное бессмертие, приведя к смерти миллионы людей и рогатых. Вся Третья Чертова Война была его личной войной до последнего воина — самого Великого Хана.

Я жалел только об одном. Что тогда, во время Невидимого Солнца я не застрелил этого безумного ублюдка. Сколько жизней было бы спасено ценой всего двух — его и моей.

Больше книг на сайте - Knigoed.net